

Инесса Давыдова

Верона

Роман-трилогия

Часть первая

Глава первая

Вера

Наш почерневший от времени барак с резными ставнями стоит на окраине поселка. Если пройти еще немного, то упруешься в железные ворота кладбища. Из-за отца к нам редко приходят гости... даже по праздникам. А мне так хочется, чтобы ко мне сегодня пришла Маша – моя подружка. Из окна кухни я наблюдаю, как отец возвращается с ночного дежурства по размытой после дождя дороге. На нем форма охранника и высокие резиновые сапоги. Заметив его, я невольно вздрагиваю, но нежные руки мамы гладят меня по голове и плечам. Из всех женщин, которых я знаю, она самая добрая и заботливая.

Мама застилает стол новой скатертью, которую я ей помогала вышивать, и подмигивает младшим братьям. На их лицах отражается нетерпение, ведь сегодня мой седьмой день рождения и мама наготовила много вкусностей. Все усаживаются за стол и ждут отца. Он входит на кухню и окидывает нас злобным взглядом. Он как великан из страшной сказки: могучий, лысый, громогласный. Сашка говорит, что он Гоблин. Никогда не видела Гоблинов, но раз он так говорит, значит, это правда. По выражению отцовского лица мы пытаемся понять какой у нас день: плохой или очень плохой. Когда плохой день он только кричит и отвешивает подзатыльники, от которых искры сыпятся из глаз, но когда очень плохой – бьет. Хуже всего, когда он бьет маму. Пусть лучше нас. Нас она выходит, а мы ей помочь не можем.

Отец снимает свитер и садится за стол. Мама наливает всем по тарелке борща. Пока отец не видит, украдкой добавляет в детские порции маленькие кусочки мяса. Отец любит повторять, что мясо делает детей агрессивными. Если это так, то запретить мясо в первую очередь нужно ему.

Мы с братьями не смотрим в тарелки, а неотрывно следим за тортом «Наполеон», который мама испекла еще утром. Мой младший брат Лешка облизывает губы и кидает на меня заговорческий взгляд. Я знаю, ему хочется оттяпать самый большой кусок. Он у нас жуткий сладкоежка.

– Ты пёрнул?! – раздается свирепый рык отца.

Сашка бледнеет и вскакивает, опрокидывая свой табурет.

– Ты пёрнул, когда я ем?!

Брат бежит к двери, но властный окрик отца пригвождает его к месту.

– Стоять! – отец медленно поднимается и вытирает рукавом рубашки красные от борща губы.

Мои ладошки становятся мокрыми. Я знаю, что сейчас будет, и медленно соскальзываю со стула под стол. Младшие братья следуют моему примеру. Втроем мы сбиваемся в кучу – так нас тяжелее вытянуть – и замираем.

Первый удар сбивает Сашку с ног. Он падает на пол и на секунду его глаза встречаются с моими.

– Коля не надо! – кричит мама. – Он же не специально!

Но отец ее не слушает. Он никогда ее не слушает, она будто для него пустое место. Отец пинает Сашку в живот. Сашка корчится и извивается на полу как змея. Очередной истощный крик мамы заставляет нас вздрогнуть и прижаться друг к другу еще сильнее. Запах мочи бьет мне в ноздри – Пашка описался. Он среди нас самый боязливый. Я наблюдаю, как тонкая желтая струйка быстро течет к кухонной плите.

Сегодня у нас очень плохой день!

– Ублюдок хренов! – кричит разгоряченный отец и продолжает наносить удар за ударом. – Я выбью из тебя все дерьмо!

Сашка больше не двигается, его глаза, похожие на стекло, смотрят на меня. Мне его жаль... мне его очень жаль. Почему-то ему достается больше всех, хотя он так старается быть хорошим. Из глаз Сашки ручьем льются слезы. Мои пересохшие губы размыкаются, я начинаю петь и раскачиваться. Сплетенные на моей спине руки братьев не дают мне упасть. Сначала меня еле слышно, но с каждым словом мой голос крепнет и набирает силу:

Кладу голубя на ручку,
Не тешится,
Переложу на другу,
Не ластится.

Изшел голубь домой,
Полетай, голубь, домой,
Полетай, голубь, домой, да,
Ко голубушке своей.

Эту колыбельную пела моя бабушка. Она говорила, что отцу в детстве она очень нравилась, и он просил ее петь даже когда был подростком. Я напеваю и отец успокаивается. Отходит от Сашки и наотмашь бьет маму по лицу. Она вскрикивает, хватается за щеку и падает на стул.

– Как меня достали твои ублюдки! И ты достала, сука!

Сизый голубь сворковал,
Голубушку целовал,
Голубушка сворковала,
Голубчика целовала.

Отец срывает со спинки стула свитер, выходит из кухни и громко хлопает входной дверью. Мы знаем, куда он идет, к соседу дяде Вите. И знаем, каким он оттуда вернется...

Сегодня у нас очень-очень плохой день!

– Верона... Верона...

Открываю глаза и вижу в полутьме нависшее над собой обеспокоенное лицо Лешки. Поднимаюсь на локтях и шиплю на брата.

– Ты чего в моей комнате делаешь?

– Ты кричала... во сне...

Лешка опускается на край кровати и потирает глаза. Смотрю на будильник – три часа ночи.

– Ну, все... я проснулась... – поворачиваюсь на другой бок, – проваливай.

– Я это... – Лешка чешет затылок, – чего хотел спросить...

Поворачиваю голову и вопросительно смотрю на брата.

– Если в Москве увидишь Санька, попроси его привезти мне мобилу на днюху. Пусть ворованный или еще какой... Я единственный в классе у кого нет мобилы... стрёмно...

– Я куплю себе новый с первой зарплаты, а старый тебе отдам.

– А-а... ладно, – голос брата теплеет. – Такой расклад меня тоже устроит.

Он лениво потягивается и плетется к двери.

– Леха, – шепчу я, он поворачивается, – присмотри за мамой.

– Присмотрю, – он снова чешет затылок.

Когда он нервничает, весь исчезает, как шелудивый, видимо мой скорый отъезд его не радует. Вот только он мне в этом никогда не признается.

– Только ты ведь ее знаешь, из нее каленым железом ничего не вытянешь. Будет улыбаться и говорить что все в порядке.

– Поэтому и прошу.

– Чего ты боишься? Ему сидеть еще три года, – в глазах брата проскальзывает страх.

Ненавижу этот страх. Он у нас один на четверых. Хотя сейчас навряд ли Саня чего-то боится, так что теперь нас трое. Чтобы окончательно не погрузиться в ужас прошлого, увожу разговор на другую тему.

– Я приеду на ваше с Пашкой день рождения.

– Хоккей. С общагой у тебя все на мази?

– Вроде да, завтра все узнаю.

Дверь тихо закрывается, и я снова остаюсь наедине со своими мыслями и страхами. Завтра начинается учеба в институте. Мне предстоит самостоятельная жизнь, по этому поводу я немного волнуюсь. На вешалке висит мое отутюженное платье – я сама его сшила. Новые туфли начищены до блеска.

Свет от уличного фонаря падает на мое одеяло, оставляя кривую дорожку, и я смотрю на нее, пока под тяжестью сна снова не закрываю глаза. С недавних пор ко мне вернулись кошмары, но на этот раз я знаю почему. В последнем письме отец написал, что подал прошение на условно-досрочное. Не могу себе представить, что будет, когда он вернется.

Аристарх

От пустых стен резонируют мое тяжелое дыхание и ее томные возгласы. Красная простынь оттеняет наши тела, от чего даже самая бледная телка выглядит в моей «комнате для траха» здоровой и румяной от возбуждения. Я опираюсь на локти, чтобы не давить на нее всей массой. Под татуированной кожей вздулись вены.

– Скажи, что тебе хорошо, – настаивает она.

Черт! Телкам лишь бы поболтать! Секс – единственное, что объединяет меня на несколько часов с особами женского пола. Только здесь и сейчас я могу перекинуться с ними парочкой фраз. На этом мое красноречие заканчивается.

– Мне хорошо, – выдавливаю из себя.

Она стонет, приподнимает бедра, Сэм проникает глубже. Я рычу от удовольствия и ускоряю ритм. Наконец, все тело пронизывает конвульсиями, я выгибаю спину, задираю голову и кончаю.

– А-а-а-а! Черт!

Перекатываюсь на спину, из груди вырывается стон облегчения. Четвертый заход дался особо тяжело. Сэм теряет хватку! С минуту не шевелюсь, в голове туман, хотя я не пью, но такое ощущение, что с бодуна. Тело отчаянно

просит сна, но запах женского едкого парфюма пропитал мою кожу и простынь. Кто придумывает телкам духи? За этот отстой я оторвал бы нюхачу нос! За последние три года не припомню, чтобы мне понравился хоть один запах. Снимаю презерватив, завязываю его узлом и кидаю в мусорную корзину.

Хлопаю черноволосую по попе и говорю:

– На сегодня все, я вызову тебе такси, – моя рука тянется к телефону.

Телка – тупо не помню, как ее зовут – недовольно что-то бормочет, но мы с ней трахаемся не в первый раз и она знает, что мне перечить бесполезно.

Нахожу в телефоне приложение онлайн-такси и оставляю заявку.

Плечусь в ванную и встаю под душ. Горячие струи воды обжигают кожу. Обычно я предпочитаю прохладный душ, но после секса чувствую себя грязным, будто упал в чан с помоями, поэтому скоблю тело морской губкой. Прислоняюсь лбом к холодному мрамору и пытаюсь заглушить накотившее отчаяние. Я могу привезти чиксу в свою квартиру, пока страсть кипит в жилах, но как только Сэм насыщается, изнутри меня съедает брезгливость, к горлу подкатывает бешенство. Одна искра – и я готов взорваться и крушить все что под руку попадет.

Возвращаюсь в спальню, характерный сигнал на телефоне оповещает, что такси прибыло по месту вызова.

– Выходи, тебя ждет Абдуразак.

– Кто-кто?! – визгливо кричит телка.

– Турук Макто! – шлепаю ее по заднице. – Шевели копытами!

Показываю на ее туфли на гигантских каблуках:

– И подковы свои не забудь!

– Ну и тварь же ты, Руссо!

Жестом показываю ей, чтобы ускорила. Бормоча проклятья, чикса соскакивает и начинает одеваться. Все они меня проклинают. Но стоит мне позвонить, а порой просто прислать смс и вот они, во всей красе. Наштукатуренные, разодетые, каблуки как у стриптизерш. Ни гордости, ни самоуважения.

– Не звони мне больше! – орет она во все горло и награждает меня испепеляющим взглядом. – Завтра я выхожу замуж!

– Так какого черта ты здесь со мной кувыркалась два часа?! – взревел я.

Что за лоха она нашла?

– Почему не зависаешь на девичнике? Или как вы это там называете...

– Я и зависала, пока ты не позвонил! – она надевает туфли.

Сука, скорее бы свалила.

– Урод! Ненавижу тебя!

– Ага, – безразлично кидаю я и натягиваю чистые боксеры.

Как только входная дверь с треском захлопывается, стягиваю с «сексодрома» простынь и закидываю ее в стиралку. Иду на кухню, достаю бутылку воды из холодильника и, глядя во двор с двадцать первого этажа, медленно ее выпиваю. Такси объезжает дом, забирает черноволосую и мчится к МКАДУ. Как только она доберется до дома, с моей карты спишут сумму по счету и предложат оценить сервис. Программа «Минимум» – доставка телки домой – выполнена. В запасе у меня есть еще программа «Максимум», когда я отвожу их сам на байке, но на деле я давно уже ее не применял.

Прохожу в дальнюю часть квартиры. Открываю электронным ключом скрытую дверь моей спальни и плюхаюсь на край кровати. Кроме Марии – моей домработницы – сюда никогда не ступала женская нога.

Завтра у меня насыщенный вечер и бойцовская ночь, и я решаю отоспаться, поэтому отключаю будильник. Заваливаюсь на кровать и смотрю в потолок. Мысленно перебираю в памяти предстоящие дела, а затем тянусь к электронной читалке. Вчера скачал очередную книгу Стивена Кинга «Темную башню». На пятой минуте чтения задумываюсь над цитатой: «Никогда» – то самое слово, которое слушает Бог, когда хочет посмеяться».

Если пройтись по моей пустой незначимой жизни так можно подумать, что Бог вообще не знает о моем существовании. Все окружающие меня люди испытывают хотя бы короткие промежутки счастья, но только не я...

Вера

– Вера, вставай! – слышу я сквозь сон настойчивый голос матери. – Пора собираться. Ты опоздаешь на автобус.

Вскакиваю с кровати, протираю глаза и смотрю на будильник. На часах половина седьмого, а это значит, что у меня на сборы не больше сорока минут.

– Завтрак на столе, – говорит мама с улыбкой и выходит из комнаты.

Накидываю шелковый халат и бегу в ванную. Паника накатывает со страшной силой, и я не чувствую ног. Сегодня мне предстоит уехать из родительского дома и вступить во взрослую жизнь. Это так волнительно и ответственно. Мне кажется, что к этому дню я готовилась всю жизнь.

Дом потрескивает и бухтит, словно прощается со мной. Ох. Знаю, я буду скучать по своей комнате, ведь только прошлым летом я ее отремонтировала и купила новую мебель. Скучать буду по братьям, но тяжелее всего, конечно, расставаться с мамой. Мне будет не хватать ее добрых лучезарных глаз, нежного воркующего голоса и мягких ладоней, пахнущих цветочным ароматом.

Вчера мы с Лешкой закончили в недавно пристроенной ванной комнате ремонт, и теперь я первой могу опробовать душ. Теплые водяные потоки смывают ночной кошмар, а заодно и страхи перед будущим. Все будет хорошо, я в этом уверена. По-другому просто не может быть.

Мама собрала мне контейнер с обедом и целый пакет фруктов, от которого я не смогла отказаться, хотя даже не представляю, как дотащу его до общежития.

Бросаю прощальный взгляд на свою комнату. На книжной полке рядом с кипой журналов «ELLE Girl» и «OOPS» поблескивает гляцевая упаковка моей любимой серии книг о Гарри Поттере – подарок от старшего брата. Рядом с музыкальным центром стопкой сложены диски, большинство из которых группы «Би-2». На кровати лежит ноутбук, по словам Лехи, он настолько допотопный, что я оставляю его дома.

Когда я одетая и обутая выхожу в коридор, мама уже с моим чемоданом ждет у двери, окидывает меня придирчивым взглядом и еле заметно кивает. Мы торопимся. Мама боится, что автобус может прийти раньше, такое иногда случается, а так как это единственный утренний рейс рисковать не хочется. Солнце давно встало, теплые лучи согревают лицо. Соседка баба Нюра машет мне рукой и что-то бормочет про счастье в личной жизни. Странная она, я ведь учиться еду, а не на поиски жениха. Я смущаюсь и еле поспеваю за мамой. Мама дает наставления, я послушно киваю. Она просит меня экономить, но питаться

регулярно, брать на занятия фрукты и орехи. Но главные ее опасения связаны с мальчиками. Мы обе знаем, что в общежитии контактов с ними мне не избежать.

– Дочка, в любовных делах ты еще неопытная, поэтому не бросайся в омут с головой. Мальчишкам-то что? Отряхнулись и пошли. Расхлебывать-то нам, бабам. На моем примере ты многое познала, надеюсь, что умнее будешь. Если понравится кто, не чурайся, но близко сразу не подпускай. Пусть поухаживает, узнай из какой он семьи, может грешки за ним какие водятся... все подмечай, да на ус мотай. В мое время говорили, как парень к матери относится, так и к жене будет.

Слышать такое от мамы непривычно. Тема под названием «Мальчики» как и «Личная жизнь» раньше была у нас под запретом. За моими передвижениями зорко следили не только младший брат и мама, но и дядя и два двоюродных брата. Меня сопровождали до школы, работы, забирали от гостей и репетиторов, приводили и ждали. Не помню такого случая, чтобы я одна куда-то поехала, тем боле за пределы нашего поселка. Так что сегодня все для меня впервые.

Мы проходим мимо поселкового клуба, где по выходным крутят дискотеку. Кто-то из моих одноклассников в прошлом году приволок с озера табличку «Берегите природу горожане!». Вот только от времени и непогоды некоторые буквы стерлись и получилось «Бегите горожане!». Я улыбаюсь, вспоминая, как поселковые любят фотографироваться на фоне этой таблички.

Подходим с мамой к остановке и видим подъезжающий автобус.

– Дочка ни в коем случае не пей спиртное, от него все проблемы, – мама в своей теме.

Я закатываю глаза и спешу ее успокоить.

– Уж насчет этого не переживай.

В автобус стали заходить пассажиры.

– Да, чуть не забыла! – восклицает мама и протягивает мне клочок бумаги. – Телефон Саньки. Позвони ему, как обустроишься в общежитии. Я там положила ему две тельняшки без рукавов.

– Мам, ты же знаешь, он со мной не очень-то хочет общаться, – скуксилась я, вспоминая последнюю встречу.

– Не дури. Он будет рад. Так что позвони.

Занимаю место у окна и машу маме. Она прикладывает руку к горлу, подавляя рвущиеся наружу эмоции. В ее взволнованном облике я читаю не только беспокойство, но и гордость за то, что ее дочь поступила в престижный столичный ВУЗ. Двери закрываются, автобус с пыhtением трогается с места, увозя меня из старой жизни в новую.

Аристарх

– Ищите ее! Почему вы ее не ищите? Нет-нет-нет! Она жива! – кричу я спасателям, но видя их безразличные лица, сам заскакиваю в лодку и гребу что есть силы.

Вокруг меня черный бескрайний океан. Куда плыть? В какую сторону? Она может быть где угодно. Постепенно меня окутывает туманная дымка и лишает всякой возможности видеть дальше метра. Холодно. Как же чертовски холодно! А какого сейчас ей, в одной майке и шортах? Черт! Если она и выплыла, то уже замерзла! От одной мысли, что я больше ее не увижу, мною овладевает липкий ужас. Проклятье! Ну почему кроме меня ее никто не ищет?

– Аврора! Аврора! Аврора!

Выныриваю из сна от собственного крика и откидываю простынь стянувшую ноги, будто путы. Сажусь, чтобы восстановить дыхание делаю глубокий вдох и выдох. Я взмокший от пота. Сквозь щель в плотных шторах пробивается утреннее солнце. Смотрю на часы, почти девять утра. Это называется, отоспался! Черт!

Бреду в ванную и смываю ночной кошмар прохладной водой. Каждый год одно и то же. Как только приближается годовщина смерти сестренки, меня начинает лихорадить. Нужно проверить срок действия загранпаспорта и забронировать билет на Фиджи. В этом году я запланировал поминальную службу на берегу океана, навряд ли кто-то приедет, кроме меня, но все же...

Выхожу из душа и вытираю запотевшее зеркало. Ну и видок у меня! То еще зрелище! Темные круги под глазами, набухшие веки. Будто после попойки. Тру покусанные вчерашней телкой губы. Черт! Дура! Надо удалить ее номер. Собираю мокрые патлы в самурайский пучок. Плетусь на кухню и выпиваю

стакан холодного домашнего кваса. Каждое лето Мария делает его по моей просьбе. Желудок бурчит и просит еды. Рыщу в холодильнике что-нибудь съестное и слышу, как хлопает входная дверь.

– Это я! – раздается голос Марии.

Сегодня мы оба ранние пташки. Обычно она приходит к моему завтраку в одиннадцать.

Закрываю дверь холодильника, раз она здесь, пусть сама готовит. Устраиваюсь с ноутбуком в кресле у окна – мое любимое место – и жду, пока Мария переоденется.

За последние три года моя жизнь превратилась в сущий кошмар. Не припомню, чтобы хоть раз я испытал радость или кратковременную вспышку счастья. Даже бизнес, в котором я всегда находил отраду, стал повседневной рутинной.

Мария заходит в кухню с двумя пакетами продуктов и внимательно на меня смотрит.

– Доброе утро, Аристарх, – но по моему виду понимает, что у меня утро добрым не бывает.

– И тебе привет, – бурчу я, не отрываясь от ноутбука.

– Вчера была в Жуковке, – Мария убирает у моих родителей два раза в неделю, а у меня три. – Все волнуются за тебя. Спрашивают, может, на этот раз останешься на поминки в Москве?

– Нет, я полечу на Фиджи, – категорично говорю я.

Мария знает, что со мной спорить бесполезно и переводит тему.

– Что хочешь на завтрак?

– Омлет с ветчиной.

– А хочешь драники? Я принесла тебе домашней колбасы. Вкусная, пальчики оближешь.

Тяжело вздыхаю и зыркаю в ее сторону.

– Зачем спрашивать, если уже все распланировано? – ворчу я.

– Я просто предлагаю, но если хочешь омлет, то я сделаю, мне не трудно.

– Давай омлет и твою хваленую колбасу, – иду я на компромисс.

Пока она готовит, рассказывает о своих детях и внуках. Мне это до лампочки, я не вслушиваюсь. Можно было уйти в свою комнату, но болтовня Марии меня успокаивает и настраивает на рабочий день – это мой утренний обряд.

Через час, облаченный в потрепанные джинсы и футболку, я седлаю свой «Харлей» и выезжаю с подземной стоянки. На выезде меня встречает неизменный провожатый – черный худющий пес с потухшим взглядом. Он как я, только в собачьем облики. Вечно злющий, вечно куда-то спешит. Сегодня у него кость в пасти, видимо, перепало от наших охранников. Я не раз видел, как они его подкармливали. Жму на газ, байк рычит и рвет с места. Настроение мрачнее грозовой тучи. Мчусь к своему другу Курту, может в дороге удастся придумать новый аргумент, почему этому олуху сегодня нельзя выходить на ринг.

Вера

Пока ехала в Москву предавалась мечтаньям, как изменится с сегодняшнего дня моя жизнь. До этого момента в основном она состояла из работы по дому и огороду, в пошивочном цеху моего дяди и учебы в школе. В свободное время, которого у меня было не так много, я погружалась в иллюзорный мир, созданный мною после прочтения очередного романа. А еще я много рисовала, в основном карандашами, но за последние три месяца освоила темперу и акварель. Мама сказала, что творчеством денег не заработать, и решила, что мне нужно пойти учиться на банкира. Почему-то эту профессию она особенно жалует, и я поступила в Академию народного хозяйства на факультет «Финансы и банковское дело».

Вчера в айпод закачала последний альбом моей любимой группы «Би-2» и сейчас, наслаждаясь голосом Левы, прислоняюсь лбом к прохладному стеклу и закрываю глаза. Меня уносит в мой внутренний мир, туда, где мне никогда не скучно, где я сама с собой в гармонии. Пока звучит музыка, волнение отступает. В душе воцаряется мир и покой.

Через две пересадки я добралась до Сергиево-Посада, а там снова пересела на другой автобус – побольше и почище. По мере моего приближения к столице

волнение накатило с новой силой. Со всех сторон рекламные вывески, баннеры, перетяжки. Все пестрит и мигает, как салют ко дню Победы. Дороги чистые, политые. Кругом цветы в клумбах. Автобус обгоняют дорогие машины. Такие редко заезжают к нам в поселок. Я заглядываю им в окна, по одежде и по лицу водителя пытаюсь понять, кем этот человек работает и в каком доме живет. Восторженное выражение лица сохраняется, пока автобус не останавливается перед станцией метро «Медведково».

Серый угрюмый поток подхватил меня с двух сторон и понес к эскалатору. Мама миа, я уже и забыла как же тут страшно!..

Вестибюль академии поразил меня своим грандиозным масштабом, атмосферой и обилием света. Все вокруг блестело и сверкало, как в музее, аж дух захватывало! Так хотелось задержаться и тщательно все рассмотреть, но мне как можно скорее нужно получить студенческий билет и направление в общежитие. В деканате я простояла в дикой очереди, а когда вышла из главного корпуса, в сумке уже лежал мой новенький студенческий билет, и от одной этой мысли меня распирало от счастья. Подумать только, я в Москве и у меня началась студенческая жизнь! Если бы не огромный чемодан и не сумка с провизией, я бы закружилась в танце или проскакала на одной ноге до самого метро.

С небес на землю я опустилась, как только предъявила коменданту направление на заселение в общежитие.

– Мест нет! – рявкнула она, тем самым вызвав у меня шквал эмоций.

– Как нет? – непонимающе уставилась я. – Мне же дали направление...

– Говорю же: мест нет. Надо было с самого утра приходить. Были две комнаты. А теперь нет. В первом корпусе еще не закончен ремонт, во втором корпусе авария – затопило два этажа. Третий корпус переполнен. Даже раскладушки закончились.

– Что же мне делать? Мне некуда идти, – до меня, наконец, дошел смысл сказанного и на глаза тут же навернулись слезы, которые впрочем, никак не смутили женщину-глыбу.

– Езжайте домой, а через неделю позвоните, может к тому времени хоть одну комнату отремонтируют.

– Мне до дома добираться больше четырех часов, я не поеду в такую темень.

Я не стала вдаваться в подробности, что единственный вечерний рейс в поселок уходит со станции в семь часов, а я уже на него точно не попадаю.

Женщина немного смягчилась и сунула мне в руку визитку:

– Тогда поспите эту ночь в ближайшей гостинице, а завтра езжайте домой. Не знаю, что они там думают в ректорате – о положении дел все отлично осведомлены.

Ошарашенная и злая я схватила визитку и вышла на улицу. На поиск адреса ушло еще около часа, никто из прохожих не мог мне сказать, в какой стороне находится нужный мне дом. А когда я все-таки нашла гостиницу, поняла, что теперь у меня реальные проблемы. Гостиница оказалась девятиэтажным зданием заселенным гастарбайтерами с Востока. Из открытых окон доносились песни на непонятном языке с восточным колоритом. Мне свистели, будто подзывали собачку и называли Наташей.

Администратор сказала, что свободных номеров нет и разместить меня сможет только с подселением, но я отказалась. Одно дело жить в одной комнате с сокурсницей и совсем другое с незнакомой женщиной из другой страны, которая по-русски еле разговаривает.

Я вышла на улицу и пошла бродить в поисках другой гостиницы. Но, увы, ничего не нашла. Ноги гудели, как назло по пути мне не попалось ни одной скамейки, где можно передохнуть и спокойно подумать. Идти дальше не было сил, поэтому я присела на чемодан и растеряно осмотрелась по сторонам. Несколько минут я беззвучно плакала, боясь привлечь внимание прохожих, а когда на меня оборачивались, делала вид, что кого-то жду. Нужно взять себя в руки и что-то придумать. Не могу же я сидеть на тротуаре всю оставшуюся ночь. В кармане плаща обнаружился клочок бумаги – телефон брата. Выбора нет, он моя последняя надежда, не звонить же маме. Вот будет потеха! Не смогла справиться с первой же трудностью. По сути, мама скажет то же самое: звони Сане. Я потянулась к телефону и набрала номер брата. После четвертого гудка он ответил знакомым «говорите».

– Саня, – услышав родной голос, я не сдержалась и начала всхлипывать, – это я, Верона.

– Верона? – фоном слышалась громкая музыка, по звуку я поняла, что он старается выбраться из помещения на улицу. – Что случилось? Что-то с мамой?

– С мамой все в порядке. Дело во мне.

– А с тобой что?

– Ох... я сейчас сижу на тротуаре и мне некуда идти... вот что случилось...

– На тротуаре? Ты вообще где? – в его голосе чувствуется беспокойство и удивление.

– Я в Москве. Приехала на учебу, а в общежитии нет мест... хотя мне обещали и дали направление... а это тетка... как ее... комендант...

– Подожди-подожди, на какую учебу?

Из дальнейшего разговора я понимаю, что мой брат посчитал меня законсервированным овощем, который никогда не вырастит и не закончит школу. Объяснив ему ситуацию, я замерла в ожидании. Сане потребовалось несколько минут, чтобы все переварить. За это время он пыхтел, кряхтел, как ворчливый старик.

– Назови адрес, я приеду за тобой.

Я объяснила, что не знаю, где нахожусь, от гостиницы ушла далеко, а рядом нет ни одного здания с названием улицы и номером дома.

– Ты видишь хоть какое-то кафе или супермаркет? Мне нужно чтобы ты перешла в безопасное место.

Я кручу головой, столько вывесок, что сразу не сообразишь.

– Вижу кофейню...

– Иди туда и дай трубку кому-нибудь из персонала.

Схватив чемодан и сумку, я метнулась в подземный переход и вышла на противоположной стороне дороги. На входе в кафе меня встретила любезная девушка, и я попросила объяснить брату, где нахожусь.

Сижу в кафе у окна и пью чай с мятой и имбирем. Официантка крутилась возле меня, пока я не предложила заплатить за чай, видимо, я так выгляжу, что не

внушаю доверие даже этой ненамного старше меня девушке. Когда я получила счет, то чуть со стула не упала. Пятьсот рублей за чай? Она шутит? Туда золотой песок добавили? Теперь понятно ее волнение. Цены тут кусаются как соседский пес Зоркий.

На город опустилась глубокая ночь, но движение все еще интенсивное. Рядом со мной сидят две влюбленные парочки и я украдкой наблюдаю за их проявлением чувств. Это так мило: млеть от прикосновений, радоваться каждой подаренной улыбке и краснеть, когда на тебя вот так призывно и откровенно смотрят. У меня никогда такого не было.

Мое внимание привлек подъехавший черный автомобиль с черепом и языками пламени на капоте. Из машины вышел парень в джинсах и черной футболке, в руках мобильный телефон. Он идет в кафе, а глаза его блуждают в поиске кого-то. Я была им так заворожена, что не сразу поняла, что это мой собственный брат! Мы не виделись пару лет, и я не подозревала, что он может за это время вот так сильно измениться. Некогда кудрявая шевелюра сменилась короткой стрижкой на военный манер. Меня поразили татуировки на обеих руках и бронзовый загар. Он совершенно трезвый, по его виду можно сказать, что вообще не пьет, а ведь были времена, когда он так напивался, что каждый день мы с мамой волокли его домой на себе. Эти перемены меня бесконечно радуют, я так люблю его, и хочу, чтобы он был счастлив.

– Верона?

Брат узнает меня не сразу, похоже, он тоже приятно удивлен. Да-да, моя грудь выросла до третьего размера, нечему тут удивляться и так бестактно на нее таращиться.

– Тебя не узнать, – он поднимает меня за плечи и прижимает к себе, от него пахнет морским бризом, – Э-э-э, как же ты повзрослела... – в его голосе чувствуется волнение.

Дрожу от восторга, плохое настроение растворилось, как сахар в кипятке, я сама сейчас как сахар, таю в его объятиях. Когда он рядом, мне не страшно, он позаботится обо мне, я это знаю.

– Шпиндуй к машине, – шутит он, хватая мои вещи и выходит из кафе.

– Я уже позабыла, что есть особый язык Саши Павлова.

Он хмурится, но всего лишь на секунду и, сев в машину, говорит:

– Нет больше Саши Павлова, теперь есть только Курт.

– Это твоя кличка? – улыбаюсь я. – Мне нравится!

– Это мое имя в мотобратстве, – по его тону я поняла, что эту тему сейчас развивать не стоит.

Мы едем по ночному городу и непринужденно болтаем, я рассказываю ему последние новости о братьях и маме, о медленно, но все же продвигающемся ремонте, и он восклицает:

– Вы пристроили ванную?! Здорово! Надо приехать и опробовать, – он скребет трехдневную щетину, – давненько я не был в тех краях.

Надо бы рассказать об отце, но я решаю отложить разговор на другой день. Не хочу омрачать нашу первую встречу воспоминаниями о прошлом, тем более что они у него еще более болезненные, чем у меня.

– Мама передала тебе две тельняшки-безрукавки.

– Круть, – Саня подмигивает, я отвечаю ему широкой улыбкой. – А что Леха надумал? Куда пойдет учиться после школы?

– Пока не знает. Бродит впотьмах. Сказал, что если мне Академия понравится, то пойдет по моим стопам.

– Мне кажется, что банковское дело точно не для него...

– Как, собственно, и не мое, – я мрачнею, но под пристальным взглядом брата, поясняю: – Мама сказала, что если буду банкиром, никогда голодной не останусь.

– У мамы свое представление о мире. Но Верона... профессия! Это не покупка нового платья!

Маму не переубедить, я уже пыталась, поэтому я снова говорю о младшем брате.

– Лехе пока не до выбора профессии, его голова забита девочками.

– Да ладно!

– Ага! Первый красавчик в поселке, – усмехаюсь я, – отрастил себе кудрявые патлы до плеч, как были у тебя раньше. Мама все грозитя подкрасться к нему ночью с ножницами и отрезать.

Через полчаса мы подъезжаем к странному месту, огороженному высоким забором. Это какой-то парк аттракционов. У меня замирает сердце, я думала мы приедем в его квартиру.

– Ты здесь живешь? – со страхом спрашиваю я и тут же одергиваю себя за банальность.

– Типа того, – с лица брата сползает улыбка.

Ворота с вывеской: «Проезд для служебного транспорта» разъезжаются в стороны.

– У меня сейчас не самый простой период...

Саня приветственно машет охраннику на проходной, тот смотрит на меня и одаривает его заговорщической полуулыбкой. Хе-хе! Видимо, он считает, что я его новая подружка.

Машина медленно движется к крытому алюминиевым рифленным листом ангару и останавливается перед дверью, на которой написано «Техническая служба».

– Заходи, – Саня открывая передо мной скрипучую дверь, – я принесу твои вещи.

Перешагиваю через высокий порог и попадаю в мастерскую, заставленную ремонтным оборудованием и стеллажами с запчастями. В дальнем конце ангара маленькая кухня, а за ней большие ворота, у которых застыл электрокар. Рядом с кухней два вагончика соединенных между собой общим коридором.

– Чувствуй себя как дома, – Саня забрасывает мой чемодан в один из вагончиков, – можешь прибраться, только не крась стены в розовый цвет.

Он намекает на мою комнату, видимо, ему рассказала мама. Я фыркаю и показываю ему язык.

В первом вагончике что-то типа гостиной, в ней небольшой кожаный диван, журнальный столик, телевизор и потертое кресло. Во втором – кровать, тумбочка и открытая вешалка, на которой висит поношенная и не совсем чистая одежда брата.

– Давно ты тут живешь? – спрашиваю я, возвращаясь на кухню.

– Э-э, с неделю, – он показывает на чайный пакетик. – Чаю?

Я киваю и спрашиваю:

– А раньше где жил?

– Кажется, у кого-то слишком много вопросов, – он поднимает левую бровь, Саня всегда так делал и от детских воспоминаний щемит в груди.

– Прости, просто давно тебя не видела, – в моем голосе столько теплоты, что он улыбается и подает мне чашку с чаем.

Мы еще немного болтаем о его работе механиком, он рассказывает о парке развлечений и графике работы. Парк закрывается через месяц и за это время ему нужно найти квартиру. Я зеваю, и Саня предлагает мне лечь в кровать.

– А ты где ляжешь?

– Мне еще нужно поработать, – уклоняется он от ответа, – так что постарайся не обращать внимания на шум. Во сколько тебе завтра на занятия?

– К восьми.

Он присвистнул и округлил от удивления глаза:

– Так рано? Черт!

Саня – сова, дома он раньше двенадцати не поднимался.

– Все в порядке, я сама доберусь до института. Тут далеко до метро?

– В том-то и дело, что далеко. Э-э, ладно, до утра еще дожить надо, – он чешет затылок, и я прям чувствую, как у него напрягается мозг.

Проснулась я от громких выкриков и басов, которые ритмично стучали по округе. Выбравшись из кровати, я скинула пижаму, надела джинсы и майку. Обошла весь ангар, но Сани нигде не было. Тогда я выглянула на освещенную фонарями улицу и поняла, что музыка и крики раздаются со стороны «Американских горок». Подойдя ближе, я увидела то, к чему явно была не готова. Куча «прокаченных» мотоциклов разных марок приткнулись к ограде, толпа байкеров столпилась вокруг произвольного ринга, отмеченного по периметру горящими факелами, а в центре мой брат и еще какой-то парень метелят друг друга изо всех сил.

Не думая о последствиях, я сорвалась с места и начала протискиваться через толпу. Когда я пробралась к центру, парень в черных шортах молотил брата по корпусу, а в конце серии ударов нанес один в челюсть. Голова Сани

откинулась назад, а затем он рухнул на асфальт как подкошенный. Я опустилась на колени и зажала рот рукой. Его стеклянный безжизненный взгляд устремился прямо на меня. Из рта стекала струйка крови.

Рефери – бородатый байкер в кожаных штанах – начал громко отсчитывать секунды. Его татуированные в перстнях пальцы мелькали перед лицом Сани, и мне показалось, будто он выносит ему смертный приговор.

Что-то знакомое из детства пробралось в мое сознание. Это был короткий импульс, пробудивший во мне нечто звериное и неукротимое. Я схватила древко от факела и со всей силы начала наносить удары по мокрой от пота спине обидчика. Я что-то кричала, но не помню, что именно. Парень в шортах ловко и играючи уворачивался и в итоге выбил из моей руки орудие. Толпа заулюлюкала, кто-то стал меня подбадривать, а кто-то начал орать, чтобы я убиралась ко всем чертям.

– Эй-эй, малышка, ты чего так разгорячилась? – заигрывающая улыбочка парня в шортах подтолкнула меня на повторную атаку.

Саня пришел в себя, открыл глаза и тряхнул головой. Из толпы, словно вихрь вылетел какой-то парень, взвалил меня на плечо, потащил к стоянке и опрокинул на капот черного «Мустанга», с точно таким же пламенем, как у брата.

– Ты чего творишь? Шизоидная что ли?

Одна его рука зажала мои запястья над головой, другая сдавила плечо. Его острое колено больно упиралось в мое бедро. Наконец-то, я его разглядела: трапецевидное лицо, волнистые до плеч волосы, изумрудно-зеленые глаза – совершенно дикие; прямой, чуть заостренный к низу нос, пухлые волнистые губы и резко очерченный выступающий подбородок. Одет он был в черные джинсы и белую футболку.

Я пыталась восстановить сбившееся дыхание, но пока он меня так крепко удерживал, это было весьма затруднительно. Глаза блуждали по его лицу, будто я пыталась его запомнить, а не оттолкнуть. А он без зазрения совести уставился на мою вздымающуюся грудь и застыл, как изваяние. От его щупающего взгляда под майкой затвердели соски. Хватка немного ослабла, мне уже не составило труда вырваться, но в этот момент я почувствовала исходящую от него энергию. Она

прошла через все мое тело и задержалась где-то внизу живота, будто тлеющий огонек.

– Как тебя зовут, Принцесса? – его голос изменился, потеплел.

– Верона, – выпалила я на одном дыхании.

Сама не зная почему, я назвалась именем, которое было в ходу только в моей семье и было чем-то очень личным.

– Привет, Верона, – он облизал пересохшие губы, шумно сглотнул, от чего кадык пришел в движение.

– Привет, Незнакомец, – я улыбнулась, мне вдруг стало смешно, это от стресса и что-то типа защитной реакции. Улыбка меня не раз спасала.

Он наклоняется, будто хочет поцеловать и мои глаза мгновенно вспыхивают. Почему я не сопротивляюсь? В следующий миг его губы у моего уха.

– У тебя есть на сегодня компания?

Серьезно?! А парень не промах! Зря время не теряет! Интересно, он так к каждой подкатывает? Эта мысль меня мгновенно остужает.

– Отпусти ее Руссо!

Мы оба повернулись и увидели Саню. Его появление меня окончательно взбодрило. Магия, что сковывала минуту назад, улетучилась, и я снова стала сама собой.

Незнакомец разжал руки, я медленно поднялась и потерла запястья. Похоже, что к нему тоже вернулось прежнее настроение, он со злостью пнул бампер машины и прокричал:

– Мать твою, Курт! Объясни своей телке, что нельзя вмешиваться в бой!

– Я сдал бой, – прохрипел Саня.

– Ты что? Ну, ты осел!

Через мгновение он скрылся в толпе, а мой взгляд переместился на разгневанное лицо брата.

– За мной! – прорычал он и жестом дал понять, чтобы я шла в ангар.

С виноватым видом я засеменила за братом. От страха зуб на зуб не попадал. В гневе он страшен и лучше ему не перечить.

– Вот знал, что привозить тебя сюда плохая идея! – Саня пропустил меня вперед, затем с силой хлопнул дверью, от чего стены из листового металла задрожали.

– Тебе нужен врач!

Я хотела осмотреть его раны, но он оттолкнул мою руку и рывкнул:

– Отвали от меня!

Вот он... мой брат во всей красе... никакие годы и жизненный опыт не властны над его характером.

Аристарх

Меня окружает орущая толпа бро. Каждый четверг в полночь я организовываю бои. Наблюдать за реальным боем это не то, что смотреть по телевизору. Атмосфера драйва, азарта, выброс тестостерона и накопленной злобы переполняет каждого, кто хоть минуту постоит рядом с рингом. Никакое другое место не дает мне такой заряд бодрости и энергии.

Я тщательно отбираю бойцов и слежу за их тренировками и режимом. Сейчас на ринге мой друг Курт, поэтому я на взводе. По моему мнению, к бою он был не готов, но этот засранец никогда меня не слушает. Вбил в свою тупую башку, что ему нужно свалить к океану и оседлать волну, а для этого нужны прайсы. Глядя на то, как он пропускает удар за ударом, я понимаю, что он уже проиграл, а значит, моя ставка сыграла и мой выигрыш пополнится еще на сто штук.

Логичное завершение боя прерывает женский истошный крик. Какая-то цыпа с кукольной мордахой опрокинула факел и оторвала от него рукоять. Я еле успеваю отскочить в сторону, чтобы меня не задела языки пламени.

Черт! Что за дура? Какого хрена она творит?!

Братва совсем слетает с катушек, когда эта Барби накидывается на Волка. Я ловлю на себе свирепые взгляды братьев. Ставки нешуточные. Вот-вот кто-нибудь из них схватит ее за космы и бросит в толпу. В крови закипает адреналин. Бегу на ринг, перекидываю цыпу через плечо и протаскиваю сквозь плотный ряд

разгоряченных тел в коже. Она рычит, отбивается и пару раз бьет меня коленом в живот. Детка, чтобы свалить меня с ног тебе понадобится грузовик.

Кидаю ее на капот и пытаюсь успокоить. Она впляливается в меня своими глазами, которые у нее как два озера, и тут меня накрывает с башкой. Не могу вздохнуть, из легких будто выбило весь воздух. Бедрa сжало, как в тисках, от чего мой дружок Сэм радостно вострепнулся и мгновенно ожил. От ее вида у меня пересыхает горло, и я еле сдерживаюсь, чтобы не впиться в ее алый рот. Не знаю, что за хрень со мной твориться, но такое со мной впервые.

Спрашиваю, как зовут и тут же ангельский голосок выдает: «Верона». От звука ее голоса мои ноги подкашиваются. Сэм чуть не выпрыгивает из штанов. Черт! Если бы не толпа я бы трахнул ее прямо здесь на капоте.

Слышу окрик Курта и поворачиваю башку. Какого хрена?! Это Цыпа его подружка?! Когда он успел ее охмурить? Меня прямо судорогой сводит от облома. Я ему это еще припомню! Тихушник хренов!

Он уволакивает ее в свою берлогу, а я, еле справившись со стояком, возвращаюсь на ринг. Меня все еще сотрясает приятная нега, будто я только что кончил, а перед глазами мелькают синие глаза Барби. И запах! Она источала офигительный запах! Черт! Он до сих пор кружит мне башку!

– Руссо! Пора платить! – окрикает меня Крест, и по его довольной ухмылке я понимаю, что тот тоже поставил на проигрыш Курта.

После раздачи ставок, плетусь к машине и достаю из багажника кейс. Нужно подлатать Курта, рана на щеке отстойная.

На мобилу приходит смс. Это Шер, до боя я предложил ей встретиться, и она пишет, что ждет меня в баре. Пишу ей, что буду позже, хотя настрой у меня уже не тот.

Плетусь в ангар. За спиной слышу стук женских каблуков.

– Руссо! – оборачиваюсь и вижу Аквамарин, бывшую подружку Курта.

Черт, обложился бабами как в гареме.

– Мы можем поговорить?

– Не сейчас! Мне нужно его подлатать.

– Руссо, какого хрена ты допустил его до боя, ты же знаешь что он не в форме! Стой, сукин сын, когда я с тобой говорю! – она догоняет меня и с размаху шваркает сумкой по спине.

Ах, ты ж гадюка!

– Разве это теперь твоя забота? – я не скрываю сарказма, терпеть ее не могу, впрочем, как и она меня. – В отличие от тебя, он времени даром не теряет...

Стук каблучков больше не слышен, похоже, я пригвоздил сучку к месту.

Вера

Несколько минут Саня метался по ангару как загнанный в клетку зверь. Швырял инструменты, затем, схватив разводной ключ, стал молотить им по стеллажу, от чего на пол из металлических коробок посыпались мелкие запчасти. Его лицо опухало и расползалось с каждой минутой все сильнее и сильнее, словно порванная маска.

Я приткнулась в углу на кухонном табурете и сидела тихо, словно мышка. Адреналин сделал свое дело – руки дрожали, ладони взмокли, сердце выпрыгивало из груди.

– Зачем ты вмешалась?! – гневно выпалил Саня. – Неужели совсем соображалки нет?!

– Я... не знаю... – пролепетала я.

Хотелось, чтобы мои объяснения он услышал после того как остынет, но игнорировать его еще хуже.

– Не знаешь?! Какого хрена!? Верона! Я только что из-за тебя проиграл хренову кучу денег!

– Ты что, поставил на бой? – я содрогнулась. – Ты сказал маме, что игровая зависимость в прошлом.

– Это совсем другое! Мне нужно было лаве, чтобы отсюда свалить!

Он согнулся пополам, уперся руками в колени и тяжело выдохнул. Несколько минут в ангаре стояла тишина.

– Просто чудо, что Руссо вытащил тебя с ринга. Теперь я его должник. Господи! – он осмотрел свои сбитые в кровь руки и злобно сплюнул.

– Имя-то какое чудное...

– Это кличка!

– Кто он, этот Руссо?

– Никто, – огрызнулся Саня и метнул в меня гневный взгляд.

Вот зачем я это спросила?

– Не злись, пожалуйста, мне страшно. Когда ты злишься... ты похож на него... – мой голос сорвался, губы задрожали, и я закрыла лицо руками.

Мы оба понимали, о ком я говорила.

– Господи! Верона! Никогда меня с ним не сравнивай! Никогда! Слышишь? Я не такой! – его голос был уже где-то совсем близко, затем его могучие руки подняли меня с табурета и притянули к себе. – Ты все еще не избавилась от этого дерьма?

– Стало даже хуже, – из глаз потекли слезы, мои плечи вздрагивали. – Ночью мне приснился кошмар... помнишь мой день рождения... семь лет...

– Сестренка, упокойся, – его опухшая рука поглаживала мою спину, – это все в прошлом. Его нет, и в ближайшее время он не появится.

– Вот об этом...

Нас прервал металлический скрежет открывающейся двери, в ангар вошел Руссо с черным кожаным чемоданчиком. В его лице я прочла что-то недоброе.

– Потом будешь миловаться, идем, я тебя заштопаю, – проворчал он, – рана на щеке отстой, придется швы наложить...

– Поговорим позже, – сказал мне Саня, вытер слезы с моих щек и поцеловал в лоб. – Прости, что накричал. Давай, улыбнись.

Я буквально выжала из себя улыбку, знаю, он любит надавливать на мои ямочки двумя большими пальцами, вот как сейчас.

Руссо снял футболку, оголяя татуированную спину, видимо, чтобы не запачкаться брызгами крови. Саня сел на табурет и Руссо начал придирчиво осматривать раны. Они обменивались короткими репликами, понимая друг друга с полуслова, и я поняла, что они друзья.

Пока Руссо обрабатывал брату раны, я разглядывала его стройное тело. В нем роста, наверное, метр девяносто, не меньше. Длинные ноги. Приспущенные на узких бедрах джинсы оголяли красивый рельеф живота. Его

гибкая фигура была похожа на крадущегося леопарда – движения плавные, осторожные. Мне вдруг захотелось, чтобы так он дотрагивался только до меня. Я сидела довольно далеко и не смогла различить все татуировки. Видны были только хорошо освещенные части: от запястья до локтя на каждой руке был изображен хвойный лес с взлетающими с веток птицами. Никогда не видела такой красоты. На спине были вытатуированы какие-то буквы и изображение совы с распушенными крыльями, туловищем которой был разукрашенный череп.

За все время Саня не произнес ни звука, будто в него не тыкали иголки, не промывали рану антисептиком.

Руссо поймал мой замороженный взгляд и усмехнулся. В движениях сразу почувствовались напряжение и скованность. Его присутствие придавало мне смелости. Сама не зная почему, я продолжала на него откровенно пялиться. Через минуту его вопросительный взгляд снова метнулся в мою сторону.

– За просмотр я беру плату, – ухмыльнулся он и одарил меня такой потрясающей улыбкой, что я чуть с табурета не слетела.

– Что-что? – промямлила я и почувствовала, как болят щеки от натянувшейся улыбки.

– Ты глаз с меня неводишь, так что должна за это платить...

– Ты что, музейный экспонат?

– Типа того...

Саня ткнул его в бок и тот нарочито громко взвыл.

– Хорош выделяться, – одернул его брат. – Увидел смазливую девчонку и ведешь себя как клоун.

Я осмотрела кухню: плита и духовка вроде новые. Затем заглянула в холодильник. Лицо обдало приятной прохладой. Ох, как кстати, мне нужно успокоиться. Из-за этого парня я не на шутку разгорячилась.

– Могу в качестве платы испечь пирог с мясом, – предложила я и закрыла холодильник.

Боже, какая же я при нем смелая! Будто сама нарываюсь...

– Пирог? Ты умеешь готовить? – усмехнулся Руссо. – Мне казалось, что Барби только умеют в зеркальце глазеть, да ресничками наклеенными хлопать.

– Если ты разукрашенный павлин, это не значит, что я Барби, – огрызнулась я и включила духовку.

Саня прыснул от смеха и, видимо, испортил все старания Руссо.

– Черт! Курт! Не крути своей башней! Трясешься как больной Паркинсоном!

– Давай, Верона, врежь ему... хоть кто-то должен дать отпор этому ловеласу.

Мне нравилось это новое чувство свободы. Осмелев, я подошла ближе.

– А что никто не может?

– Не-а, он только глянет на девок, они сами из трусов выпрыгивают, еще ни одна не устояла.

Выпучиваю глаза так, словно через меня прошел мощный электрический разряд в сто килоджоулей. Как я могла быть такой наивной? Ну, конечно, этот красавчик – бабник и сердцеед, это же видно невооруженным глазом. Мне вспомнилась его реплика: «У тебя есть на сегодня компания?». Парень явно не напрягает себя постоянными отношениями.

Видимо, я переменялась в лице, потому как Руссо, глядя на меня, тоже перестал улыбаться, заиграл желваками и воткнул иголку в щеку брата так глубоко, что тот впервые взвыл, да так, что стены содрогнулись.

– Ты охренел?!

– А ты не крути башней!

– Да не крутил я!

– Саня, а мука у тебя есть? – прервала я их перепалку стальным голосом и зыркнула на Руссо так, что тот чуть иголку из рук не выронил.

– Да, посмотри там, внизу в крайнем распашном ящике.

– А мука-то тебе зачем? Кокс бадяжишь? – пихнул брата в бок Руссо.

Они все еще препирались, как дети малые, а я приступила кстряпне. Не знаю, откуда у меня после всего пережитого взялись силы, видимо, злость на Руссо придавала мне скорости, но когда обработка ран была закончена, пирог стоял уже на столе. Руссо упаковал оставшийся перевязочный материал в чемоданчик, помыл руки, принялся и подошел к столу. Я разложила пирог по одноразовым тарелкам – других у брата просто не оказалось – и заварила чай.

Послышалось смачное чавканье, пока я крутилась в поисках соли и перца оба уже съели по куску и протянули тарелки для добавки.

– Черт! Это не просто вкусно, это обалденно вкусно! – воскликнул Саня. – Как у мамы, не отличить...

– Спасибо, – смущаясь, пропищала я.

Я хотела сказать, как хорошо, что пирог получился таким большим и на завтрак не надо будет ничего готовить, но в этот момент они начали спорить за последний кусок.

– Ничего себе... – я растеряно оглядела пустые тарелки.

– Да я бы и один такой умял, – пожал плечами Руссо.

Пока я выбрасывала тарелки и протирала стол, брат рассказал другу, что я только сегодня приехала в Москву на учебу.

– Давно вы встречаетесь?

Мы с братом переглянулись и прыснули от смеха.

– Что? – Руссо показал в сторону моего чемодана. – Или вы только что съехались? Теперь я понимаю, почему ты свалил от Аквамарин.

– Все тебе расскажи, – Саня не спешил с объяснениями, похоже хотел помариновать друга.

– Да ну вас!

С обиженным видом Руссо схватил свой кожаный чемоданчик и хотел уже уйти, как Саня со смехом сказал:

– Остынь, бро, Верона – моя сестренка...

Аристарх

Черт, я плохо разглядел ее в полутьме – она еще красивее! Гладкая, без единого изъяна фарфоровая кожа, глаза огромные, как у девочек в японских мультиках. Мягкий, глубокий и осмысленный взгляд, кукольное личико. Не люблю типаж Барби, но эта девочка просто высший пилотаж. Хрупкая как статуэтка. Гибкая как пантера. Она нагибается и заглядывает в холодильник. От вида ее округлой попы Сэм оживает, а мои глаза выдают максимальную амплитуду. Курт бьет меня по ноге. Ах! Твою ж мать! Больно!

Мне никак не удается ее понять, она такая тихая и молчаливая. Обычно гирлы со мной так себя не ведут. Я центр их вселенной, а Вероне, кажется, на меня наплевать. В ее изучающем взгляде я читаю всего лишь детское любопытство, но никак ни влечение. Это меня дико заводит, пробуждает охотничий инстинкт. Хочу, чтобы она с ума по мне сходила, чтобы таяла в моих руках.

Не могу на нее не смотреть. Мое похотливое воображение уже рисует эротические картинки. Вижу, как она лежит совсем голая на белой простыне, волосы раскиданы веером, а я прохожусь по ее аппетитным дынькам. Черт, Курт снова замечает, как я на нее таращусь и пинает меня ботинком. Нет бро, ты от меня так быстро не отделаешься. Придется запинать меня до смерти, но прежде не одна пара ботинок сотрется.

Вибрирует мой мобильник, смотрю на экран своего «Нтс», еще одно сообщение от Шер, она пишет, что ее киска уже мокрая. Черт! Надо было сразу ее отшить. Пишу ей, что возникли срочные дела, а в ответ тут же получаю поднятый средний палец. Да пошла ты... Сейчас мне не до нее. Мой мир перевернулся. Как только я узнал, что Верона сестра Курта, над головой зажглось солнце. Черт! Курт! Свалил бы ты отсюда! Даю ему лошадиную дозу «Кетанова». Может вырубиться и оставит нас вдвоем? Но тут Верона поднимается и говорит, что идет спать.

Нет-нет-нет детка, не уходи! Я что, соскочил с табурета, когда она встала? Что за хрень?! Меня прямо затягивает в нее, как в воронку! Не помню, чтобы я так сильно кого-то хотел! Черт, нужно унять дрожь в коленях.

Пытаюсь увести разговор в прайсовую тему. Бой. Ставки. Проигрыш Курта. А в голове только одна мысль, вырубить его и броситься к вагончику. Курт давно меня знает и недоверчиво щурится.

– Пойдем, прошвырнемся, – предлагает он, – по ходу нам обоим нужно чердак проветрить.

Ага! Спал и видел, как буду с Куртом бродить по почти демонтированному парку. Я не дубина стоеросовая, догадываюсь, о чем пойдет речь. Сейчас он включит блабуду под названием «Держись от моей сестры подальше».

Вера

Свернувшись калачиком на кровати, я пыталась уснуть. На «кухне» Саня и Руссо все еще обсуждали бои. Услышав, что я сестра, а не подруга, Руссо сразу оттаял и уже некуда не торопился. Как только он вернулся за стол, я поняла, что он снова пустил свои чары в ход и, сославшись на усталость, отправилась спать.

Смотрю на свои запястья и вспоминаю, как их крепко сжимали его руки. Как буравили его глаза, а колено упиралось в мое бедро. Помню его манящий запах, такой терпкий и пряный, словно пустыня. Он слишком привлекателен и понятно, что женщин не оставляет это равнодушными. Мне это не сулило ничего хорошего, и я твердо решила держаться от него подальше.

Наконец-то, их голоса стихли, хлопнула дверь, видимо, они вышли на улицу. Я даже не помню, как отключилась.

Разбудил меня истеричный женский крик.

– Какого хрена ты тут делаешь?!

Я открыла глаза и от неожиданности вскочила на ноги. Передо мной стояла напояженная разъяренная блондинка. Ее ненавистный взгляд прожигал меня как серная кислота.

– Ты кто еще такая?!

Я была растерянной, сонной и никак не могла осмыслить причину такой агрессии. Где Саня? Почему он допустил, чтобы эта женщина сюда ворвалась?

– Проваливай отсюда! Живо! – она хватает с вешалки мою кофту и швыряет мне в лицо. – Пока я все твои жиденькие волосенки не повыдирила! Чувырла деревенская! Ты с какой фуражной ямы вылезла? Где он тебя откапал? Ехал по трассе Ярославль-Кострома, а ты в придорожном кафе за столик в туалете отсасывала?

Истерика нарастала, женщина не владела собой, и я серьезно уже начала за себя беспокоиться. Поэтому осторожно прошла к двери и выглянула наружу.

– Саня, – позвала я негромко.

– Саня?! Он сказал, что его зовут Саня?!

Не знаю почему, но это еще больше ее разозлило, на меня обрушился шквал отборного мата. Недолго думая блондинка сбила меня с ног и пригвоздила

всем телом к полу. Схватив меня острыми когтями за уши, она начала бить моей головой об пол как мячиком. При этом она так истошно орала, что даже не слышала то, что я ей выкрикивала. На меня навалился жуткий страх, он сковал мое тело так, что я не чувствовала ни рук ни ног.

Только после третьего удара я услышала топот ног и молила бога, чтобы это был Саня. В следующую минуту крепкие мужские руки оттащили ее в сторону, а меня кто-то поднял на руки.

– Совсем с катушек слетела на хрен! – услышала я разъяренный голос брата. – Что на этот раз? Обкурилась или опять таблеток наглоталась?

Наконец, взгляд прояснился, и я увидела, что от блондинки меня закрывает широкая спина Руссо. Только сейчас, когда он стоял так близко, я осознала что он выше меня на целую голову.

– Ты что уже с малолетками спишь?!

– Отвали от меня!

При появлении Сани поведение блондинки сразу изменилось, она начала жеманно извиваться, клялась, что я сама ее спровоцировала. Услышав это, Саня вконец рассвирепел.

– Лживая тварь!

Он выволок ее из вагончика и, взяв за шкирку, как кутенка потащил к выходу. Она брыкалась, упиралась, но хватку брата я знаю – сопротивляться бесполезно.

Как только истеричка покинула ангар, Руссо начал меня осматривать и расспрашивать где болит. Ничего не соображая, я что-то невнятно лепетала про горящие уши и сильное головокружение. Он осмотрел мою голову и чертыхнулся.

– Что там?

– Гвоздь в полу рассек кожу на голове, идет кровь.

– Кровь? – сердце ушло в пятки, я опустила взгляд и увидела на полу пятна крови и почувствовала, как к горлу подкатывает приступ тошноты.

– Слушай, у меня есть шовный материал, я бы сам мог зашить, но нет обезболивающего. Придется поехать в больницу и обработать рану, заодно сделаем снимок, убедимся, что нет сотрясения.

– Сотрясения?

Я только и могла, что повторять его слова, как эхо. Все происходящее просто вышибло меня из реальности. Плюхнувшись на кровать, я утонула в пятнах крови на полу.

Снова послышался топот, через мгновение Саня вбежал в комнату.

– Как она?

Руссо вывел его в коридор и объяснил положение дел, Саня закивал и, схватив его за плечо, спросил:

– Отвезешь ее? – он показал на свое лицо. – А то с такой рожей только на Хэллоуин людей страшить.

– Конечно, бро, ни о чем не беспокойся. Будем на связи, – с довольным видом выдал Руссо, ему явно импонировало то, что мы останемся с ним наедине.

– Возьми мою машину, – Саня протянул ему ключи.

Руссо подошел ко мне, оглядел мой топ на тонких ляпочках и спросил:

– Есть у тебя, что накинуть на плечи? На улице уже довольно прохладно.

Я кивнула и показала на толстовку, висевшую на стене.

– Не вставай, я донесу тебя до машины.

Я испугано посмотрела на брата, меня еще никто не носил на руках.

– Все в порядке, он позаботится о тебе, – заверил меня Саня.

Всю дорогу до больницы я проплакала от обиды. Я никогда ни с кем не дралась, тем более с взрослой женщиной. На вид ей было около тридцати, и я не понимала, как брат мог связаться с такой истеричкой и стервой.

Пальцы Руссо так вцепились в руль, что побелели костяшки.

– Это я виноват, – процедил он сквозь зубы, – я же не знал, что ты сестра и сказал, что после их разрыва Курт времени зря не теряет.

Я отвернулась и щекой прижалась к стеклу.

– Они только расстались. Курт даже свое барахло еще не забрал.

– Как они вообще могли быть вместе? – не удержалась я от комментариев.

– Он ведь терпеть не может истерики.

– А она раньше не истерила... – вставил Руссо. – Была вполне нормальной. Это недавно началось. Ей будто крышу сорвало.

Мы подъехали к травмпункту. Руссо припарковал машину.

– У меня здесь знакомые, быстро обработают рану и сделают снимок.

Он снова хотел взять меня на руки, но я запротестовала. Его близость меня пугала и приводила в смятение. Пока он нес меня к машине, от его разгоряченного тела я плавилась как вулканическая лава.

– Это лишнее. Я в порядке, могу идти сама, – резко отпрянула я от него.

Мое решение его не обрадовало, он нахмурился и зачесал рукой волосы. Кажется, с моей стороны вышло не очень любезно, но я сейчас такая злая и вымотанная, что не способна даже внятно мыслить. Конечно, Руссо не виноват, что я вмешалась в бой брата, не виноват в том, что на меня напала сумасшедшая истеричка, но это был слишком длинный и насыщенный событиями день и мне сейчас не до любезностей.

Голова закружилась сразу, как я переступила двери приемного покоя. Прильнув к стене, я пыталась отдышаться.

– Иди к черту! – буркнул Руссо, схватил меня на руки и потащил к смотровой.

В ангар мы вернулись, когда небо начало светлеть от первых всполохов солнечных лучей. Еще издали я заметила мелькающую фигуру брата, он ждал нас на улице у двери. Когда мы подъехали ближе, он заметил бинтовую повязку на моей голове и выругался. Взгляд вымученный. Ну и ночка у нас сегодня выдалась!..

– Все в порядке? – Саня бросился ко мне и помог выбраться из машины.

От него пахло спиртным и сигаретами. Мой брат бросил курить еще в армии, а про спиртное я вообще молчу. Если он начинал пить, то стоп-крана не было. Мне хочется высказать ему, что я думаю о его бывшей подруге, но взглянув ему в лицо, решаю отложить разговор на завтра.

– Сотрясения нет. Да... и Саня... пока не произошло еще чего-нибудь, я хотела тебе сказать, что отец подал заявление на УДО.

Саня остолбенел.

Больше я не могла это держать в себе и как только сказала, на душе полегчало, будто я поделила эту боль на двоих. У Сани отвисла челюсть, казалось, еще мгновение, и он рухнет на утрамбованную перед ангаром землю. Такая же реакция была и у меня, так что добро пожаловать в мой мир.

– Я спать... надеюсь, ты больше не ждешь гостей, которые захотят на мне поупражняться?

Комнатка, в которой еле умещалась кровать-полуторка, была уже прибрана, видимо, Саня после нашего отъезда навел в ней порядок. Мой чемодан лежал на полу возле кровати. Сейчас бы мне не помешал душ, но сил совсем нет. Я упала на кровать и сразу отключаюсь.

Аристарх

Битый час Курт талдычит мне о трудном детстве, что Вероне тоже порядком досталось от их изверга-отца. Из-за поломанных ребер и перелома руки в школу она пошла на год позже. Он рассказал, что как только получил паспорт, свалил из дома, а его отец, не имея под рукой «Любимую боксерскую грушу», принялся за самого младшего – Пашку. В итоге пацан теперь в инвалидном кресле, а отец в тюрьме.

– Ты думаешь, лаве нужны были мне? – Курт тыкает меня в плечо, в заплавленных после боя глазах стоят слезы.

Черт! Вот его развезло! Ему нельзя было столько пить...

– Я хотел оставить деньги матери и свалить к океану, проветрить чердак. Мать не сможет без меня оплачивать больничные счета.

Мы со скрипом покачиваемся на качелях. Видела бы нас сейчас братва! Байкеры на качельках! Умора!

– И ты продул бой, – напоминаю я ему.

– Да, черт. Верона. Но я не могу на нее злиться. Она мой Ангел. Это она спасала меня от отца.

– Как? – удивляюсь я.

Что может сделать маленькая девчонка против взрослого мужика?

– Пела какую-то дурацкую песню. Слова непонятные, вроде колыбельная. Я до сих пор слышу ее голос, – Курт крутит пальцем вокруг башни. – Так и вертится в чердаке, как заезженная пластинка. Не знаю почему, но эта песня Гоблина успокаивала.

– Нда.

А что я еще могу сказать? У меня не было такого детства, я даже представить не могу, как это с ужасом ждать момента, когда твой собственный отец переступит порог дома после дежурства, чтобы понять, с каким настроением он вернулся.

– А эта дура, Аквамарин, разбила моему Ангелу голову. Сука!

Курт допивает вискарь и бросает пустую бутылку в стену.

– Я вижу, как ты на нее пялишься, Руссо, – Курт смачно сплевывает.

– Я пялюсь? Да она во мне чуть дырку сегодня не просверлила, – пытаюсь отшутиться я.

– Ты мой друг и я повторять не буду, не трогай ее.

Так и знал, что все этим закончится!

– Для тебя бабы – забавы для Сэма. Она мой Ангел, я не позволю тебе разбить ей сердце. Тронешь ее – мы больше не друзья. Ты меня понял?

– Я не разобью...

В моих словах Курт услышал двойной подтекст и вскакивает на ноги.

– Я больше повторять не буду! Тронешь ее – мы не друзья!

Проклятье! Надо было свалить до прихода его телки...

Глава вторая

Вера

Просыпаюсь от металлического скрежета двери. Несколько секунд уходит на то, чтобы сообразить, где я нахожусь. В памяти всплывает весь вчерашний день и кошмарная ночь. Кто-то вошел в ангар, наверное, Саня. Тянусь к телефону и вижу что уже девять утра. Боже! Я опоздала на занятия! Почему Саня меня не разбудил?

Вскакиваю как ужаленная, хватаю зубную щетку, пасту и бегу в туалет. Наскоро моюсь и чищу зубы. Вчера доктор запретил мне пару дней мыть голову и я убираю волосы в хвост. Затем пулей бегу обратно. Копаюсь в чемодане, нахожу белую блузку без рукавов и черную юбку-карандаш. Достаю бежевые туфли на каблуке и платформе. Сегодня первый день учебы и хочется выглядеть строго и элегантно. Золотой браслет в виде змейки – подарок мамы на поступление – и очки авиатор с бежевыми стеклами добавляют к образу немного шика. Блузку и

юбку я сшила сама, а остальное мы купили с мамой в торговом центре после моего зачисления. Быстро глажу вещи, одеваюсь и выхожу из вагончика. Жаль, что нет зеркала, чтобы посмотреть, как я выгляжу.

Каждое утро я начинаю с интенсивной тренировки по системе «Табата». Она придает мне бодрости на весь день и за счет интервальной нагрузки на каждую мышцу держит в тонусе все тело. Сегодня, когда по понятным причинам, тренировки не будет, я чувствую себя как развалины Древнего Рима.

Включаю электрический чайник, нужно выпить кофе. Пока закипает вода, я копаюсь в своей объемной сумке, чтобы найти косметичку. Вообще-то я не крашусь, но в первый студенческий день решила накрасить ресницы и губы.

Из туалета выходит Руссо и застывает как вкопанный. На нем кожаные брюки, белая футболка с принтом и вчерашние грубые ботинки с заклепками. Он гладко выбрит, судя по мокрым волосам, недавно принимал душ. Его лицо красноречивее зеркала заверяет, что, несмотря на ночную эскападу, выгляжу я на все сто!

– А-а-а... э-э-э...

Он что-то лопочет, я хмурюсь и говорю:

– Не знала, что с утра ты разговариваешь одними гласными.

За короткий сон мое мнение о Руссо не изменилось. Вижу, что он еще в себя не пришел и спрашиваю:

– Где Саня? – оглядываю мастерскую.

– Работает. Попросил тебя отвезти, – выдает он на одном дыхании и приближается ко мне так близко, что я отступаю на шаг назад. – Потрясно выглядишь, детка! Вот только одно «но».

Вопросительно поднимаю брови. Он наклоняется, теперь его лицо прямо передо мной. Знакомая энергия прокатывается по мне волной, да с такой силой, что из груди вырывается: «Ах». Мои глаза широко распахиваются, ноги подкашиваются. Большим пальцем он проводит по моей нижней губе, и я замираю, боясь выдохнуть.

– Этот цвет тебе не идет, – он роется в моей косметичке, достает нежно-розовый оттенок блеска для губ от «Шанель».

– Ты консультант по стилю? – смеюсь я, обретая, наконец, дар речи.

– О, да, детка, я консультант. Обращайся, если что. Поехали!

Он хватает шлем со стола и хлопает меня по попе. От неожиданности я взвизгиваю и расплываюсь в улыбке, благо он идет впереди и не видит. Мы выходим из ангара. Руссо седлает свой «Harley-Davidson» и жестом показывает на сиденье позади себя.

– Заскакивай, детка!

Мотоцикл просто огромный, со всякими наворотами, чувствуется, что в него вложено немало средств и стараний. Не скрою, мне бы хотелось с ним прокатиться, но я в юбке!

– Я не поеду на нем, – категорично заявляю я.

– Да, ладно, детка, садись, довезу с ветерком, – он выдает свою коронную улыбочку и протягивает мне руку.

Клянусь, я чуть не рванула к нему, вовремя себя одернула. Показываю на юбку и спрашиваю:

– Как ты себе это представляешь?

– О! Я как-то не подумал.

– Вот именно, ты не подумал! – восклицаю я.

– Может, наденешь брюки?

– Ты с ума сошел? Нет! Я сшила этот комплект специально для первого дня учебы.

Он чешет затылок, затем слезает с байка и уходит в соседний ангар.

– Ты куда?

– Подгоню «Мустанг», – ворчит он.

Через пять минут к воротам ангара подъехал черный «Мустанг» с языками пламени по бокам. Это та самая машина, к которой ночью меня прижал Руссо. Воспоминания буквально взрывают мозг и у меня увлажняются ладони.

– Куда едем? – спросил Руссо, когда я плюхнулась на переднее пассажирское сиденье.

Я называю адрес. Руссо снимает черные очки и разражается хохотом.

– Да, ладно! Академия народного хозяйства? Скажи еще, что ты на факультете «Банковское дело».

– Ну, да. А что? – я смотрю на него с непониманием.

Чему он так радуется? Или это сарказм?

– Да? Ну, тогда это точно судьба! – он хватает мою руку и целует костяшки пальцев так быстро, что я не успеваю одернуть. – Ты попала, детка!

Хохот какой-то гомерический. Меня аж всю передернуло.

– Ты с утра обкурился? Куда попала? Что на тебя нашло?

Когда он успокаивается, задает столько вопросов, что я начинаю недовольно ерзать и закатывать глаза. Скорее бы вырваться из этого плена. Уже подъезжая к Академии, он поинтересовался, почему я не заселилась в общежитие. Получив мое объяснение, он сдвинул брови и забарабанил пальцами по рулю.

Руссо оставляет меня у входа в Академию, я на ходу достаю студенческий билет, чтобы предъявить его охране. Бегу к лифту, жму на кнопку и застываю в ожидании. В голове мелькают обрывки нашего разговора. В дороге Руссо отпускал шуточки по поводу того, что кто-то в наше время еще шьет сам, назвал меня Неандертальской Женщиной. Сказал, что мой дом в поселке накрыл временной купол, через который не проникала цивилизация. Поэтому я вкусно готовлю, сама шью, ах же черт, еще и рисую.

Чем дольше мы находились вместе, тем быстрее злость и разочарование растворялись, а на смену им приходила симпатия. Но я своего решения не изменю – буду держаться от него подальше. Для меня он друг брата и не больше.

– Чего ты ждешь?

Я оглядываюсь, Руссо стоит рядом. Что он здесь делает? Распахиваю от удивления глаза и говорю, что иду на третью пару.

– Твоя группа сейчас в конференц-зале.

– Откуда ты знаешь?

Он не отвечает, хватая меня за руку и тащит в другое крыло. Я еле за ним поспеваю, у него такой широкий шаг, что мне приходится буквально бежать. Перед конференц-залом в коридоре стоит группа преподавателей. Наша контрастная парочка сразу привлекает к себе внимание. Все улыбаются, оживляются, разглядывают нас с интересом. В одной женщине, высокой

брюнетке с каре – единственная кто не улыбается – я узнаю своего декана, вчера я с ней уже встречалась в ректорате.

– Куда это вы молодой человек так спешите? – строго спрашивает она.

Руссо ухмыляется, замедляет шаг, я пытаюсь вырвать руку, но его пальцы сжимаются еще сильнее, словно тиски.

– Да вот, нашел заблудшую овечку. Говорит ваша студентка. В общежитие ее вчера не разместили, пришлось бродить с ней всю ночь по Москве, чтобы абреки не украли.

Я шикаю на Руссо, но он делает вид, что не замечает. Только после того как мы завладели всеобщим вниманием, он отпускает мою руку и просит меня дать ему направление на заселение. Копшусь в сумке, мама миа, какая же она у меня большая. Руссо уже в нетерпении переминается с ноги на ногу. Я вся вспотела. Руки трясутся, Боже помоги мне. Наконец, нахожу свернутый листок бумаги и протягиваю ему.

Руссо вручает направление декану, она хмурится еще больше, но к моему удивлению готова помочь.

– Я разберусь, – говорит она Руссо и поворачивается ко мне, – а вы, – ее взгляд падает на мою фамилию в направлении, – Вера Павлова, присоединяйтесь к своей группе, надеюсь это ваше последнее опоздание.

Смутившись, я киваю и бросаюсь к двери конференц-зала.

– А спасибо сказать? – слышу я вслед насмешливый голос Руссо.

Конечно, я ничего не ответила, но видит бог, я бы отколошматила его сейчас своей бездонной сумкой. Сгорая со стыда, врываюсь в конференц-зал и плюхаюсь в ближайшее кресло. Щеки пылают, моя уверенность спряталась в пятках и навряд ли до вечера оттуда выползет.

Немного успокоившись, блуждаю взглядом по креслам и разглядываю одноклассников. Многие уже перезнакомились и активно общаются. По одежде и гаджетам сразу видно, кто из какой семьи. Одну треть группы составляют парни. Один из них со светловолосой копной зачесанных назад волос смотрит на меня с тех пор как я вошла. У него нежные черты лица и я бы задержала на нем свое внимание, но острый пронзительный взгляд его холодных глаз заставляет меня отвернуться.

Прислушавшись, я поняла, что группа обсуждает назначенный на двенадцатое октября «День первокурсника». Нашей группе нужно подготовить несколько номеров, а студенческий совет выберет из них лучший.

Мое внимание привлекает девушка с розовыми волосами. Она тоже сидит на последнем ряду, явно игнорируя тему разговора. Ее веки густо подведены черным карандашом, будто она вот-вот наденет вечернее платье и пойдет на концерт. Она поправляет волосы, и я вижу на ее запястьях кожаные браслеты с подвесками.

Дверь хлопает, я оборачиваюсь в надежде увидеть кого-то из наших преподавателей, но это снова Руссо и я мгновенно вспыхиваю. Почему он не оставит меня в покое?

– Детка, с общежитием я все уладил.

Он присаживается на корточки, теперь наши лица на одном уровне. Меня обдает горячее пряное дыхание. Все оборачиваются и смотрят на нас.

– С местами там действительно полный бардак, но тебя сегодня разместят...

– Зачем ты меня при всех унизил? – шиплю на него со злостью.

– Унизил? – похоже, он не понимает, почему я злюсь.

– Я тебе, конечно, благодарна, ты меня подвез, но не нужно было при всех преподавателях так меня позорить. «Заблудшая овечка». «Шаталась по Москве»,

– слезы наполняют глаза.

Почему я все время при нем плачу?

– Эй, ты чего? – он нежно проводит рукой по щекам. – Ты и есть заблудшая плаксивая овечка.

Он больно щиплет меня за плечо, я вскрикиваю и бью его по руке, он хватается ее на лету и целует костяшки пальцев.

– *Моя* заблудшая овечка.

– Что? – я краснею и теряю дар речи.

– Я заеду за тобой после пар, привезу вещи. Отвезу тебя в общежитие, осмотрю швы, если к тому времени не надоем, поедем, куда-нибудь пообедаем.

– Не надо, я позвоню Сане, он привезет вещи.

– Детка, он будет дрыхнуть до завтрашнего утра. Так что я – это все что у тебя есть.

Я мгновенно остываю.

– За вещи, конечно, спасибо, но обед это уже лишнее.

– Хорошо, обед обсудим позже... – он подмигивает и исчезает.

Какой же он самоуверенный! Понятия не имею, что меня ждет впереди, но я точно знаю, что не буду его очередной девушкой на ночь, какие бы усилия он не прикладывал.

– Я тоже сегодня поссорилась со своим парнем, – поднимаю голову и вижу девушку с розовыми волосами. Она плюхается в кресло рядом со мной и продолжает, будто мы сто лет с ней знакомы: – Что с ними со всеми сегодня? Мой не хотел пускать меня на занятия. А твой что натворил?

Мне не хотелось, чтобы хоть одна душа знала, что я никогда ни с кем не встречалась. Хочу влиться в студенческое братство, а не прослыть белой вороной. Поэтому я закатываю глаза, давая понять, как зла на «своего» парня и говорю:

– Да так, самую малость, опозорил перед всеми преподами.

Пока мы с ней болтаем о парнях я разглядываю свою одноклассницу. На ней серая футболка с изображением летучей мыши, черная кружевная юбка и чулки в сеточку. В брови и в носу я замечаю серебряные колечки.

– Я Анна, но друзья зовут Ундина.

Она показывает на пирсинг, видимо, заметила, что я усердно ее разглядываю, улыбается и говорит:

– Мой парень – гот и мы тусуемся с его друзьями.

– О! – я слышала про готов, но в живую никогда не общалась. – Понятно. Так значит, сама ты не гот?

– Неа, – с легкостью признается она, – но смотри, никому не проболтайся. Чего только не сделаешь для любимого...

– Это точно, – соглашаюсь я, хотя понятия не имею о чем она.

– А тебя как зовут?

– Вера, но ты можешь называть меня Верона.

Она улыбается. Кажется, только что я нашла себе подругу.

Пока группа выбирала старосту и выясняла, кто какими талантами обладает, чтобы составить концертные номера ко «Дню первокурсника» мы с Анной без умолку трещали обо всем на свете. Я рассказала ей о своей семье, даже то, что отец сидит в тюрьме. От нее я узнала, что она из многодетной семьи из Воронежа. В Москву приехала в прошлом году, но поступить никуда не смогла, закрутила роман со своим парнем, Габриелем, как я поняла это его готическое имя.

– Выходит, мы с тобой ровесницы, я в школу с восьми лет пошла, – говорю я ей и краем глаза вижу, как в конференц-зал входит высокая девушка с длинными каштановыми волосами, по виду явно выпускница.

Она представляется, оказывается это председатель студенческого совета, и начинает выяснять какие концертные номера может предложить наша группа. Мы с Анной продолжаем общаться, а группа над чем-то спорит, временами даже смеется.

– А вы? Там, на последнем ряду? – слышим мы с Анной и вопросительно поднимаем глаза. – Да-да, вы! Что можете предложить для концерта?

Девушка явно хотела нас поддеть, это всем ясно. Нам с Анной так было комфортно вместе, что мы даже забыли, где находимся. Я как черепаха вжала голову и стала сползать с кресла. В зале стояла такая тишина, что слышно было, как девушка из студенческого совета шелестела листками. Внезапно Анна вскакивает и говорит:

– Я могу прочесть стихи Эдгара По.

– Правда? – каштановые волосы заколыхались, девушка оторвалась от бумаг. – Продекларируйте, пожалуйста.

С бравым видом Анна выскочила на сцену и с первой же строчки захватила внимание всей группы. Стихотворение она выбрала довольно мрачное, но я сразу поняла, выучила она его для своего парня. Читала Анна с душой и, похоже, сама от этого получала удовольствие. Но при этом все же не рассчитывала, что девушка из совета одобрит. Когда та громко объявила что номер отличный, она его утверждает сразу и без репетиции, я видела, как у Анны подогнулись колени. Попалась! Не надо было перед всеми рисоваться!

Анна спускается со сцены, я единственная кто ей аплодирует, а она показывает мне язык. Хе-хе! Мне нравится моя новая подруга!

Аристарх

Огромная, похожая на лопату ручища Годзиллы хлопает по моей спине. Годзилла – мой партнер и тренер нашего бойцовского клуба. Он находит бойцов и тренирует. Я делаю их богатыми. Черт, я всех делаю богатыми! Себя, конечно, в первую очередь. Годзилла называет меня «Золотым Мальчиком», меня это бесит. Еще сказал бы про золотые яйца, и, несмотря на его вес и бычью комплекцию, я бы ему врезал.

Наш фитнес клуб похож на обычную качалку, каких много в округе, с разницей в том, что по вторникам и субботам после полуночи мы проводим здесь тренировочные бои.

– Ты просто позирить или качнешься? – Годзилла щурится, это он так улыбается.

– Не скалься, знаешь ведь, что я твою долю привез.

Годзилла кивает в сторону своего кабинета, похожего на будку караульного и мы молча пересекаем зал. Сегодня пятница, народу тьма тьмушья.

Выкладываю прайсы на столе и у Годзиллы кривится рот.

– Да брателла, вчера ночка была что надо, – говорю я и пересчитываю при нем прайсы, люблю во всем порядок.

– Если так дело пойдет, к концу года можно свой зал купить, а не на аренде сидеть.

Я киваю. Вот что мне по нраву в Годзилле, так то, что он всегда о расширении бизнеса думает.

– Слышал, что вчера какая-то чикса бой Курта сорвала.

– Не чикса, а его сестренка.

Да, о Вероне вчера много говорили. В основном об аппетитных дыньках и попе и как бы они ей вдули. Двоим я с ходу врезал, бро так и не поняли за что.

– Курт сдал бой.

Знаю, куда он клонит. В правилах клуба черным по белому написано, никто не сдает бой до объявления рефери нокаута. Но для Курта признать нокаут, это как Мохаммеду Али драться в балетной пачке. Сеструха вовремя спасла его от позора и у меня сейчас мелькает мысль, а не в сговоре ли они были? Бр-р-р... Нет, Курт на такое не пойдет.

– Я знаю, он твой друг, но...

Тяжело вздыхаю и застегиваю пустой кейс.

– Если дать поблажку, многие не поймут. Пойдет гнилой треп, типа ты для своих можешь и зырки прикрыть. Нам это ни к чему. Пусть тренируется, сколько влезет, мои двери для него всегда открыты, но под нашей крышей он больше биться не будет.

– Я скажу Курту, – дергаю на себя дверь и выхожу в зал.

Слышу, как Годзилла открывает и закрывает потайной сейф. На выходе из зала он нагоняет меня гигантскими шажищами.

– Тут один тип скользкий крутится. Задаёт много вопросов. Не нравится он мне, – Годзилла выходит за мной на стоянку.

– Кто такой? – я открываю багажник «Мустанга» и кидаю пустой кейс.

Он описывает его наружность, я качаю головой.

– Не знаю такого. А что спрашивает?

– Типа, нельзя ли подзаработать на боях. Типа он уже дрался раньше. И каждому называет разные города. Простукивает, короче.

– Так в чем дело? Отведи в сторонку да потолкуй с ним, как ты умеешь, – усмехаюсь я.

– Да вроде не за что, вежливый такой. Тренера и массажиста оплачивает. Говорю же – скользкий.

Годзилла не затронул бы эту тему, если бы я был тут не при делах.

– Лады, а от меня что надо?

– Ты это... на следующей неделе не привози сюда бабло.

– О'кей. А куда?

– Домой ко мне в субботу.

Деньги я всегда отдавал на следующий день после боев. Это было установившейся традицией. Мне и Годзилле так спокойнее. Если он просит

сменить устоявшийся график выплат, то тут не просто расспросы любопытного бойца.

– Думаешь, тебя грабануть хотят?

– А черт его знает... – он скребет заросший щетиной подбородок.

– Мне не по кайфу ехать к тебе на хату... – там у него трое сопливых спиногрызов, а я их терпеть не могу. – Но если ты просишь...

Годзилла жмет мне руку. Мы прощаемся и расходимся.

Еду к Курту, нужно забрать пожитки Вероны. Захожу в ангар и слышу раскатистый храп друга, несущийся из вагончика. Сгребаю чемодан и сумку Вероны и забрасываю в багажник. От удара чемодан распахивается, я чертыхаюсь. Где она откопала такой антиквариат? Хочу закрыть, но на глаза попадается красное платье. Черт, никогда не разглядывал женские шмотки, но платье притягивает мой взгляд. Утром она сказала, что работала в пошивочном цеху, и я не сомневаюсь, что и это платье она сшила сама. В голове мелькает план, от которого Верона не сможет отвертеться, а у меня представится возможность видаться с ней чаще, заодно и присматривать.

Все равно мне нужно было заскочить за вырубкой к Кресту и я мчусь на Сущевский вал, где три года назад мы с ним на паях открыли мотосалон. В дверях с улыбкой меня встречает Катя – моя двоюродная сестра – и с ходу начинает вводить меня в курс новостей.

– Отправили заказ на Рублевку? – прерываю я ее чириканье.

– Сегодня хотели, но позвонил клиент и заказал тюнинг двигателя.

– Зачем? – я удивлен, комплектация оптимальная.

Сеструха кривится в усмешке, да, знаю, толстосумы не любят слушать, а предпочитают давать указания.

– С клиентом я сам разберусь, ты мне лучше как знаток в женской моде вот что скажи, – я вынимаю из пакета красное платье и показываю на швы, – как тебе такая работа?

Катя округляет глаза и берет платье в руки, по ней видно, что она еще не переключилась с двигателя, да и я с женскими шмотками в пакетах обычно не езжу. Чтобы пауза не затянулась, начинаю объяснять свое странное поведение:

– Сестренка Курта – студентка и ищет подработку, как ты смотришь на то, чтобы взять ее в бутик?

Катя – управляющая бутика байкерской экипировки и присматривает за мотосалоном, когда ни меня, ни Креста нет на месте. Она придирчиво изучает платье и кивает.

– Работа очень приличная, я бы сказала даже очень-очень приличная. Так что я не против. А она сможет работать по графику? Ведь тогда ей придется пропускать занятия.

– Уверен, ты что-нибудь придумаешь, – улыбаюсь я и прошу ее не говорить девчонке, что я за нее хлопотал.

Катя кивает, она сама начала у меня подрабатывать в студенческие годы. Беру у нее пару визиток бутика и прячу в задний карман.

– Прикрой Курта, сегодня и завтра его не будет.

– Не получится, – Катя складывает руки на груди, – Крест был с утра и спрашивал Курта.

Вражда между партнером и близким другом меня порядком вымотала. Я уже и не помню, почему они так ненавидят друг друга. Крест давно бы от него избавился, но Курт лучший в своем деле и пока только ему мы доверяем прокачку байков толстосумов.

Захожу в свой кабинет и полчаса трещу по телефону с клиентом. Он упирается рогами, настаивает на своем, но в итоге я аргументировано переламываю ситуацию и договариваюсь о доставке. Дело сделано!

Подъезжаю к Академии и паркуюсь. Кругом бродит безбородый молодняк, попискушки и погремушки. Проклятье! Куда я попал? До конца занятий Вероны больше часа, а значит, я могу еще поспать. Устанавливаю таймер на наручных часах и откидываю спинку сиденья. Черт! Я как Штирлиц в тылу врага!

Вера

После первого учебного дня мы с Анной выходим из здания Академии, и я вижу перед лестницей черный «Мустанг». Вообще-то парковаться здесь нельзя, непонятно, почему Руссо никто не сгоняет.

– Это за мной, – я показываю своей новой подруге на машину.

– Круто! Мне нравится твой парень. Такой брутальный, стильный, заботливый и влюбленный.

– Влюбленный? – я чуть не проболталась, что мы знакомы всего день, но в последний момент сдержалась. – Скажешь тоже...

А вот насчет заботливости она, пожалуй, права.

– Поверь мне, ты его очень волнуешь, – она рассмеялась и шутливо подтолкнула меня к машине.

Мне хочется сказать, что его многие женщины волнуют, правда, всего на одну ночь, но я придерживаю язык. Мы обмениваемся телефонами и прощаемся.

Сажусь в машину и замечаю, что Руссо убрал волосы в хвост. Его лицо сразу преобразилось. Сейчас он точно не похож на байкера, скорее на модель с подиума. Сколько же этот красавчик разбил женских сердец?

Оглядываюсь, на заднем сиденье лежат моя сумка и чемодан.

– Твоя подруга гот? – Руссо надел солнцезащитные очки.

– Да. Проблемы? – мой тон слишком резкий.

– Никаких, – он нахмурился и завел мотор. – Просто думал, что выберешь в подруги себе подобную.

– Что значит «подобную», кто я, по-твоему? – я не на шутку завелась. – Девушка из подземелья?

– Эй! – грубо одернул меня Руссо и пристегнул ремень безопасности. – Ты чего когти выпустила? Я имел в виду, таких... правильных... маменькиных доченек.

– Такой ты меня считаешь? – мои глаза горят огнем.

Он зарычал, «Мустанг» рванул с места, вдавливая меня в обитое черной кожей сиденье. Весь путь до общежития мы проехали молча. Я слушала «Би-2» в наушниках, а он с задумчивым видом постукивал пальцами по рулю. Я чувствовала, что он от меня далеко. Его изумрудно-зеленые глаза больше не озарялись светом, не смотрели на меня, как утром, от чего мне стало вдруг грустно и одиноко.

Боже мой, я вообще не знаю мужчин, не знаю, как мне с ними вести себя, что говорить. Впервые моя неопытность просто комом встала поперек горла. Я не знаю его интересов, чем он занимается, а спрашивать у брата – не вариант.

Подъезжаем к общежитию. Увидев коменданта на ступенях, я вжимаюсь в сиденье. Вспоминаю вчерашний разговор, какой шок она на меня произвела своим отказом.

– Все в порядке? Ты побледнела! – Руссо кладет мне руку на бедро, я вздрагиваю и машинально отталкиваю ее.

– Это женщина вводит меня в бешенство, не хочу даже думать, что бы я делала, если бы Саня не ответил на мой звонок.

Руссо помрачнел, вижу, как заходили его желваки.

Он выгружает вещи из машины и ведет меня в вестибюль. Комендант, увидев нас, расплылась в деланной улыбке, а я одарила ее таким убийственным взглядом, что она сразу нервно затараторила. Оказывается, для меня просто чудом нашлась комната и сейчас она нам ее покажет. Коридоры и вестибюль пустые. Пока мы поднимались, нам навстречу попала только одна девушка в огромных очках с вымученным лицом.

Комендант ведет нас по лестнице на четвертый этаж и открывает вторую комнату слева. Это светлая комната с широким окном, рассчитанная на проживание двух человек. По обе стороны от двери стоят два шкафа для одежды. За ними две кровати и один письменный стол. Две полочки над каждой кроватью. Две прикроватные тумбы. Здесь точно недавно делали ремонт, комната еще пахнет краской.

– Ну как? Подходит? – открывая настежь окно, спрашивает Руссо и плюхается на кровать, проверяя ее на прочность.

– Вроде нормально, – я еще раз оглядываю комнату и пожимаю плечами.

– Туалет на этаже? – спрашивает Руссо.

Комендант кивает.

– Покажите ей! – приказным тоном говорит Руссо и открывает скрипучие дверца шкафа.

Комендант, то ли его побаивается, вид у Руссо воинственный, то ли чувствует вину после вчерашнего, а может, получила нагоняй от моего декана.

Она ведет меня в самый конец коридора и показывает на правую дверь, я открываю и вижу с одной стороны несколько душевых кабинок, с другой – раковины.

– Остальное дальше по коридору, – говорит она.

Я возвращаюсь в комнату, Руссо с задумчивым видом стоит у окна.

– Что дальше? – спрашиваю я у коменданта.

– Располагайтесь. На днях к вам поделят соседку.

После ангара эта комната кажется мне раем, я еле сдерживаю свой восторг. Комендант вручает мне ключ и уходит. Я все еще злюсь на нее и провожаю недружелюбным взглядом. Когда дверь за ней закрывается, Руссо поворачивается ко мне и напоминает о самой для меня насущной проблеме.

– Ты говорила утром, что будешь искать работу...

Тяжело вздыхаю. Да мне нужна подработка. Стипендии на жизнь мне не хватит, а садиться на шею Сани или мамы мне нельзя, я прекрасно знаю, куда уходят все заработанные ими деньги.

– В этот бутик нужна швея, но я не знаю графика работы.

Он протягивает мне визитку. По логотипу я догадываюсь, что это одежда для байкеров.

– Сама реши, подходит ли тебе это место или нет. Позвони, скажи, что про вакансию сказал я, тебе назначат собеседование.

– Хорошо, – я прячу визитку в сумку, – спасибо.

Он проводит тыльной стороной ладони по моей щеке, от чего я замираю и начинаю быстро моргать.

– Как думаешь, я заслужил маленькое поощрение? Как насчет обеда?

В ход идет обворожительная улыбка. Искуситель!

Я в раздумьях опускаю глаза. С одной стороны от голода крутит желудок, с другой, не хочу, чтобы наши отношения переросли во что-то большее. Да и рядом с ним я чувствую себя как-то неуютно, постоянно ерзаю, краснею и плачу.

Руссо почувствовал мои сомнения и говорит:

– По-дружески, мы ведь друзья? – смеется он, хватая меня за руку и тащит к выходу. – А друзья иногда ходят вместе обедать.

– Ладно, – соглашаюсь я постфактум и еле успеваю за ним.

Я больше не сопротивляюсь, пусть ведет меня на обед. На лице Руссо расплзается победная улыбка. Самодовольный павлин!

– Но только как друзья! – добавляю я, меня злит его улыбочка. – И я не хочу, чтобы ты целовал мне руки... вообще не дотрагивайся до меня больше...

– Хорошо, – уж больно быстро соглашается Руссо, но тут же подмигивает и с хитрецей уточняет: – При всех не буду, только наедине...

Я вспыхиваю, почему-то мне нравится его настойчивость. Улыбаюсь, пока он не видит. Мама миа, немного же мне нужно, чтобы позабыть о собственных принципах!

На лестнице он отпускает мою руку и бежит вниз, преодолевая одним шагом две-три ступени. Я рассматриваю его широкие плечи, узкие бедра, длинные ноги и снова краснею.

Вера! Не пялься на него! Смотри вон на цветочки и горшочки...

Аристарх

Я будто на минном поле. Шаг влево, шаг вправо и меня разорвет в клочья. Черт! Ну и влип! Угораздило же меня встретить Верону. Лучше бы я жил как прежде и не чувствовал то, что сейчас... Она такая замкнутая, плавает на волнах своего девчачьего сознания и не пускает в свой мир таких проходимцев как я.

Пока мы обедали я пытался понять, что чувствую к ней и не нашел ответа. Меня тянет к ней как железо к магниту. Это что-то новое, чего я раньше ни к кому не испытывал. Поначалу меня накрыла страсть, но сейчас, глядя на нее, понимаю, что мне нужно притормозить. С ней так нельзя. Нутром чую, что второго шанса у меня с этой крошкой не будет. Курт, если что, тоже сыграет свою братскую роль. Неплохо бы разобраться в себе, прежде чем морочить девчонке голову. Что я могу ей дать? Перепих на одну ночь? Нет, конечно, нет. Тогда что? Что ты хочешь от нее Руссо? Чего ты прилип к этой девчонке? У нее только-только начинается свободная от родаков жизнь и тут ты... со своим не знаешь чем... Черт! Как же меня угораздило!

– О чем ты думаешь? Что-то случилось? – она смотрит на меня своими огромными глазищами и я снова тону в них. – Ты не такой как утром...

– Утренний я тебе больше нравился?

– Да, – тут же отвечает она, но понимая, что проболталась, смущается.

Как же мне нравится ее стеснительность и робость. Она еще такая чистая, неиспорченна столичными тусовками и богатыми толстосумами. Страшно подумать, что случается с подобными гирлами через год свободной жизни. Куда меня заносит?! Черт! У меня дел невпроворот, а я сижу тут с ней и жую стейк. Не помню, когда я обедал с телками... да никогда! Жесткий перепахон и разбежались каждый в свою сторону.

– У тебя неприятности? – теперь в ее глазах тревога.

Черт! Детка, не об этом ты должна сейчас думать, а о цвете помады, туфлях и сумочках. Не знаю, о чем они там еще думают... Может, купить ей туфли? Те, что на ней надеты, явно «Made in China» и ноги, наверное, у нее уже болят. Зашибись! У меня мозги набекрень! Теперь я думаю о бабских туфлях!

– Как прошел твой первый день в Академии? – спрашиваю я.

Вот это правильно, чувак! Давно бы так! Пусть займет свои мозгульки делом. Пока она трещит о «Дне первокурсника» до меня доходит совершенно очевидная истина, что до этого момента была скрыта под семью замками: не похоже, чтобы она с кем-то раньше фаячилась. Она, наверное, еще девственница! Проклятье! Если так, то я прямо сейчас сваливаю! Мне нужно это знать. А если спросить? Она вскочит и убежит? Эх, черт, что будет, то будет!

– Ты встречалась раньше с кем-нибудь? – прерываю ее рассказ.

– Что? – ее лицо и шею заливают краской.

Пока она пытается переварить мой наезд, уточняю:

– Я не про поцелуйчики под луной, а про настоящий трах спрашиваю. Или ты девственница?

Пока я засыпаю ее вопросами, вижу, как ее глаза все больше расширяются. А потом они резко сужаются, она хватается за сумку, вскакивает и бежит к выходу. Черт! Не надо было так с ней! Кидаю прайсы на стол и бегу за ней. Настигаю на крыльце, хватаю за плечи, разворачиваю к себе и прижимаю так, что из ее груди вырывается глухой стон.

– Отпусти! – кричит она, стучит кулачками по моей груди и пытается вырваться. – Друзья так не поступают!

– Скажи мне, просто скажи и я сразу от тебя отстану!

– Да, да, да! У меня никого не было! Теперь ты доволен?!

Ба-бах! Я подорвался! Куски моей жалкой плоти разбросало по округе и мне кажется, что я их уже никогда не соберу. Я ослабляю хватку, она сразу вырывается и бежит в сторону дороги. Черт! Это облом! Не припомню таких обломов в своей жизни. Даже та, из-за которой я уже однажды слетел с катушек, так меня не обламывала.

Сажусь за руль и даю по газам. Нагоняю и открываю перед ней пассажирскую дверь.

– Садись!

Она не реагирует, но уже не бежит. Наверное, из-за туфлей! Какая-то китайская женщина только что спасла мне жизнь.

– Садись, говорю!

Внутренний голос кричит: «Брось ее на хрен и беги в свою прежнюю жизнь. От девственниц одни проблемы, тем более с таким братцем как Курт!».

– Садись! Я не оставлю тебя одну на дороге! Откуда взял, туда и отвезу!

На мое удивление она садится.

– Ты просто невыносим! – кричит она. – Как ты можешь о таком спрашивать, да еще за едой? И какое тебе дело? Это мое личное дело и моего будущего мужа!

Проклятье! Все еще хуже, чем я думал! Она хочет сохранить девственность до свадьбы! Я тарашусь на нее как на марсианку, а она снова заливается краской.

– Моя личная жизнь тебя не касается! Понятно?!

Я трясу головой. Бр-р-р! Приди в себя, Руссо!

– Мне нужно знать, насколько ты уязвима. Я просто буду присматривать за тобой.

На кой черт я это сказал! Она округляет глаза, сейчас взорвется от возмущения.

– Это Саня тебя попросил?

– Нет, – мгновенно реагирую я. – Он велел мне держаться от тебя подальше.

Зачем я это сказал? Вот дебил!

– На твоём месте я бы так и поступила, – сквозь зубы цедит она, в глазах ненависть.

Останавливаю «Мустанг» перед входом в общежитие, она пулей вылетает из машины и через мгновение скрывается в вестибюле. Вот черт! Теперь она на дух меня не подпустит. Роняю голову на руль и взываю. Душу рвет на части. Мне нужно остыть. Проклятье! Так и знал, что все испорчу. С телками я всегда все порчу, поэтому ненавижу всю эту романтическую блабуду! Я в ней ни хрена не шарю!

Вера

Общежитие, словно новогодняя гирлянда горит разными огнями. Народу как в метро, не протолкнуться. Видимо, у кого-то на этаже вечеринка, музыка слышна даже на улице. Бегу по лестнице на четвертый этаж, открываю замок ключом и влетаю в свое новое убежище. Прислоняюсь спиной к двери и не могу отдышаться.

Видит бог, Руссо достал меня выше крыши! Он перешел все границы, и я не хочу больше его видеть. Но уже через минуту ноги против моей воли несут меня к окну, его машина все еще стоит перед входом. Боже! Помоги мне! Когда он рядом, со мной творится что-то неопишное.

Несколько минут смотрю вниз, но ничего не происходит, но вот машина плавно двигается. Он уезжает! Нет! Сердце сжимается так, что мне нечем дышать, но в ушах все еще звучит его насмешливый голос: «Ты что, девственница?», будто он спрашивал не про невинность, а болела ли я менингококковой инфекцией.

Мне нужен душ! Нужно взбодриться и смыть с себя наваждение по имени Руссо!

Разбираю чемодан, нахожу пижаму и душевые принадлежности. Беру махровое полотенце, накидываю халат и бреду в конец коридора. В душевых никого, вот и хорошо, спокойно помоюсь.

После душа возвращаюсь в комнату. Высушиваю волосы и глажу одежду на завтра. Мысли только о Руссо. Вспоминаю его волнистые волосы, пухлые губы

и глаза цвета изумруда. Смыть наваждение не удалось. Где он сейчас? Небось развлекается с очередной красоткой из байкерского клуба.

Раздается стук в дверь и я срываюсь с места. Понятное дело, я ожидала увидеть Руссо. Открываю и натываюсь на двух девчонок из своей группы, но, к своему стыду, я не запомнила, как их зовут.

– Привет. Ты Вера? – спрашивает рыженькая, я киваю. – Я Диана, а это, – она показывает на невысокую брюнетку, – Олеся. Мы с тобой...

– Учимся в одной группе, – закончила я за нее фразу и улыбнулась.

– Менеджеры сегодня устраивает вечеринку по случаю начала учебы, приглашают всех девчонок. Ты пойдешь?

– Нет, у меня был тяжелый день.

– Глупости, – обрывает меня Олеся и бесцеремонно вторгается в мою комнату. – О, Дианка, смотри, такая же комната как у нас, только стены желтые.

Пропускаю в комнату и Диану, что ж, входите. От обеих за версту несет алкоголем.

– Пойдем, Вера, – настаивает Диана, – они нас без тебя на порог не пустят. Все уши прожужжали, кто ты и откуда...

– Говорю же, я очень устала, – категорично качаю головой.

Вечеринки – это не мое. Все напьются, перезнакомятся и начнут лобзаться, а потом разбредутся по комнатам. И что мне делать с парнем наедине? Читать ему Шекспира?

Завязывается разговор о завтрашних парах и о том, кому какой предмет по душе. Девчонки хихикают, рассказывая мне о мальчиках из нашей группы. Оказывается блондин, что не сводил с меня глаз в конференц-зале, сын префекта нашего района.

– Он на тебя глаз положил, – выдает Олеся, я уже поняла, что из этой парочки она более бойкая, – прямо глазенки чуть не выронил.

– Олеся, у нее есть парень. По сравнению с ним Игорь отстой.

– Давно вы встречаетесь?

Что-то мне подсказывает, что пока не надо развеивать миф о том, что я не одинока и отвечаю:

– Недавно.

И тут без стука в комнату входит Руссо с черным чемоданчиком, будто только что спускался за ним в машину. Вид хмурый и озабоченный. Видит девчонок и здоровается. Те не стесняясь, с восторгом глазеют на его татуировки. От этого мне не по себе.

– Знакомьтесь, – говорю я и сама удивляюсь своей смелости, – это Диана и Олеся, а это...

– Аристарх, – представляется вдруг Руссо и кивает обеим.

Понятно, что я чуть не навернулась с тумбочки на пол. Ведь его настоящего имени я к своему стыду не знала. Аристарх! Впервые встречаю человека с таким именем.

Руссо открывает чемоданчик и поворачивается ко мне.

– Со всеми этими дурацкими разговорами я забыл самое главное – нужно осмотреть швы.

– Дурацкими? – я снова злюсь.

– Остынь, – резко осаждаю он меня и жестом показывает на кровать.

Девчонки захихикали, сказали, что еще зайдут и выпорхнули из комнаты.

Руссо откинул пряди волос от раны и что-то недовольно пробурчал.

– Что там? – испугалась я.

– Выглядит все неплохо, но... ты мыла голову, – интонация с порицанием.

– Тебе же сказали...

– Знаю, – прервала я его, – но я не могла уже ходить с грязными волосами.

Он чем-то смазывает рану и клеит тонкую полоску лейкопластыря.

– Из-за музыки поспать тебе сегодня не удастся.

Он прав, не знаю, как я сегодня засну.

– Но все лучше, чем ангар. Правда, детка?

– Не назы...

Нас прерывает настойчивый стук. Я поднимаюсь и открываю дверь. В коридоре стоят два незнакомых подвыпивших парня. Явно старшекурсники. Один из них, тот, что повыше, кидает мне с вызовом: «Эй, красотка! Пойдем к нам на вечеринку», нагло заваливается в комнату и натывается на Руссо. Реакция Руссо была молниеносной: через мгновение, подвыпивший парень лежал на полу с заломленной за спину рукой и орал, чтобы его отпустили. Второй застыл у входа,

но на подмогу другу не спешит. Видно, что оба уже жалеют, что постучались в мою дверь.

– Кого ты звал на вечеринку? А? Ушлепок? А ну проваливай отсюда и чтобы за два этажа ее обходил!

Руссо поднимает студента и вышвыривает в коридор. Тот падает, ударяется о стену, но быстро встав на ноги, бежит к лестнице, второй за ним.

– Да за тобой глаз да глаз, – говорит Руссо и поворачивается ко мне.

Не знаю, что со мной в этот момент произошло, но я вцепилась в его лицо и прильнула к губам с такой страстью, что потеряла равновесие. Руссо пришлось придержать меня за талию. Поцелуй длится всего несколько секунд, но за это время я успеваю ощутить вкус его губ, они горячие, мягкие, пряные. Внизу живота вспыхивает пожар, это новое ощущение заставляет меня усилить хватку. По коже пробегают мурашки. Такого я еще никогда не чувствовала.

– Детка, да ты сегодня огонь, – Руссо отрывает от меня голову, будто хочет рассмотреть, насколько мне снесло крышу, но все еще придерживает меня за талию.

– Руссо! Живо убрал от нее свои лапищи! – сотрясает коридор негодующий голос моего брата.

Вздрагиваю и со страхом смотрю в сторону лестницы. Мой брат стоит, широко расставив ноги с черным шлемом в руке. Вид такой, что еще мгновение и он разорвет Руссо на части.

– Тебе лучше уйти, – шепчу я Руссо на ухо.

Он как-то странно на меня смотрит, но с пониманием кивает, заходит в комнату и собирает кейс. Саня уже стоит в дверях, вид как у закипающего вулкана. Увидев, как Руссо выбрасывает упаковку от перевязочного материала в корзину, немного остывает, но все же провожает его яростным взглядом.

Саня входит, закрывает за собой дверь и оглядывает комнату, пытаюсь понять, что тут только что произошло.

– Чем вы тут, черт возьми, занимались?

Моя кровать еще не застелена и на ней разбросаны фен, мокрое полотенце и туалетные принадлежности. На второй кровати лежит мой раскрытый чемодан.

– Руссо как раз закончил с перевязкой, когда в мою комнату вломились студенты с менеджерского факультета.

– Чего им нужно было? – уже мягче спросил брат.

– Звали на вечеринку, но как-то уж больно по-хамски. Руссо с ними разобрался. Думаю, они теперь ко мне и близко не подойдут.

Складываю чемодан и убираю его под кровать. Жестом приглашаю сесть, Саня оставляет шлем на столе и осторожно опускается на матрас. Ох! У кого-то болят ребра... Мне хочется проявить к нему сочувствие, но глядя на его воинственный вид, решаю, что сейчас не лучшее время для заботы.

– Черт! Хотел о многом с тобой поговорить, но этот проныра сбил с темы.

Впервые чувствую к брату отчуждение, мне не по себе от того, что он плохо отзывался о Руссо.

– Слушай, давай не будем о нем говорить, – предлагаю я и, выдержав буравящий взгляд брата, добавляю: – Ну, по крайней мере, сейчас.

Он тяжело вздыхает, потирает колени и несколько секунд рассматривает мои вещи. Ему всегда нужно время, чтобы настроиться на разговор.

– Я хотел извиниться, тебе досталось в прошлую ночь.

– Ты не виноват...

– Виноват! – гневно выпаливает он, и я понимаю, что лучше сейчас его не перебивать. – Еще как виноват! Надо было рассказать про бой и про Аквамарин, но я привык все держать в себе. Больше так нельзя. Теперь ты тоже в Москве, мы семья, и ты уже достаточно взрослая, чтобы понять. – Саня тяжело вздыхает и отводит взгляд. – Днем звонил маме. Она подтвердила про УДО отца. Это не ему решать, Верона. Я напишу в комиссию, нельзя чтобы его выпускали досрочно. Мама еще к такому не готова.

Поднимаю на брата глаза полные горечи и страха. Мне кажется, что мы никогда не будем к этому готовы. Отец обрушивал на нас столько ненависти и злобы, что потребуется не один десяток лет, чтобы это забыть.

– Ты, конечно, напиши, – говорю я и тоже тяжело вздыхаю. – Но мама говорила, что тюрьмы переполнены, а он уже отсидел две трети срока. Пришло время подумать, как нам защититься, если он выйдет.

Вижу, как челюсть брата сжимается, и он издает слабый стон.

– Больше всего я переживаю за тебя и за маму, – признается Саня и нервно проводит рукой по волосам.

– А я за двойняшек, – признаюсь брату в своих опасениях, что мучили меня последний год.

Не хочу больше говорить об отце, а то мне сегодня реально не уснуть, поэтому перевожу тему.

– Расскажи мне о своей девушке. Почему вы расстались?

– Достало все... – Саня со стоном встает и подходит к окну. Замечает на столе мои маникюрные ножницы и пилочку, указательным пальцем вращает ими.

– Это не то чтобы одна веская причина, а миллионы мелочей, которые подтачивали и разъедали наши отношения, как ржавчина. В один день я пришел домой и понял, что не могу больше. Не могу и все...

– Ты уже не вернешься к ней?

– Нет, дело решенное. Ты же знаешь, я долго принимаю решение, но если принял... – Саня оглядывает шкаф для одежды, переминается с ноги на ногу. – Как только сойдут синяки, поеду за шмотками, постараюсь все объяснить, чтобы с ее стороны уже не было таких выходов.

– А она знает, что я твоя сестра?

– Нет, я ей не говорил. Зачем? Пусть думает, что хочет...

Ох! Ничего не меняется. Мой брат терпеть не может разборки... это из-за скандалов родителей. Как только возникает первая проблема, он бежит от нее как от огня. Наверное, поэтому до сих пор не смог выстроить крепкие отношения.

– Сдается мне, что она даже не догадывается о причине твоего ухода.

– Да мне плевать, – огрызается Саня, и я вижу, как горят гневом его глаза.

Что же это такое? Куда не шагнем, натыкаемся на неприятные темы. Хотя музыка все еще сотрясает стены общежития, я демонстративно зеваю. Мы оба понимаем, что я не усну, но мне хочется сейчас остаться одной.

– Верона, – Саня снова опускается на кровать напротив меня, и по его голосу я понимаю, о чем сейчас пойдет речь, вернее о ком. – Пообещай, что будешь держаться подальше от Руссо.

Я вскакиваю, он пытается удержать меня за руку, но я одергиваю.

– Это мама тебя попросила?

– Нет! Мама ничего такого не говорила. Откуда ей знать про Руссо?

Саня встает позади меня, мы оба смотрим на проезжающие мимо общежития машины. Понимаю, во избежание дальнейших споров я должна доходчиво объяснить свою позицию, но никак не могу подобрать подходящие слова. Наконец, размыкая пересохшие губы и говорю:

– Саня, я никогда не встречалась с парнем, это ненормально. Понимаешь? Мне уже девятнадцать, а я даже не знаю, как вести себя в мужской компании. О чем говорить? Чувствую себя дикаркой. Я даже с тобой нормально не могу общаться, будто назло задеваю самые болезненные точки.

Поворачиваюсь и смотрю ему в глаза, мне кажется, что наладив с ним зрительный контакт, добьюсь большего.

– Мое одиночество уже наложило отпечаток на мою психику. Я в себе очень неуверенна. В ближайшее время мне придется все это исправлять. Мне и так сложно, а еще ты тут со своими феодально-моральными устоями.

– При чем тут устои? Я все понимаю, Верона. Найди себе хорошего парня в институте и встречайся сколько душе угодно. Я слова не скажу. Только не Руссо! Верона! Только не Руссо! – брат схватил меня за плечи и хорошенько встряхнул.

Саня всегда отгонял от меня парней, не важно, хороших или плохих... просто отгонял. Он так свыкся с этой миссией, что позабыл, сколько мне лет.

– Ты его не знаешь, и лучше что б никогда не знала. Он ненавидит женщин. Пользуется ими, но ненавидит. Я не знаю, почему, наверное, этому есть объяснение, но это не меняет сути. Он будет с тобой, пока ты не заговоришь о серьезных отношениях, а потом будет бегать как от бешеной собаки. Он всегда так делает, ему нужен только секс. Знаешь, сколько девчонок рыдало из-за него на моих плечах?

Отвожу глаза, мне вдвойне обидно такое слышать. Ненавидит женщин? Руссо? Почему? Я этого не замечала... Вспоминаю его улыбку, и мурашки пробегают по коже. Руссо, конечно, иногда бывает груб, но чтобы ненавидеть...

– Ему нужен только секс, на большее он не способен! – настойчиво повторяет брат.

Саня смотрит на мой отстраненный вид и взывает.

– Он тебе нравится...

Ох! Такое не скроешь! Брат всегда читал меня как раскрытую книгу, к тому же он видел, что я поцеловала Руссо, так что отрицать бесполезно. Не в силах произнести ни слова, я киваю и краснею.

– Я так и знал! – кричит Саня, стучит по недавно окрашенной стене кулаком, оставляя кровавый след, и взывает от боли. – Вот сученок! И тут пустил свое драконье жало!

Не попрощавшись, Саня выскакивает в коридор. Что он задумал?! Разобраться Руссо? Ой, мамочки!

Бегу к окну и с облегчением выдыхаю, Руссо уже уехал.

Аристарх

Быстрее! Быстрее! Нужно свалиться отсюда как можно быстрее! Пока часть меня не взбунтовалась и не повернула обратно, пока Курт со своей братской опекой не испортил мне настрой. Я трогаю губы, будто впервые начинаю их чувствовать. Верона такая неопытная, не умеет целоваться, но даже это неуклюжее трение губами вызвало во мне бурю эмоций.

Ее нежный шепот: «Тебе лучше уйти» все еще звучит в моем ухе. Маленький порыв теплого дыхания сотворил со мной такую революцию, что кажется, еще мгновение и меня разорвет на тысячу мелких частиц. Мне нечем дышать. Я хватаю ртом воздух и пытаюсь успокоиться. Тру ухо, чтобы смахнуть наваждение, и как только на светофоре зажигается зеленый свет, вдавливаю педаль газа в пол. Визг колес пролонгируют этот сладостный кайф. Куда я лечу?

Выключаю телефон, не хочу, чтобы какая-то зараза врывалась в мой мир. А единственная, кого я сейчас хочу услышать, мне не позвонит. Проклятье! Я даже не знаю номера ее мобилы!

Влетаю в квартиру, избавляюсь от ботинок, штанов и футболки. Бреду на кухню, плюхаюсь в свое любимое кресло. Ныряю в ноут и ищу Верону в социальных сетях. Мне нужна ее фотка! Но, увы, Вероны нигде нет. Это жуть! Как такое возможно? Все девчонки помешаны на фотках собачек, еды, своих рож

и поп. Хвастаются своими парнями, шмотками и экзотическими странами, где путешествуют явно не за свой счет. Черт! В натуре Неандертальская Женщина!

Завтра насыщенный день, мне нужно успокоиться и привести мысли в порядок. В холодильнике нахожу холодец и вспоминаю мясной пирог, что накануне готовила Верона. Черт! Кажется, теперь это мое любимое блюдо. Минуту скребу вилкой по тарелке, пока до меня доходит, что не могу это есть. Кусок встает поперек горла. Я запиваю водой и выбрасываю остатки холодца в мусорное ведро. Тьфу!

Чувствую, как внутри меня клокочет энергия, похожая на ту, что приходит во время тренировки. Только эта включает мозг и заставляет заняться тем, что откладывал долгие месяцы. Открываю на ноуте папку «Бизнес проекты» и нахожу те, что прислали мне партнеры для ознакомления. Выбираю мелочевку, сейчас нет желания штудировать крупные проекты. После долгого изучения вношу изменения в парочку неплохих идей. Мне понравился проект по изготовлению значков и фурнитуры из металла для байкерской одежды и обуви. Но просмотрев эскизы, я понял, что хромает дизайн. Тот, кто их рисовал, явно никогда не общался с байкерами. Линии слишком плавные, скорее женственные. Накидываю перечень вопросов, которые вызывают сомнения. На досуге надо над ними пораскинуть мозгами.

Второй проект – продажа и аренда автоматов для чистки обуви. Я уже знаю, кто с облегчением вздохнет от покупки такой машинки. Мне нравится малозатратность проекта и сроки окупаемости капиталовложений. Рынок подобных услуг находится в зачатке и пока не знает конкуренции. Бесспорно, что успех этого проекта зависит от правильно выбранного места установки машинок, и этому вопросу я собираюсь уделить максимум внимания.

Закрываю ноут и бреду в свою комнату. Теперь я спокоен и готов ко сну. Проходя по коридору, машинально заглядываю в «комнату для траха» и замираю. При виде «сексодрома» внутри меня поднимается волна брезгливости. Красные простыни вызывают тошноту. Мария сделала влажную уборку, проветрила помещение, но, кажется, что запах траха уже впитался в стены.

Все! Хватит! Больше я не выдержу этой гонки! Завтра же выкину всю мебель и сделаю здесь ремонт!

Проснулся утром и представил, что сейчас снова пройду мимо гостевой спальни с красными простынями. От этой мысли меня чуть не вывернуло наизнанку. Поэтому, недолго думая, позвонил в транспортную компанию. Рабочее утро началось с выноса мебели из квартиры. Помню глаза Марии, испугано смотревшие из коридора на грузчиков, у которых на комбинезонах маячил слоган «Переезд 24 часа».

Когда она ушла домой, я вцепился в шторы и отодрал их вместе с карнизом. Скомкал и выбросил в мусорный контейнер, стоявший на углу дома. Не сделай я этого, Мария бы забрала их домой, а я хотел, чтобы они сгнили в мусоре, а лучше, что б их сожгли.

Следующие три дня я посвятил ремонту. Поехал в строительный магазин, закупил все необходимое и сам несколько раз покрасил в ослепительно белый цвет чертовы стены и потолок. Оглядев девственную комнату, я решил, что оставляю все как есть. Никакой мебели, никаких тряпок на окне и светильников. Я рвал с прошлой жизнью, резко и бесповоротно, будто срывал прилипшую повязку от засохшей раны. Больно, не знаешь, что твоему глазу откроется, но если не сорвать, то эта повязка срастется с моим телом навсегда, станет моей частью. А это не я. Это кто-то другой.

Кому-то там наверху эта идея пришла не по вкусу, и на меня тут же посыпалось дерьмо. Сначала мне пришлось уехать в Ростов к партнеру. Он сообщил, что закрывает бизнес, а мне эта идея была не по кайфу. Из хорошо налаженного денежного потока каждый квартал стала уменьшаться выручка, пока совсем не сошла на нет. Приехав туда, я понял, почему все так хреново. От партнера ушла жена и он запил. А где водяра, там бизнеса нет. Несколько дней ушло на то, чтобы вывести его из запоя, затем разобраться с его косяками и заново поставить все на рельсы.

Вернулся в Москву через неделю вымотанный и злой. Принял душ и поехал в общежитие Вероны. Хотелось увидеть ее хоть краем глаза. Мне повезло, пару часов она сидела на письменном столе, прислонившись головой к окну, и

что-то рисовала. Я смотрел на нее из темноты, сидя на байке, и мое сердце наполнялось теплом и негой. Она мое солнце, мой лучик надежды, мой магнит.

Подозрения Годзиллы подтвердились, на следующий день кто-то влез в его кабинет и вынес сейф. Он как чуял, и за день до этого отнес свою долю от боев в банковскую ячейку. Тот на кого Годзилла грешил, оказался порожняком и последующие три дня мы рысачили по городу. След привел к двум залетным штурмовщикам. Годзилла подтянул своих братков и с ними жестко разобрались.

Я не трахался больше десяти дней. Заводился по любому поводу и от напряжения у меня аж в ушах звенело. В квартиру я поклялся больше никого не приводить и зажал какую-то чиксу в клубе в туалете. А после того как отрахал, еле сдержался чтобы не блевануть. Меня мутило еще полчаса, я даже грешил на хавчик, но как только чикса отвалила, меня отпустило. Душ нашел только в соседней гостинице. Под обжигающе горячей водой скоблил себя так, что чуть не содрал шкуру.

Черт! Со мной творится какая-то хрень! И я знаю из-за кого все это!

Глава третья

Вера

Следующие две недели выдалась размеренными и не отличались яркими событиями. Я полностью погрузилась в учебу. Не представляю, как воспринимали материал другие студенты, наверное, лучше, чем я, раз каждые выходные тусовались на вечеринках в Академии и в общежитии. Мне же еле хватало времени, чтобы бегло пройтись по пройденному материалу, а уж о посещении библиотеки речь уже не шла. Правда, в эти дни мне трудно было сосредоточиться, так как я постоянно отвлекалась на рисование, особенно на лекциях. Монотонное повествование действовало на меня так утомительно, что рука сама тянулась к карандашу и только удивленные возгласы Анны выводили меня из состояния протрации.

Оказалось, что Анна тоже хорошо рисует и шьет, это еще больше нас сблизило. Иногда она дорисовывала мои наброски, конечно же, с юморком и на манер комиксов, от чего мы громко хихикали и впадали в немилость к преподавателям. Например, сегодня на мордашках двух милейших панд,

зависших на бамбуке, она дорисовала высунутые языки, черные пятна вокруг глаз сделала в виде звезд и подписала «KISS». Конечно, я не удержалась и прыснула от смеха.

Ее отношения с Габриелем наладились, теперь он каждый день встречается с ней с занятиями. Когда я увидела его в первый раз, то не смогла скрыть своего испуга: длинный кожаный плащ, черные ботинки с шипами, на пальцах серебряные перстни. Внешностью он смахивал на профессора Северуса Снейпа, только моложе лет на двадцать и повыше ростом. Никогда не видела парня с накрашенными губами, да еще в черный цвет. Но после пятиминутного общения я поняла, что он вполне любезный, хорошо начитан и, несмотря на многочисленный пирсинг, вполне симпатичный.

Руссо эти дни не появлялся, я решила, что это даже к лучшему. Мое внутреннее состояние пришло в норму, больше никаких волнений и вздохов. Не скрою, пару раз я вспоминала, какие его губы на вкус и ту самую потрясающую улыбку, которой он изредка одаривает мир. Ладно, не пару раз, гораздо больше, но того пожара, как в первую встречу, я больше не испытывала.

Мои однокурсники помимо учебы начали активно заниматься социальной жизнью, записывались в кружки, играли в КВН. Моя же голова была занята поиском работы. Маму этот вопрос волновал в первую очередь. После стандартного приветствия «Доброе утро, дочуля» она осторожно осведомлялась не нашла ли я работу. Чтобы не затягивать, я решила просмотреть объявления и походить на собеседования. Несколько дней я потратила на поиск подходящих по графику вакансий, но по тем или иным причинам меня они не устроили. И тут мне на глаза попала визитка, которую мне дал Руссо. Не скрою, мне хотелось посмотреть на этот бутик, ведь там его знали, а меня просто распирало любопытство, куда он так внезапно исчез. То он шагу не давал мне пройти, то, будто сквозь землю провалился.

Я позвонила в бутик и поговорила с управляющей, она оказалась очень любезной и пригласила меня на собеседование. Поэтому стоя сейчас перед зеркалом, я примеряю несколько нарядов и сильно нервничаю. Возможно, на собеседование в подобное заведение нужно надеть что-то кожаное, но у меня ничего нет, даже жилетки. Девочкой-припевочкой я тоже выглядеть не хочу. В

итоге останавливаю свой выбор на белой спортивной рубашке с карманами на рукавах, желтых джинсах, серых ботинках на тракторной подошве и такого же цвета жилете. Прежде чем выйти из комнаты я бросаю на себя оценивающий взгляд. Выгляжу вполне нормально. Хватаю телефон, сумку и выбегаю в коридор.

Я уже хотела закрыть комнату на ключ, как услышала позади женский голос:

– Девушка, не закрывайте!

Оглядываюсь и вижу странную парочку: женщина лет сорока и девушка моего возраста. Глаза заплаканные, будто только что с похорон. Обе одеты во все темное, но одежда и аксессуары дорогие. Такие украшения я бы не стала надевать, идя в общежитие.

У лестницы показалась запыхавшаяся комендант и крикнула:

– Да-да, вот эта комната. А это Вера, ваша соседка.

Я оглядываю еще раз девушку и понимаю, что с сегодняшнего дня вторая кровать пустовать не будет.

– София, – представляется девушка, крепко жмет мне руку.

Судя по хватке София не из робких. Ее пристально-изучающий взгляд скользит по мне, подмечая каждую деталь. По выражению ее лица, понимаю, что девушка явно от меня не в восторге. Да, я не ее поля ягода. Пропускаю ее и женщину в комнату.

– Мама! Ты смеешься? – она говорит с акцентом, будто долгое время прожила за границей.

Периодически она перескакивает на английский язык. Говорит новая соседка быстро, и я не все слова могу перевести. То ли из-за того, что она говорит на каком-то диалекте, а может это сленг, то ли из-за того что моя школьная учительница английский выучила в далекой кенийской школе.

Пока девушка возмущается, а ей не нравится буквально все, что она видит, я быстро очищаю ее кровать от моих вещей, смотрю на часы и извиняюсь.

– Вы располагайтесь, я спешу на собеседование, а позже мы поговорим.

– Собеседование? – София резко оборачивается и смотрит на меня как на паранормальное явление. – Ты что собираешься учиться и работать?

– Ну да, – пожимаю я плечами.

Чему она удивляется? Уверенна, что половина общежития подрабатывает.

Аристарх

Последние дни я как в бреду. У меня до сих пор нет ее телефона, Верона все еще не звонила Катюхе. Одна моя часть хочет приехать к ней и сказать, что я чувствую, другая насмехается и триндит про то, какой я урод, и что такой невинной девчонке как Верона, со мной рядом не место.

Не помню, как меня уговорили сеструха и Крест на фотосессию, наверное, напели что-то про обновление бренда. Теперь стою, как выдрочень и меня осыпает вспышками фотокамеры. Видок у меня еще тот, краше в гроб кладут. Поверните голову. Проведите рукой по волосам. Рядом вьются какие-то тощие дуры, у меня даже на них не встает.

Черт! Что за хрень!

Я теряю вкус к пище, к траху, к жизни вообще...

Все окружение замечает, что со мной что-то не так. Кто-то из бро даже распустил слух, что у меня рак и я скоро сдохну. Я реально сдохну, если оставлю все как есть, но что делать дальше – ума не приложу. Как только сажусь на байк и еду к ней, наваливаются сомнения. Мы никак не вписываемся в жизнь друг друга. Не представляю, как она приедет со мной на сходку байкерского клуба или себя в окружении ее друзей-малолеток. Я не знаю, о чем с ней говорить, куда пригласить, вся эта романтическая хрень не по мне. С чиксами у меня разговор короткий. Черт! А теперь и этого нет... Я сдохну, я реально сдохну!

Прошло две недели... чертовы адские две недели... не знаю, как я выжил...

Я, будто гребанное желе, ползаю и трясусь в конвульсиях по скользкой тарелке.

Вера

Выхожу на станции метро «Савеловская» и иду по указанному адресу. Вижу вывеску бутика именно там, где сказала управляющая. Бутик соседствует с мотосалоном. Я прохожу мимо витрин и вижу несколько байков с начищенными

до блеска деталями из хрома. Перед собеседованием я сильно волнуюсь, мои ладони вспотели. Хоть бы взяли, мне очень-очень нужна работа. Делаю глубокий вдох и захожу в бутик.

Дверной колокольчик возвестил всему персоналу, что я вошла и передо мной тут же предстает высокая брюнетка с ярко красной помадой на тонких губах. Она оглядывает меня оценивающим взглядом, дураку понятно, что я не любитель байкерской одежды.

– Могу я вам чем-то помочь?

– Мне нужна Екатерина, я пришла на собеседование.

– Одну минуту, – брюнетка скрывается за дверью с табличкой «Для персонала».

Рассматриваю манекены и довольно графичный интерьер: большие панорамные окна, белые стены, черный мраморный пол. Манекены одеты в черную кожу.

– Вера? – слышу я уже знакомый женский голос и поворачиваюсь.

Передо мной стоит высокая рыжеволосая девушка в деловом сером костюме, белой блузке и в черных туфлях-лодочках. У нее курносый нос, волнистые губы и зеленые глаза. Она улыбается и разглядывает меня хитроватым взглядом. Она похожа на огненную лавину, такая любого в себя влюбит.

– Да, а вы Екатерина? – сконфужено пожимаю протянутую мне руку.

– Называй меня Катя. Ты совсем не похожа на брата, – говорит она, и по ее лицу не понять, комплимент это или нет. Она жестом показывает на дверь служебного входа. – Пойдем, поговорим.

Катя ведет меня по длинному коридору и показывает на рабочее место швеи. Это просторная комната, в которой стоят два рабочих стола, диван и журнальный столик. В углу накинаны какие-то коробки, видимо, это помещение служит еще и складом. За вторым столом сидит парень лет двадцати с такими же рыжими волосами как у Кати.

– Санчес, знакомься, это Вера, сестренка Курта, – говорит управляющая бутика и подталкивает меня вперед. – А это мой брат, он занимается продвижением бренда, сайтом и курирует интернет-заказы.

Я ловлю себя на мысли, что окружение, в котором вращается мой брат и Руссо использует только клички. За исключением Кати, конечно.

– Да ладно! – отвечает рыжеволосый парень, вскакивает и протягивает мне руку. – В натуре? Или ты разыгрываешь?

– Вера, – пожимаю его руку, – и я действительно сестра Курта.

– Круто, – усмехается он, а я пожимаю плечами, не знаю, что тут ответить.

Катя рассказывает мне о специфике работы. Одежда, которую они продают, в основном сделана из кожи. Если нужно что-то переделать под клиента, этим занимается цех, где стоит специальное оборудование. Мне нужно снять мерки, передать им заказ и проследить за его исполнением. Это не то чем я занималась раньше, но если за это платят...

– Цех работает с нами по контракту. Оставлять им одежду нежелательно, поэтому я настаиваю, чтобы швеи лично убедились в сохранности нашего товара.

Я киваю, а Катя продолжает:

– Сам цех находится в двух остановках от нас и если переделка небольшая, то швея едет своим ходом. Если в заказ входит больше трех вещей, мы выделяем транспорт.

– Понятно. А какой график?

Катя жестом показывает в сторону двери, первая выходит в коридор и ведет меня в свой кабинет. Это такого же размера комната только с белой мебелью и такого же цвета занавесками. Она показывает мне на круглое вращающееся кресло, сама подходит к мини-холодильнику и достает бутылку воды. Протягивает мне, но я вежливо отказываюсь.

– График можно обсудить. Сколько дней в неделю ты можешь работать?

– Два-три раза, включая субботу, но только после обеда. Иногда могу приходить раньше, все зависит от пар, – говорю я спешно.

– Вера, я человек прямой и открытый. Скажу сразу, ты мне нравишься, я бы взяла тебя без оглядки, но мы дали вчера объявления в газету и я бы хотела посмотреть других претендентов.

– Конечно, – киваю, но на лице отражается опасение, меня могут не взять, и зачем я так долго тянула. – Когда вы дадите ответ?

– Думаю, дня через два.

Расценки мы с ней обсудили еще по телефону, поэтому я не стала снова поднимать эту тему. На этом встреча закончилась, мы обменялись номерами мобильных телефонов, я попрощалась и вышла из бутика.

Вернувшись в общежитие, я застала соседку за разбором вещей. Теперь я смогла хорошенько ее рассмотреть. У нее медового цвета глаза, прямой, раздвоенный на кончике нос, губы сердечком. Она переделалась в спортивные брюки и футболку, собрала длинные каштановые волосы в хвост. Судя по гардеробу, София из богатой семьи и мне непонятно, как такая девушка оказалась в общежитии.

Как только я вошла она начала расспрашивать о моем факультете, семье и увлечениях, да так настойчиво, что я почувствовала себя на допросе. Не хотелось в первый же день ей грубить, но отвечала я максимально кратко и неохотно. О себе София рассказала, что по семейным обстоятельствам вынуждена ненадолго поселиться в общежитии. Что ее мама вылетела в Англию, где они прожили последние пять лет, но должна вернуться через полгода и только тогда они купят квартиру. Оказывается, София поступала сразу в четыре ВУЗа, но выбрала академию, так как ректор – друг их семьи.

Наш разговор прервал стук в дверь. Я открыла и увидела на пороге брата. За две недели, что мы не виделись, синяки и кровоподтеки сошли. Единственным напоминанием о бое, свидетельницей которого я стала, был тонкий розовый шрам на щеке. Вид у него был чернее тучи, и я сразу поняла, что что-то случилось.

– Привет, – увидев, что у меня теперь соседка, он махнул в коридор, и я выпорхнула ему навстречу. – Не хочешь перекусить?

– Да, – обрадовалась я, мне скорее хотелось высвободиться от цепких лап Софии, – куда пойдём?

– Я думал, ты подскажешь местечко, я этот район не знаю.

Пока я передевалась за открытой дверцей шкафа, София подошла к брату и как-то странно на него посмотрела.

– Вы попали в аварию? – ее голос дрожал.

Она потянулась к его шраму, но Саня отпрянул и сказал, что будет ждать меня у проходной.

Мы приехали в ресторан, где я обедала с Руссо. Я заказала те же блюда, таким образом, мне хотелось еще раз окунуться в атмосферу проведенного с Руссо вечера. Когда официант принял заказ и удалился на кухню, я взглянула на брата и ужаснулась, таким мрачным я его никогда не видела. Если бы что-то случилось дома, я бы узнала об этом раньше брата. Поэтому первая мысль была о Руссо. Не случилось ли чего с ним? Мне сразу показалось подозрительным его внезапное исчезновение.

– Что случилось? – я опять задаю этот вопрос в этом ресторане, но теперь другому мужчине.

– Аквамарин беременна.

– Что?! – я дар речи потеряла.

– Вчера поехал за вещами, а она мне под нос сунула тест на беременность, – Саня потер лицо ладонями и тяжело выдохнул.

– Я слышала от подруг, что тестам доверять нельзя.

– Поэтому мы завтра идем на ультразвук.

– Мы? – мое лицо вытянулось от удивления.

– Верона, это мой ребенок и я хочу знать, что с ним все в порядке.

– А ты уверен, что это твой ребенок? – мой тон мог быть и помягче, но я тоже была в шоке и выпалила, что думала.

– Конечно, уверен! – вскипел Саня. – Мы жили вместе год, она мне никогда не изменяла.

– Ладно, – я выставила вперед руку, – ты ведь ничего мне не рассказываешь, я делаю вывод из того, что видела собственными глазами.

– Слушай, она дико извиняется, сказала, что ей крышу сорвало, видимо, из-за разыгравшихся гормонов, ну и ревности, конечно.

– То есть теперь она знает, что я твоя сестра?

– Пришлось сказать. Я не хочу, чтобы она волновалась.

– Час от часу не легче, – пробурчала я и насупилась. – Теперь вы снова будете вместе?

– Что? Нет!

Он замотал головой, а я снова застыла как изваяние.

– Ребенок ничего между нами не изменит. Просто все осложняется...

Что-то мне подсказывало, что с такой постановкой вопроса его подружка мириться не будет.

– А она знает, что ты к ней не вернешься?

– Пока нет, я сказал, что мне нужно время все обдумать. Завтра после посещения врача я ей скажу.

– Боже мой, Саня, – мне так хотелось его обнять, но я побоялась, что он меня оттолкнет, такую ярость он источал в этот момент.

– У тебя теперь соседка? – Саня решил, что тема исчерпана и можно поговорить о другом.

– Угу, – я все еще была под впечатлением ошеломляющей новости.

– Теперь тебе будет веселее.

– Ох! В этом я не уверена, – я подняла на него глаза, – лучше уж одной, чем с такой занудой.

– Устами зануды гундосит истина, – шутит Саня, мы оба улыбаемся.

Дальнейший разговор плавал от темы к теме, пока мы не покончили с едой. Саня отвез меня в общежитие, и мы еще несколько минут болтали сидя в машине. Наши отношения стали более доверительными, но я все же не стала рассказывать ему о собеседовании. Если он узнает, что контакт дал мне Руссо, то расвирепееет. На сегодня плохих новостей с него достаточно.

У меня язык чесался спросить у брата о Руссо, я даже дважды настраивалась и уже отрывала рот, но взглянув на напряженное лицо Сани, тут же замолкала. Дураку понятно, что он снова заведет пластинку о том, чтобы я подальше держалась от Дракона с ядовитым жалом... так он вроде бы его назвал в прошлый раз.

На следующий день я приехала в академию с Софией на такси. Пользоваться метро она категорически отказалась. По ее словам там происходят страшные вещи, но какие именно, она не уточнила. София поступила на юридический факультет, занятия ее курса проходили в другом здании, но перед

началом учебы она решила посетить ректора. У лифта мы попрощались, и я заметила, что ей очень не хочется меня отпускать.

Мы договорились, что спишемся, перед тем как уезжать в общежитие, и я отправилась в деканат. Два дня назад меня попросили выбрать лучший реферат для сайта Академии и сегодня я должна показать черновик.

– Здравствуйте, Галина Сергеевна, – поздоровалась я с деканом, когда вошла в ее кабинет после утомительного ожидания в приемной.

– Проходи, Вера, присаживайся, – декан показала мне на офисный стул у ее огромного письменного стола. – Как успехи?

– Ознакомилась со всеми рефератами и решила подойти к заданию нестандартно.

Декан сняла очки и откинулась на спинку кресла. Мои слова ее насторожили. В Академии она считалась одной из самых строгих преподавателей, честно говоря, я ни разу не видела, чтобы она улыбалась.

– Вот как?

– К сожалению, ни один из рефератов нельзя использовать как цельную статью. Где-то удачное вступление, где-то концовка, а у кого-то отличное статистическое подтверждение цифрами и диаграммами. Поэтому я скомпоновала статью из разных рефератов, – трясущимися руками я протянула ей черновик и замерла.

Несколько минут декан вникала в выбранный мною материал, затем снова откинулась в кресле и, покручивая очками, сказала:

– Согласна, идея неплохая.

– Еще можно все цитаты из рефератов подписать их авторами. Пусть читатель видит, что для статьи использовался материал многих студентов.

Декан одобрительно кивнула.

– Компонуй статью, я даю добро.

Я встала и начала собираться.

– Рада, что твоя личная жизнь не мешает учебе.

Лицо залилось краской, я ничего не ответила и начала собирать листки черновика. А что я ей могла сказать? Нет у меня никакой личной жизни?

– С общежитием все уладилось?

– Да, спасибо, все хорошо.

Мне хотелось уже уйти, но декан снова задала вопрос:

– У тебя новая соседка?

– Да, вчера заселилась. Она с юридического факультета.

– Знаю... это я распорядилась, чтобы ее заселили в твою комнату. Хотела, чтобы вы подружились, – я подняла удивленные глаза и декан пояснила: – У нее недавно в аварии погиб отец и сейчас ей необходимы друзья. Девушка она не особо общительная, тяжело сходится с людьми.

Мне хотелось уточнить, а вы точно говорите о Софии потому, что моя соседка просто трещит без умолку.

– Ее мать сейчас разбирается в Лондоне с наследством, там все сложно. Поэтому какое-то время она будет без опеки.

– Теперь понятно, – не собиралась говорить это вслух, вырвалось.

– Она тебе не сказала? – догадалась декан.

Я покачала головой.

– Ну, еще скажет. Так как? Могу я на тебя рассчитывать?

– Сделаю, что в моих силах, – я пожала плечами.

В аудитории меня уже ждала Анна и по ее загадочному виду я поняла, что у нее есть хорошие новости.

– Идешь в субботу на вечеринку? Игорь всех приглашает.

Она говорила о сыне префекта, который все это время оказывал мне знаки внимания.

– Не знаю, а ты?

– Если ты пойдешь, то Габриель меня отпустит.

На мой телефон пришло сообщение, это была Катя, она написала, что если я готова, то могу выйти завтра на работу. Мною овладел неопиcуемый восторг и я воскликнула: «Йес!». Анна выхватила у меня телефон.

– Это от Руссо? Да?

– Нет, отдай дуреха! – смеюсь я.

– Тогда почему ты так реагируешь?

Я пытаюсь отобрать телефон, но подруга ловко уворачивается. В аудиторию входит преподаватель, все рассаживаются по местам. Анна читает сообщение и с разочарованным видом отдает мне телефон.

– Работа? – шепчет она с удивлением.

Я рассказываю о бутике, о байкерской одежде. Она морщится и говорит:

– Ненавижу байкеров. Они все жлобы и невежды.

– Конечно, они ведь не читают под луной Мандельштама, – смеюсь я.

– И мнится мне: весь в музыке и пене, железный мир так нищенски дрожит, – выдает тут же Анна и лукаво щурится.

– Ой-ой-ой, – передразниваю я ее, – какие мы утонченные и возвышенные.

Мы прыскаем от смеха и получаем очередной нагоняй от препода.

Ох! Как бы на этот раз нас не выгнали с лекции!

Выхожу на станции метро «Савеловская» и бегу в бутик. Сегодня суббота и мой первый рабочий день. Я дико волнуюсь, еще больше чем перед собеседованием. Впишусь ли я в коллектив? Смогу ли работать с такими специфичными клиентами?

Подхожу к мотосалону и от шока застываю на месте. В четырех огромных окнах висят новые рекламные постеры. На первом изображена рука парня, сдавливающая сцепление мотоцикла. Рассматриваю фрагмент татуировки – кружащие над соснами птицы и понимаю, что это рука Руссо. Ноги подкашиваются, когда я подхожу ко второму окну. Фото Руссо во весь рост в кожаных штанах и с оголенным торсом. Одной рукой он убирает волосы со лба, в другой держит черный шлем. Мама миа, какой же он красивый! Третий снимок – групповой портрет: Руссо в обнимку с двумя девушками модельной внешности. Его похотливая улыбочка и затуманенный взгляд вызывают во мне такую ревность, что я сжимаю кулаки. Четвертая фотография – одна из девиц, в эротической позе, все у того же мотоцикла. Взгляд возвращается к предыдущей фотографии. Сволочь похотливая! Ненавижу его!

В бутик я залетаю злая и бледная как поганка.

– Все в порядке, Вера? – спрашивает меня с порога Катя.

Она стоит за стойкой рецепции и перебирает бумаги.

– Да, – лгу я и краснею.

– Скоро будет вечеринка, посвященная закрытию байкерского сезона, поэтому мы сегодня ожидаем поток посетителей, а пока нет клиентов, присоединяйся к остальным на складе. Санчес покажет что делать...

Наш разговор прервал телефонный звонок. Катя подняла трубку и начала объяснять курьеру, как добраться до бутика от метро.

Прохожу на склад, это самая дальняя комната в коридоре. Помещение завалено коробками. В конце склада вижу ворота, рядом с ними стоит «Минивэн Фольксваген», а вокруг машины суетятся Санчес и две девушки, видимо, продавщицы. Заметив меня, он машет рукой.

– Вера! Иди к нам!

– Чем помочь? – спрашиваю я, приближаясь.

– Мы отправляем сейчас машину с интернет-заказами, – он протягивает мне распечатанный перечень отправляемых товаров. – Помоги девчонкам. Видишь в этом столбце цифровой код? – дождавшись моего кивка, он продолжает: – Найди в этих трех коробках соответствующий пакет, затем проверь наименования и собери заказ. Упакуй его в отдельную коробку и подпиши сверху адрес, затем вложи в заказ пакет с распечатанной накладной. Поняла?

Он так быстро это протараторил, что половину я не расслышала, но кивнула головой.

– Я разберусь.

Смотрю на коробки и список. Так... надо сосредоточиться. Наблюдаю за действиями продавцов и вспоминаю. Заказ. Цифровой код. Проверка наименования. Упаковка. Накладная.

Пока мы втроем собираем заказы, девушки украдкой посматривают на меня, явно оценивают. Не скрою, мне было бы комфортнее сидеть в своей комнате с Санчесом и ждать клиента. От их пытливых и откровенных взглядов мне неуютно, но поручение нужно выполнить.

– Накладную сложи в пакет, – советует брюнетка, показывает на стопку прозрачных пакетов с липкой лентой.

– Спасибо, – отзываюсь я и тянусь за пакетом.

Когда все коробки с заказами были собраны, вторая девушка с длинными русыми волосами протянула мне влажную салфетку и сказала:

– Пока все.

Я кивнула и уже хотела пройти на свое рабочее место, но тут на склад заглянул Санчес и сказал, что приехали клиенты и Катя зовет нас всех в салон.

Уже в коридоре был слышен гул мужских, женских и детских голосов. Я все что угодно ожидала увидеть, но не это. Мне казалось, что приедут brutальные байкеры-бородачи в косухах, типа тех, кого я видела ночью во время боя брата. Но, когда я вошла в салон, передо мной предстали две супружеские пары с детьми. Судя по разговору, пары не виделись год и спешили наверстать упущенное, наперебой рассказывая друг другу массу новостей. Дети галдели и перебивали взрослых вопросами и просьбами.

Меня к работе подключили с первой же минуты. У одной из женщин был грудной ребенок на руках и пока он спал, она осторожно, боясь разбудить, передала младенца мужу, а сама прошла со мной и Катей в кабинку для примерки.

– Катюша, я хочу штаны в обтяжку, какие брала до беременности, – начала она с ходу давать распоряжения, – и куртку как у Аквамарин, только со вставками из другого цвета.

Услышав имя, я встала как вкопанная и выпучила глаза, но, слава богу, на меня никто не обращал внимания. Это имя будет преследовать меня в кошмарах до окончания моих дней.

Катя дала знак и одна из продавщиц метнулась на склад и принесла куртку и брюки. Вооружившись ниткой и иглой, наметочным швом я выделила места, где нужно убрать, а где припустить. Переделывать немного, но хотелось, чтобы брюки сидели как влитые.

– К пятнице привезете? – осведомилась клиентка.

– Конечно, не волнуйся, – уредила ее Катя.

Следующие полчаса я занималась второй клиенткой, которая не знала, чего толком хочет. Она буквально вымотала всем нам нервы, но я была поражена реакцией Кати: на ее лице не дрогнул ни единый мускул, и пока последний клиент не покинул салон, она улыбалась.

Периодически ко мне подходила девочка лет пяти и постоянно просила то пить, то сладости. Вот и сейчас она дергает меня за серую мини-юбку и спрашивает:

– А у тебя есть чупа-чупс?

Я качаю головой. Мать громко окликает дочь, говорит, чтобы она меня не доставала, но девочка начинает хныкать и та оставляет ее в покое.

– Ты мне нравишься. У тебя глаза, как у моей куклы Алисы, – говорит малышка, вытирая слезки.

Она похожа на маленького ангелочка: голубые глазки, белые кудряшки обрамляют круглое лицо, пухлые щечки и губки бантиком.

– А ты со мной погуляешь?

Я подняла глаза на Катю, ища поддержки.

– Конечно, погуляет, милая, только немного позже, – отозвалась та.

Меня приятно поразила первая пара, они еще были довольно молоды, но лихо со всем управлялись. Видно, что мужа не оставляли рабочие вопросы даже в выходной день, но он мастерски решал проблемы и помогал жене буквально во всем. Когда настал его черед примерять выбранные женой вещи, он постоянно спрашивал ее совета. Нас он демонстративно называл «девушки», хотя у каждой сотрудницы на бейдже было написано имя. Так он показывал своей жене, что для него существует только она одна. Это было так мило, что я чуть не расплакалась.

Мой первый рабочий день закончился коллективным чаепитием. Все были выжаты как лимон. Понаблюдав за Катей, я сделала вывод, что она видит свой коллектив как единую команду и привлекает на помощь всех, если кто-то из сотрудников сильно загружен наплывом работы. Это сильно сплачивает коллектив, но немного отличается от моего представления работы швеи. Я не полноценный член команды и мне бы хотелось отгородиться от этих людей и просто делать свою работу.

– Во вторник Санчес отвезет тебя в цех, – говорит она мне, отхлебывая горячий чай из кружки с надписью «Босс». – Познакомит с ребятами. Проследишь за заказом и позвонишь ему, когда тебя нужно будет забрать.

– Хорошо, – я смущенно киваю, не знаю, смогу ли прийти во вторник, но теперь точно придется.

– На сегодня все, ребята, расходимся, – говорит Катя и прихватив кружку, уходит в свой кабинет.

– Тебя подвести до метро? – спрашивает Санчес.

– Нет, спасибо, я дойду пешком, тут недалеко, – отказываюсь я.

– Мне все равно по пути. Я подвезу. Уже темнеет.

Когда мы вышли из бутика на улице действительно уже стемнело. Санчес показал на припаркованный автомобиль и махнул мне рукой.

– Спасибо, – сказала я, садясь к нему на пассажирское сиденье.

– Пока не за что, я ведь тебя еще не подвез, – улыбается Санчес и заводит машину.

На его телефон приходит сообщение, и он тут же перезванивает. По разговору я понимаю, что это его девушка и немного расслабляюсь. Он еще разговаривает с ней, когда останавливает машину перед входом в метро и жестом со мной прощается.

Меня подхватывает людской поток и несет к эскалатору. Мой телефон, наконец-то, ожил после суточного молчания. Даже мама сегодня не звонила, а это был нонсенс. Номер незнакомый.

Как прошел первый рабочий день?

Сердце екнуло, это может быть только Руссо. Кто еще бы меня об этом спрашивал? Чувствую, как потеют ладони.

Устала.

Через минуту получаю еще одно сообщение.

Есть планы на вечер?

Да, иду на вечеринку.

Ты же устала! Куда? К кому? С кем?

Как много вопросов...

Я такой!

Если у меня и были сомнения, о том кто это, то последнее сообщение их развеяло. Это Руссо! Добавляю его номер в телефонную книгу и захожу в вагон. Отвечать не спешу, пусть помучается. Пропал на две недели и думает, что может появиться вот так, как ни в чем не бывало и снова начать со мной флиртовать? Нет уж!

Ау! Неандертальская женщина!

Я не реагирую, хотя рот до ушей.

А ты знала, что в Каменном веке добыть женщину из соседнего племени считалось воинской доблестью?

С моей стороны снова молчание. Он присылает мне ссылку, я нажимаю «Открыть» и вижу статью какого-то историка на тему «Особенности поведения первобытного человека». Картинки со сценами из бытовой жизни рисовал художник с хорошим чувством юмора. Я улыбаюсь и пишу:

Нашел уже себя на картинке?

Я стою в центре. У меня самый большой.

Фу, как пошло...

Хобот! Я мамонт! ☺

Прыскаю от смеха. Вот дуреха, и как же он меня подловил, ведь знал, какотреагирую. Отвечаю смайликом. В ответ тишина. Больше не единой строчки. Внезапно появился и так же внезапно пропал.

Мучитель! Он когда-нибудь меня с ума сведет...

Мне хочется написать: «Ау, мамонт!», но я из последних сил сдерживаюсь и уже жалею, что отказала в свидании, надо было с ним встретиться. Угрюмая толпа прижимает меня к стенке и охватившее от переписки волнение улетучивается. Я вспомнила предостережения брата и лицо Руссо, когда он задавал мне неприличные вопросы в ресторане. Меня окатила ледяная волна. Не надо мне с ним встречаться! Не надо!

Добравшись до общежития, нахожу Анну в моей комнате. Она мило болтает с Софией, и я удивлена тем, как быстро она нашла с моей соседкой общий язык.

– Ну, наконец-то! Сколько можно работать! Сегодня же суббота! – вздыхает она и украдкой показывает мне вывалившийся язык, и я понимаю, что внешняя любезность далась ей нелегко.

Улыбаюсь и плюхаюсь на свою кровать. Смотрю на наряд Анны, и прикидываю, во что мне нарядится на вечеринку. Решаю надеть черный

комбинезон. Переодеваюсь за распахнутой дверцей шкафа и появляюсь перед девчонками. Они округляют глаза, и я понимаю, что спрашивать ничего не нужно. Добавляю к наряду бежевые туфли, а София предлагает мне свою бижутерию, и я соглашаюсь. Никогда не надевала чужие вещи, но в общезитии это норма, все друг друга выручают, а ожерелье Софии действительно красивое и очень подходит к моему комбинезону.

Мы с Анной стоим на выходе. Я тянусь за клатчем и телефоном, и тут София начинает нудеть, что не хочет оставаться одна. Долго нас уговаривать не пришлось и вот мы уже втроем маршируем к такси.

– Девчонки, ухнем, – заговорчески шепчет София и протягивает нам по маленькой бутылочке вишневого ликера.

Алкоголь разлился по телу обжигающим теплом. Не то чтобы нас развезло, но настроения прибавило, в квартиру к Игорю мы завалились возбужденные и с хохотом. Вечеринка была в разгаре, с порога нас оглушила музыка. Вокруг мелькают незнакомые лица. Похоже, здесь не только наш факультет. На барной стойке разложена закуска и коктейли. Поначалу все было цивилизно, мы действительно веселились. Игорь пригласил профессионального ведущего, тот заводил толпу шутками и конкурсами. Когда ведущий закончил свою программу и ушел, начались танцы. В гостиной появились трое парней, похожих на уголовников. Мне они сразу не понравились, явно были старше, их хищные глаза шныряли по толпе и выискивали с кем бы поразвлечься. Вид у них был такой, что большинство девчонок даже боялись с ними заговорить. Я внутренне себя поблагодарила за то, что надела черное, так проще было слиться в толпе.

От выпитых коктейлей меня начало пошатывать, а ноги заплетаться. В этот момент передо мной как фокусник возникает Игорь, весь такой благоухающий, любезный и улыбочивый. Волосы зачесаны назад и прилизаны гелем. Ловлю себя на мысли, что с новой прической он похож на Драко Малфоя. Игорь приглашает меня на медленный танец и уводит от подруг. Мы танцуем. Прижимаясь всем телом, он что-то говорит мне на ухо, но я его не слушаю... я далеко, где-то там... с Руссо.

– Ты мне нравишься, Вера, – я непроизвольно вздрогнула и напряглась. – Я бы хотел, чтобы мы виделись чаще.

– Мы и так видимся каждый день.

– Ты знаешь, что я имею в виду, – в его голосе чувствуется волнение. – Как только тебя увидел, сразу понял, что мы будем вместе.

– Извини, но у меня есть парень, – мой голос дрожит.

А он у меня есть?

– Что-то мне не верится, Вера. Ты здесь, а его нет.

– Это тусовка не для него, – с каждой фразой я становлюсь более уверенной в себе.

– Надеюсь, он хотя бы тебя заберет, а не пришлет банально такси.

Инстинкт самосохранения подсказывает, что мне нельзя с ним ругаться, но и подпускать близко тоже не стоит. Три самодовольных хмыря, а я не сомневаюсь, что они его друзья, все еще рыщут по танцполу и пока мне лучше от Игоря не отходить.

В этот момент в нас врзается какая-то парочка, я чувствую укол в предплечье. Взвизгиваю от боли, но парень что налетел на меня, извиняется и показывает на расстегнувшуюся запонку.

– Ты как? – нарочито заботливо осведомляется Игорь.

– Вроде нормально, – потираю место ушиба.

Игорь убирает мою руку и заглядывает через плечо.

– Все в порядке. Ссадины нет.

Между нами возникает напряжение. Минуту мы молчим.

– Как так получилось, что у тебя нет девушки? – увожу я разговор в другую сторону.

– Мы расстались, – раздраженно отвечает он.

– Понятно, мне жаль.

– А мне нет. Она оказалась дрянью, – он разжимает объятия и толкает меня в сторону подруг. – Я потерял интерес к танцам, особенно с тобой.

Игорь уходит так же быстро, как и появился. Такая резкая смена настроения меня пугает, и я уже рада, что больше не являюсь объектом его вожделения.

Подхожу к девчонкам и вижу, что они уже изрядно пьяны. Медленный танец заканчивается и снова звучит ритмичная клубная музыка. Мы

оборачиваемся на визг и видим, как одна девчонка залезает на барную стойку и начинает танцевать. Троица парней тут же двинулась в ее сторону.

– Что-то мне уже не нравится эта вечеринка, – говорит Анна и цепляется за мою руку.

Но София называет нас бухтелками, и залпом выпивает очередную порцию коктейля. Мы с Анной решаем пойти в туалет и пробираемся через толпу. У меня кружится голова, к горлу подкатывает тошнотворный комок. Из всех сил стараюсь не терять из виду подругу. Вдруг передо мной снова возникает Игорь.

– Уже уходишь?

– Нет, сейчас вернусь, – отвечаю я и чудом успеваю ухватиться за локоть Анны.

– Я не отпущу тебя, Вера. Сегодня ты моя пленница. Сегодня ты будешь моей. Я так хочу.

Пытаюсь ответить, но он прикладывает палец к моим губам, в глазах вызов, щеки горят, а ведь еще несколько минут назад он был бледным, как молоко.

– Мне плевать на твоего парня, кем бы он там ни был. Я хочу тебя! И получу!

Он обхватывает мое лицо потными ладонями, хочет поцеловать. Из последних сил я уворачиваюсь и буквально вылетаю из толпы. Мы с Анной закрываемся в туалете и с облегчением выдыхаем.

– Что это было? – спрашивает подруга, показывая на дверь. – Моя пленница? Да что он себе позволяет? Я тебя хочу и получу? Жесть! Я уже пожалела, что не взяла с собой перцовый баллончик.

Головокружение усиливается. Я еле стою. Комната, будто ходуном ходит. Теряю равновесие и хватаюсь за раковину.

– Эй, Верона, ты чего? – слышу я искаженный голос Анны и у меня двоится перед глазами.

– Не знаю, что-то мне... плохо, – я показываю ей на свою сумочку, где лежит мой мобильник и успеваю лишь сказать: – Позвони Руссо.

Падаю. Меня куда-то уносит. Темнота.

Аристарх

Сажу в машине, жду, когда Верона выйдет с вечеринки. После нашей переписки я решил с ней поговорить. Если я проживу в таком режиме еще день, то двинусь мозгами. Надрывается моя мобила, смотрю на экран и глазам своим не верю. Верона!

– Детка, уже повеселилась?

Слышу чье-то рыдание в трубке. Все тело мгновенно напрягается.

– Верона?

– Алло, нет, это не Верона, это ее подруга Анна.

– Анна, что случилось? Где Верона?

– Она просто вырубилась в туалете, а снаружи кто-то ломится, хотят ее унести, долго я не продержусь.

– Унести? – я холодею. – Анна, слушай меня внимательно. Сделай глубокий вдох и выдох, – слышу, как она дышит, – успокойся. Соберись. Никому не открывай. Не ведись на уговоры. Пусть хоть дверь выламывают. Скажи мне адрес, я сейчас приеду.

В сущности мне нужен только номер квартиры, но ей я этого сказать не могу. Пока она бормочет адрес, я надеваю куртку, беру кейс и уже бегу к дому. Приказываю ей не бросать трубку. Надо отдать девчонке должное, больше она не паникует.

Дом элитный с охраной, меня не пускают. Пришлось напеть байку, что я типа частного доктора, что на вечеринке кто-то пережрал колес, и меня вызвали, чтобы по-тихому провести интоксикацию. Намеренно сыплю медицинскими терминами. Это срабатывает.

Вхожу в лифт, нажимаю на кнопку «12». На этаже только одна квартира. Музыка слышна даже в коридоре. Лестничная площадка утыкана парочками, кто-то уже трахается у мусоропровода. Влетаю в квартиру. Танцующая толпа беснуется. Какая-то чикса танцует топлес на барной стойке. Нахожу ванную. Белобрысый жлоб долбит в дверь и орет, что если Вере стало плохо, то нужно отнести ее в спальню и вызвать врача. Рожа у него такая хитрющая, что понятное дело, никакого врача он вызывать не будет. Вырубаю его хуком и оттаскиваю от

двери. Какая-то чикса поднимает визг, я на нее шиплю и она, спотыкаясь, бежит с криком: «Помогите». На ее вопли сбегаются трое парней, но ко мне не подходят, бздят. Вот и правильно, сейчас лучше меня не трогать.

Стучу в дверь и говорю Анне, что это я. Она открывает, бледная как смерть и даже не задает вопросов, почему я так быстро. Наверное, каждая прожитая минута в этом проклятом туалете показалась ей вечностью. Верона лежит на полу и стонет. Осматриваю ее, мерю пульс и давление. Зрачки реагируют на пучок света, она щурится, пульс замедленный, давление ниже нормы. Она бормочет, отмахивается и пытается заехать мне кулаком в нос.

Черт! При всей ее внешней хрупкости рука у нее тяжелая!

– Судя по симптомам, ей дали рогипнол, – резюмирую я.

– Наркотик для изнасилования? – с ужасом уточняет Анна.

Я не отвечаю, закрываю кейс, вручаю его Анне и спрашиваю:

– Вы были вдвоем?

– Нет, там еще София, – она кивает в сторону двери.

– Моя тачка внизу, я отнесу Верону, а ты разыщи свою подругу, и спускайтесь вниз.

Выношу Верону в коридор и натыкаюсь на того же белобрысого жлоба, он пытается что-то мне втюхать, руки у меня заняты и я без разбора бью его ногой в пах и сваливаю.

– Что? Нажралась колес? – ехидничает охранник и пропускает меня через турникет.

Я бы и ему сейчас врезал, да времени в обрез. Дотаскиваю Верону до тачки. Она бормочет, что я засранец и не появлялся две недели. Что она скучала и устроит сейчас мне взбучку.

– За что ты мне устроишь взбучку, детка? – опускаю ее на ноги и придерживаю, пока открываю дверь.

– Ты... ты... – она пытается сконцентрироваться, – ты их обнимал!

– Кого? – я усаживаю ее на сиденье, придерживая ей голову.

– Моделей на постере! – выпаливает она и хнычет.

Плач неестественный, что-то среднее между всхлипываниями и смехом.

– Они ничего для меня не значат, детка, есть только ты.

– Правда? – она пытается сосредоточиться на моем лице.

– Правда, – я целую ее в лоб и откидываю с лица влажные пряди волос.

К машине подбегают подружки Вероны. Одна, глядя на Верону, начинает истерить. Я на нее прикрикиваю и велю быстро тащить свой зад в тачку. Через полчаса высаживаю испуганных девок перед общежитием.

– С ней точно все будет хорошо? – Анна не сомневается во мне, но для спокойствия души все же спрашивает.

– Я позабочусь о ней.

Они обе кивают и бредут к проходной. Я дожидаясь, когда они скрываются за дверьми и смотрю на Верону. Она стонет, но дыхание ровное. Везу ее домой. Останавливаю машину у подъезда и открываю дверь. Прохладный воздух врывается в салон, на минуту она приходит в себя и спрашивает, где мы. Я отвечаю, что привез ее в свою квартиру, она мотает головой, упирается и говорит, что не пойдет туда, где я развлекался с другими бабами.

Я нервно хохочу, но потом чешу затылок и думаю что делать. Недолго думая, сажусь за руль и газую. Выхода нет, придется отвезти ее к родакам. Хорошо, что ключи от их дома всегда в тачке.

Ни в одном окне нет света, наверное, мать уже спит. Обычно в это время родяки еще сидят перед «ящиком», но отец сейчас в командировке, а мать без него даже новости не смотрит. Я открываю ворота, паркуюсь и несу Верону в гостевой домик, где обычно останавливается отцовская родня. Застилаю чистую простынь, укладываю ее на кровать и звоню Игнату, другу по институту, чтобы выяснить, чем нейтрализовать действие рогипнола. Тот диктует мне три препарата, я осматриваю кейс. Один препарат у меня есть, два других заказываю срочной доставкой.

Ставлю Вероне капельницу, сажусь напротив в кресло и вытягиваю ноги.

Верона стонет, мотает головой, я слежу, чтобы из вены не выскочила игла. Ей снится кошмар, что-то из детства. Несколько раз она выкрикивала имена братьев. Смотрю на нее, а в моей голове проносятся тысячи сомнений, правильно ли я поступил, что привез ее сюда? Может, надо было оставить ее в общежитии с подругами и вызвать «Скорую»? Я вторгаюсь в ее мир, даю ей ложную надежду, а сам ведь прекрасно понимаю, что могу с легкостью разбить ей сердце. Мысленно

прокручиваю ситуации, в которых она меня не поймет, осудит и будет страдать. Нет! Я не могу с ней так поступить, нужно оставить все как есть. Возможно, я переживу, перестрадаю, и все встанет на прежние рельсы. Такая перспектива меня самого не радует, но я не вижу другого пути.

Через три часа снимаю последнюю капельницу. Ноги затекли и я решаю пройтись. Именно тогда Верона приходит в себя и начинает со мной говорить.

– Я тебя сильно напугала?

– Не то слово, детка, – говорю я и сажусь на колени перед кроватью.

Снова тону в ее томных глазах, и все, о чем я только что думал, смывает одной ее улыбкой. На щеках забавные ямочки и я целую сначала одну, затем другую.

– Прости... – теперь она хмурится, пытается вспомнить, – я не поняла, что со мной произошло.

– Тебе вкололи рогипнол.

– Что это?

– Наркотик, детка.

– Ох, это Игорь. Это точно Игорь.

Спрашиваю что за крендель, она рассказывает мне про танец, про укол в плечо, про последние слова, и я понимаю, что на вечеринке ее одноклассник действовал не один. Осматриваю место укола. Так и есть!

– Тебе надо поспать. Постарайся не вставать.

– Меня тошнит, я боюсь испачкать постель, но при всем желании я не смогу сейчас подняться.

Я беру ее на руки и несу в ванную. Она обвивает мою шею руками.

– Так странно, когда мы вместе... ты всегда носишь меня на руках, – она икает и продолжает: – И всегда кто-то в этом виноват... ик... не мы.

Она садится перед унитазом, я скручиваю длинные шелковистые волосы и придерживаю ее за плечи. Ее рвет. При этом зрелище я совершенно спокоен. Случись это с другой, я блеванул бы на пару, но сейчас брезгливость отступает, отдавая первенство заботе и беспокойству за это хрупкое создание.

Рвота – это хорошо. Организм запустил механизм очищения и сам решает, как избавиться от отравы.

Она просит зубную пасту и щетку, я протягиваю, и она склоняется над раковиной. Ее волосы все еще в моих руках. Пока она, наклонившись, чистит зубы, я представляю, как держу ее вот так за волосы и трахаю сзади. По мне прокатывается волна возбуждения.

Черт! Нужно себя контролировать!

– Детка, это нужно снять, – я показываю на испачканный комбинезон и стягиваю его с нее так быстро, что она не успевает среагировать.

Она стыдливо прикрывается. Ничего не могу с собой поделаться, мой взгляд мечется по ее телу, как мячик от пинг-понга. Прошу ее снять белье. Она еще под действием наркотика и мне не по себе от ее уступчивости. В обычном состоянии она бы меня на дух к себе не подпустила. На пол падает белье, ее руки прикрывают груди и лобок. Клянусь, я не видел в своей жизни ничего эротичнее. Глядя на нее, у меня перехватывает дыхание. Стараюсь не подать вида, но меня капитально штормит. Сэм-предатель оживает и начинает дергаться в штанах, как в предсмертной агонии.

Делаю глубокий вдох и завожу ее в душевую кабину. Ее руки дрожат, она смущается, но стоять сама не может и все еще держится за мое плечо.

– Не надо меня стесняться, детка, – говорю ей, а сам думаю только о том, что мне нужно купить ей одежду и белье. Самое лучшее! У моей малышки должно быть все самое лучшее.

Черт! Я опять думаю про бабские шмотки!

– Что ты делаешь? – спрашивает она, когда я скольжу по ее телу намыленными руками.

– Мою тебя, детка. Просто мою. Ни о чем не беспокойся.

Мой голос предательски дрожит, руки трясутся как у алкаша с похмелья. Я бы все отдал, чтобы сейчас скинуть с себя джинсы и встать рядом с ней, прижаться к ее груди и бедрам. У нее потрясающая фигура: тонкая талия, аккуратная аппетитная попка и округлые груди, на которых торчат соски, как два указателя.

– Господи, какая же ты красивая! – вырывается из меня против воли.

От моих прикосновений она стонет и покрывается гусиной кожей. Мне нравится, как она на меня реагирует. Верона поднимает на меня свои глазища и я замираю. Из груди, будто выбивает весь воздух. Не могу дышать!

– Детка, не гипнотизируй меня, для тебя это может плохо кончиться.

– Поцелуй меня, – шепчет она, и внутри меня все клокочет.

– А ты не пожалеешь об этом утром?

Меня гложет сомнение. Не хочу слышать ее упреков, когда она протрезвеет. Она сейчас такая уязвимая.

– Нет, не пожалею. Это ведь просто поцелуй...

Не просто, детка, все совсем не просто! Для тебя уж точно!

С жаром впиваюсь в ее губы, по телу шныряет оголтелый озноб. Черт! Какая же она сладкая! Нет-нет! Нужно притормозить! С ней так нельзя! С неохотой отрываюсь от нее, провожу пальцем по ее нижней пухлой губе и нежно покусываю. Ее руки скользят по моему лицу и волосам, снова льну к ее губам, на этот раз как можно нежнее. Меня снова затягивает в нее. Это несравнимо ни с чем. Даже ее неопытность не портит моего настроения.

Клубы пара окутали наши тела, а мы стоим и смотрим друг на друга как замороженные. Ее взгляд затуманен. Надеюсь, когда она проснется, то не вспомнит ничего из того, что было в ванной. Но я уж точно ничего не забуду!

Вытираю ее насухо, сушу волосы феном, несу обратно в кровать. Достāju футболку брательника из комода и помогаю ей продеть руки в рукава. Она совсем обмякла. Накрываю ее одеялом и сажусь в кресло.

– А ты разве со мной не ляжешь? – спрашивает она и зевает.

Сэм снова оживает, я ерзаю в кресле, оттягивая ширинку. И моему терпению есть предел, особенно если дело касается Вероны.

– Нет, детка, не лягу.

Когда она засыпает, пишу Кате. Черт! Что обо мне подумает сеструха, когда в четыре утра я прошу привезти мне новые шмотки для Вероны в родительский дом?

Загружаю в стиралку одежду Вероны, возвращаюсь в спальню.

От Кати приходит ответ:

Что случилось?

Объясню при встрече.

Приеду через час.

Катюха молодец, никогда не задает лишних вопросов и в первую очередь это заслуга моего друга Игната. За годы совместной жизни он вышколил ее как офицер солдата-новобранца на плацу.

Вера

Открываю глаза и вижу перед собой незнакомую комнату. Я лежу на кровати в спальне, обставленной в классическом стиле. На стене передо мной висит картина «Девятый вал» в точности отражающая мое состояние. Голова кружится, от голода живот сводит судорогой, во рту пожар. Не могу понять, как я сюда попала. Я откидываю одеяло и свешиваю с кровати ноги. Ой-ой-ой! Меня качает из стороны в сторону. Когда сознание проясняется, вижу, что я в мужской футболке и без трусов! Внутри нарастает паника, на глаза наворачиваются слезы. На тумбочке замечаю свой клатч и телефон.

В спальню входит Руссо, и я со страхом снова прячусь под одеяло. Перед глазами проносятся картинки. Мы с ним в ванной, я голая! Он меня мыл! Я мгновенно вспыхиваю.

– Проснулась? Как себя чувствуешь? – он присаживается на край кровати.

Его голос звучит как-то по-другому, без обычной бравады. Барьер, разделяющий нас, словно рухнул, появилось чувство единения, будто мы сделали что-то, что нас сблизило. О, боже!

– Мы что... что-то делали? – мой голос дрожит.

– Да, мы что-то делали, – у него такой вид, будто не спал всю ночь. – Но не то, что ты подумала.

У меня нет сил играть в догадки, но судя по моему состоянию, он прав. Кроме головы у меня ничего не болит. А должно же болеть? Или нет? Я с ума сейчас сойду.

– А про то, что подумала, уверяю, ты бы не забыла...

Я краснею. Не хочу развивать эту тему и спрашиваю:

– Как я тут оказалась?

Он рассказывает мне ту часть истории, которую знает сам и с моих слов. Но я ничего не помню. Помню, как танцевала с Игорем, помню, как мы неслись с Анной в ванную, а потом провал.

Его рука покоится на моих ногах, и даже через одеяло я чувствую, какая она горячая.

– Где мы?

– Это гостевой домик моих родителей.

– Твоих родителей? – я в ужасе.

Что может быть еще хуже? Родители Руссо увидят меня в таком виде. Непонятно как я сюда дошла. Или он нес меня на руках? Ох, они, наверное, это видели! Я сгораю со стыда.

– Пойду, приготовлю кофе, – он закатывает глаза и добавляет: – Много-много крепкого кофе.

Уже из соседней комнаты я слышу:

– Одевайся, я все сложил на кресле.

Мой взгляд устремляется на красное платье в прозрачном чехле и какие-то коробки разных размеров.

– Это не моя одежда! – кричу я.

– Твоя в стиралке! Я не знал, как ее развесить и оставил это тебе.

О, боже, он постирал мои трусы!

– А зачем ты стирал мою одежду? – кричу я и прислушиваюсь.

Он обувается.

– Тебя рвало... – коротко бросил он.

Слышу стук входной двери.

Рвало! При Руссо... мама миа! Ох, час от часу не легче...

Тянусь к телефону и звоню Анне. Она рассказывает мне недостающие детали вчерашнего вечера и события как пазлы выстраиваются в общую картину.

– Мы за тебя жутко волновались, но твой парень выглядел таким уверенным, что я не сомневалась, он о тебе позаботится.

– А как он там вообще оказался?

– Разве ты не помнишь? – удивилась подруга. – Ты сама попросила меня ему позвонить!

– Я? – мои брови взлетают вверх.

В первой же экстремальной ситуации я попросила позвонить не брату, а Руссо. Это многое говорит о его способностях улаживать неприятности.

– Я ничего не помню, – признаюсь я.

– Ты бы видела, что он там творил, – начала рассказывать взхлеб подруга.

– С одного удара вырубил Игоря... – она в красках описывает мне действия Руссо.

После разговора с Анной я встаю и бреду к креслу. Разглядываю изумительное короткое красное платье от «Prada» и ахаю от восторга. В коробках нахожу нижнее белье такой красоты, какое я даже в модных журналах не видела. В большой коробке лежат бежевые туфли с красной подошвой. Читаю на коробке «Christian Louboutin» и чуть не падаю в обморок.

Аристарх

Захожу на кухню, мать отрывается от журнала «Финансы и кредит» и оценивающе меня разглядывает. Я не спал всю ночь, видок у меня довольно помятый, ну еще бы, чуть глазенки свои не проглядел от неусыпного ночного дозора.

– Ты привел девушку в дом, – в ее голосе удивление.

Мы оба знаем, что не привел, а принес. Но воспитание не позволяет матери стебаться над моими похождениями. Хотя нет, она бы охотно меня подколола, если бы отец был рядом.

– Ма, это всего лишь девушка, она не кусается. К тому же она здесь в первый и последний раз, так что не будет посягать на твою драгоценную кухню.

Мать фыркнула и сняла очки, краем глаза вижу, что лицо ее смягчается, а значит, она подавляет улыбку.

– Сейчас я бы уже не прочь с кем-нибудь ее разделить, – как бы, между прочим, произносит она и делает вид, что углубляется в чтение, но очки-то сняла и меня не проведешь.

Я наливаю себе кофе, делаю два больших глотка и вздыхаю с облегчением.

– Раньше ты никогда не приводил девушек домой, – подмечает она, и я понимаю, куда она клонит. Типа, наши отношения перешли на тот уровень, когда происходит знакомство с родителями.

Ох, ма, если бы ты знала, как мы далеки от этого!

Я готов отпустить одну из своих шуточек, но слышу, как открывается боковая дверь и на кухню входит Верона. Как всегда красива. На ней красное платье, что привезла Катя. Из-за «Лабутенов» она выглядит выше. С трудом отвожу от нее взгляд. Сейчас будет неловкий момент, и я не хочу притягивать на себя внимание. Видит бог, я не хотел, думал к этому времени моя мать уже уедет на работу. Черт! Сегодня же воскресенье! Все подумают, что я это сделал специально!

Верона появляется в проеме, смотрит на мать и застывает в ужасе.

Ба-бам! Да, детка! Моя мать – твой декан!

– Так, так, так... – произносит мать и крутит в руках очки. – Здравствуй-здравствуй, Вера Павлова. Не ожидала тебя увидеть в своем доме.

По ее реакции я понимаю, что Верона ей нравится, и испытываю облегчение, хотя как она может кому-то не нравиться...

Несмотря на всю внешнюю суровость моя мать очень добрый и заботливый человек. Со мной она, конечно, строга, но как еще воспитывать такого раздолбая как я.

– Проходи, будем пить кофе, – мать достает из шкафа чашки и всякие сладости.

Чуть покачиваясь, Верона проходит в столовую и садится на дальний стул – подальше от матери. Вид сконфуженный, она еще не обрела дар речи.

Я пытаюсь помочь матери, но она шуточно меня отталкивает:

– Ты чего крутишься под ногами? И вообще... шел бы ты... у тебя есть своя квартира.

– Сегодня же воскресенье – родительский день, – я чмокаю ее в затылок.

Сажусь рядом с Вероной, вытягиваю ноги и зажимаю ее хрупкие ножки своими ботинками. «Louboutin» и «Harley-Davidson» together forever! К моему удивлению она не сопротивляется, только выпрямляет спину.

– Родительский день? – переспрашивает она.

– Да, – с грустью отвечает мать, – у нас раньше была традиция: все дети приезжали каждое воскресенье.

– Все дети? – улыбаясь, переспрашивает Верона.

Я уже подмечал за ней манеру переспрашивать очевидное. Судя по всему, это реакция на стресс.

– Да, у нас их трое. Всеволод, Аристарх и Ав... – мать осеклась, у меня сводит желудок, раньше я избегал таких моментов, но сегодня со мной Верона и я, как ни странно, чувствую себя сильнее.

– Аврора – моя сестренка.

Верона поворачивается и заглядывает мне в глаза, по тону чувствует неладное.

– Она погибла три года назад.

– Погибла? – она бледнеет. – Ох, простите, мне очень жаль.

– Нам тоже, милая, – мать чудом подавила слезы и вымучила улыбку, – нам тоже...

Я подвигаю к Вероне чашку.

– Пей! – затем тарелку со сладостями. – Ешь!

– Сынок, ты прямо само очарование, такой воспитанный и вежливый. А твоему красноречию любой поэт бы позавидовал!

Мать намекает на мой командирский тон, Верона улыбается и кивает. Нашли общий знаменатель. Неловкий момент преодолен.

– Какие у вас планы на сегодня?

Мы с Вероной переглядываемся.

– Да, собственно, никаких, – отвечаю я и пожимаю плечами.

Планов было громадье, но веселая ночка внесла свои коррективы. Я, конечно, мог бы увезти сейчас Верону в общагу и поехать по делам, но мне совсем не хочется этого делать.

– Да? А я думала мы идем в театр или на концерт, – она показывает на свое платье и усмехается.

– Детка, это единственное, что было в бутике твоего размера.

– Ты ездил ночью в бутик?

– Нет, не я... я не мог тебя оставить одну. Попросил Катю.

– Ох, – она краснеет и прячет глаза.

– Эй, – я беру ее за подбородок и поворачиваю к себе, – все в порядке, я тоже выручал ее не раз.

Она гневно сверкает глазами и ехидничает:

– А она тебя ко мне не приревнует?

Мать выпучивает на нее глаза.

– С чего это ей делать? – теперь я понимаю, почему у нее такая реакция, Катя-чертовка про наше родство ей ничего не сказала.

Мне не хочется сейчас дразнить Верону, но уж слишком велик соблазн.

– Ну, не знаю... ты возишься со мной всю ночь и утро...

– Почему бы нам не помочь сестренке Курта? «Ночные совы» – семья. Курт, я и Катя...

Хочу добавить и ее парень, но вовремя торможу, пусть помучается, в следующий раз не будет танцевать с белобрысыми ушлепками. Черт! Да ни с кем не будет больше танцевать!

Вера

Мама Руссо – мой декан! Ну и ну! И я узнаю это при таких обстоятельствах! Так вот почему он так нагло вел себя в Академии, его все там знали! Теперь понятно, почему услышав от меня, где я учусь, Руссо сказал, что это судьба. Но почему он не сказал мне об этом раньше? Ждал подходящего момента?

Оправляюсь от шока и через распахнутую дверь рассматриваю столовую. В ней такая же обстановка, как и в гостевом домике. Невольно сравниваю интерьер со своим родительским домом. По сравнению с ними моя семья живет *очень* скромно.

Руссо обвивает под столом мои ноги и допивает кофе. В отличие от меня он не чувствует никакой скованности. Мне кусок в горло не лезет, во-первых, я не люблю магазинную выпечку, во-вторых, меня все еще подташнивает.

Не могу избавиться от мысли, какое впечатление я произвела на Галину Сергеевну. Меня привезли к ней в дом в бессознательном состоянии. Всю ночь ее

сын просидел у моей постели, а под утро девушка ее сына привезла мне новые дорогие вещи из бутика. Сколько они стоят и смогу ли я за них рассчитаться хотя бы с десятой зарплаты?

Новости из жизни Руссо сыплются как из рога изобилия. Оказывается, у него была сестра, и она умерла. Хочется спросить, как и когда это произошло, но мне неловко. Не могу себе представить, чтобы я чувствовала, потеряй я одного из братьев. Когда Пашка попал в больницу, мы с мамой все глаза выплакали, мир вокруг нас буквально рухнул. Думали, что он не выкарабкается, но на третий день он вышел из комы и от сердца отлегло. Правда, потом нас ждало новое испытание – паралич нижних конечностей. Но все-таки он жив, мы навещаем его, видим, как он с радостью рассказывает о своих друзьях и новостях в интернете.

Пашка и Леха – двойняшки. До того как Пашка стал инвалидом у них были общие друзья и интересы. Когда он после больницы вернулся в наш непригодный к инвалидному креслу барак, всем стало понятно, что в таком режиме он долго не выдержит. Все вокруг напоминало о том, что он не может вести полноценную жизнь. Поэтому Саня нашел частный интернат для инвалидов, где Пашка под постоянным присмотром терапевта, массажиста, физиотерапевта и в окружении новых друзей. Иногда он, сильно соскучившись по семье и дому, просится назад, и мама его забирает, но не проходит и недели, как брат снова рвется в интернат.

Зазвонил мобильный телефон Галины Сергеевны. Она смотрит на экран и с неохотой отвечает. В трубке слышен взволнованный женский голос. Нахмурившись, она резко встает и уходит в другую комнату. Мы переглядываемся с Руссо. Он пожимает плечами.

Чувствую себя в этом доме лишней и спрашиваю:

– Может, ты отвезешь меня в общежитие?

– Нет-нет, сегодня ты будешь со мной, – он пристально смотрит мне в глаза, а потом добавляет: – Если, конечно, ты не против.

Мне снова хотелось спросить, не будет ли против Катя, но я прикусываю язык. Если он не беспокоится о ней, то почему я должна? Мне эта Катя сразу не понравилась, изучала меня как под микроскопом. Видимо, тоже прощупывала почву. Как я раньше не догадалась что у них близкие отношения? Интересно, они

сейчас встречаются или были любовниками раньше, а теперь просто друзья. И та и другая мысль мне противна, я с ума сойду, если увижу их вместе.

– А что мы будем делать?

Он смотрит на мой наряд, минуты две копается в интернете и говорит:

– Такое платье исключает езду на мотоцикле, поэтому мы не поедem на байк-шоу.

– Ох, какая жалость, – кидаю с сарказмом, и он наигранно хмурится.

У него тоже зазвонил мобильник. На экране высвечивается фотография Кати – легка на помине. От ревности я вся сжимаюсь. Руссо встает, отвечает на звонок и идет на кухню за очередной порцией кофе. По его ответам понимаю, что Катя спрашивает обо мне.

– По размеру все подошло, спасибо... ага... сидит рядом со мной и умничает...

Я закатываю глаза, это я-то умничаю?

– Да вот думаем куда прошвырнуться? Своим выбором платья ты задала мне задачу.

Он ухмыляется, вижу, как светится его лицо. Я уже ненавижу эту Катю и ее бутик! Зачем я только согласилась на эту работу? Ведь Руссо не скрывал, что знаком с управляющей. По словам брата, у этого красавчика только один интерес к женщинам – секс. Какая же я идиотка!

– Презентация новой коллекции? Ха-ха! Ты под кайфом?

Я выпрямляюсь как струна, мне очень-очень хочется пойти на презентацию новой коллекции, чего бы там ни было. Пусть это будут байкеры или шляпки на тему «Я пришелец из космоса». Я даже согласна смотреть на шубки для собачек. Просто отведи меня туда Руссо! Я хочу вдохнуть атмосферу творчества и созидания. Хочу своими глазами увидеть подиум и кутюрье. Видимо, на моем лице отразилась гамма эмоций, глядя на меня, Руссо почесал затылок и начал задавать вопросы Кате, где пройдет эта презентация и нужен ли пригласительный.

Руссо закончил разговор и с озабоченным видом плетется ко мне. Только сейчас я вижу, как он устал. Глаза покраснели, на лбу и над верхней губой проступили капельки пота.

– Значит, хочешь пойти на презентацию? – кривится он в ухмылке.

– Я ничего не сказала, – оправдываюсь я, – ты сам так решил.

– Да все твое тело кричало: «Хочу на презентацию!»! – он передразнивает мою манеру говорить.

Я показываю ему язык, он резким рывком пытается его поймать, но я быстро его прячу.

– Так мы идем? – рот до ушей.

– Презентация будет в девять вечера, – он смотрит на наручные часы, кстати, очень крутые, на серо-голубом циферблате изображен череп, – мне нужно поспать, если выпью еще хоть одну чашку кофе, либо мое сердце взорвется, либо я блевану.

От воспоминаний меня снова подташнивает, и я хватаюсь за горло.

– Ой, прости, кажется, я тебе напомнил про ночное randevu с унитазом.

Нервно сглатываю и смотрю на него так, что он замирает.

– Я тебя так и не поблагодарила... спасибо... – мне неловко, но я стараюсь себя пересилить и добавляю: – Если бы не ты, неизвестно что бы со мной сделали...

– Ты меня уже поблагодарила ночью, – он перестает улыбаться и как-то странно на меня смотрит.

Я вопросительно поднимаю брови, но Руссо не успевает ответить, его мама входит в столовую. Она уже переоделась, теперь на ней синий юбочный костюм и белая блузка. Вид у нее чернее тучи. Руссо вскакивает.

– Ма, что случилось?

Галина Сергеевна хватается со стола свои очки и убирает в сумку.

– Вчера ночью на вечеринке первокурсников трое парней изнасиловали нашу студентку, – она тянется к позолоченной консоли за ключами от машины. – Ректор собирает срочное совещание. В деле каким-то образом замешан сын префекта.

Она поворачивается ко мне и спрашивает, не в одной ли мы группе. Мы с Руссо переглядываемся, я нервно сглатываю. Мне кажется, что земля уходит из-под ног.

Аристарх

Провожая мать до машины и по пути рассказываю все что видел и знаю о вчерашней вечеринке. Она подтверждает адрес происшествия, а это значит, что когда я увез Верону, насильники нашли новую жертву.

– Сынок, держись от этой истории подальше. Не вмешивайся. Префекта я знаю лично.

– Ма, и что? Их целью была Верона...

– Я тебя отлично поняла, – перебивает меня мать, – но предоставь это мне. Дело выглядит очень грязным. Они уже запустили видео в интернет, где эта девочка танцевала с обнаженной грудью на барной стойке.

Вспоминаю эту чиксу и морщусь, дело дрянь.

– На допросе сын префекта сказал, что у него есть запись, где девушка сама просила о сексе. Нет доказательств, что именно он или его дружки дали ей наркотик. Они утверждают, что она сама где-то его приняла и напросилась на групповой секс.

Мать уезжает, а я еще долго провожаю взглядом ее «Лексус». Мозги работают на пределе. Бегу в дом, поднимаюсь на второй этаж и нахожу в спальне родителей ноут, с которого мать обычно выходит в инет. У нее есть доступ к электронным спискам всех учащихся, и я записываю несколько фамилий сокурсников Вероны. Прочесываю социальные сети и нахожу видео, о котором говорила мать. Читаю кучу комментариев и понимаю, что большинство студентов поддерживают насильников, а девушку награждают такими эпитетами, что кровь в жилах стынет. Это незаслуженно, но я уже встречал такую реакцию и для меня это не ново. Завожу аккаунт, добавляю фотку красивой девчонки, похожей на Верону и вступаю в группы, где ведутся закрытые обсуждения. В одном из чатов некий Сумрак выложил видео самого секса. Это отвратительное зрелище. Не дай бог его увидеть Вероне! Видео длится всего тридцать секунд и по нему совершенно точно можно сказать, что девушка не сопротивляется.

Оказывается, многие студенты делали фото, и кто-то даже снимал вечеринку на видео. Верона попала в несколько кадров, в том числе танцующей с парнем и это тот самый жлоб, к которому я дважды приложился. На одном фото

ушлепок уткнулся лицом в ее волосы и что-то шепчет ей на ухо. Меня охватывает волна ревности. Сжимаю кулаки. В моей голове рождается план. Пусть на него уйдет немного времени и прайсов, но этот мудила больше никого не сможет трахнуть, а вот его... кто знает...

Отсылаю сообщение Дракону о том, что нужно встретиться. Тут же получаю ответ.

Где и когда?

Пока Верона будет глазеть на подиум, я изложу свой план корешу. Высылаю ему адрес и время, тут же получаю подтверждение. Ищу Верону, но ее нигде нет. Иду в гостевой домик, она лежит на кровати и плачет.

– Трое?! – она закрывает лицо руками. – Он не один. Их трое!

– Их было четверо, – поясняю я, – четвертый снимал.

– Откуда ты знаешь? – она резко убирает руки от лица и смотрит на меня глазами полными слез.

– Я видел видео в сети.

– В сети есть видео... как они это с ней делали?

Я киваю, плач усиливается. Мне хочется ее успокоить. Ложусь рядом с ней и обнимаю за талию. Она разворачивается, утыкается головой мне в грудь и обнимает. Резко выдыхаю и сжимаю ее в объятиях.

– Это могла быть я, – ее плечи содрогаются от конвульсий.

– Да, детка, это могла быть ты, но не стала. Ты должна заучить этот урок.

Я паршивый суки сын! Я сядюга! Но я чертовски рад, что все так вышло. Что смог защитить ее, и теперь у Вероны нет больше иллюзий насчет шныряющих вокруг хищников. Она должна знать, что каждое сказанное ею слово или совершенное действие может повлечь за собой катастрофические последствия. В конце концов девчонке *такое* может сломать жизнь.

Одной рукой я поглаживаю ее по голове, другой прижимаю к себе.

– Я даю тебе слово, он больше никогда никого не тронет.

А вот это зря! Вдруг все сорвется?

– Как ты можешь такое обещать? – она мне не верит, а для меня это вызов.

– Могу, детка, могу...

Ее всхлипывания все тише и реже. Через минуту она обмякает в моих руках. Приподнимаю голову и вижу, что она уснула и мерно посапывает. Я тоже закрываю глаза и проваливаюсь в сон.

Вера

Как странно и волнительно просыпаться в объятиях Руссо. Слышать ритмичное биение его сердца. Чувствовать пряный запах кожи. Его руки так сильно сцеплены на моих плечах, что побелели костяшки пальцев. Прямо перед глазами фрагмент татуировки на его руке. Разглядываю детали: бредущий медведь между елями, парящий орел, застывший, словно почуял добычу, волк. От него исходит та самая энергия, что накрыла меня в нашу первую встречу. Она проникает глубоко и мне кажется, будто я в ней растворяюсь. Тело Руссо такое горячее, что в местах, где он прислоняется к открытым участкам моей кожи, проступают капельки пота.

Пытаюсь высвободиться, но это не так-то просто.

– Хочешь от меня сбежать? – бормочет Руссо спросонья.

– Нет, хочу в туалет.

Он тут же размыкает руки и отпускает меня. Я встаю с кровати и иду в ванную. Смотрю на свое отражение – я словно бенгальский огонь вся сверкаю и искрюсь. Мне так хорошо, когда он рядом, будто весь мир исчезает и нет ничего более ценного, чем то, что зарождается между нами.

Выхожу из ванны и вижу, что он повернулся на бок и снова уснул. На часах пять вечера. До презентации еще куча времени и мне нужно чем-то заняться. Тихо закрываю дверь гостевого домика и иду в дом родителей Руссо. Мне нравится, как обустроен участок: дорожки выложены тротуарной плиткой «Гжелка», цветники, альпийская горка, яблоневый сад. Когда мы бывали с мамой в Москве, я часто покупала журналы о садоводстве и, глядя на фотографии, мечтала о собственном доме и как бы я обустроила ландшафт.

Галина Сергеевна еще не приехала. Я захожу на кухню, от голода живот скрутило узлом. Заглядываю в холодильник, нахожу питьевой йогурт и выпиваю

на одном дыхании. Желудок обволокло вязущей субстанцией и мне сразу полегчало.

Не спеша обхожу просторную гостиную с камином и заставленную книжными стеллажами библиотеку. Обстановка красноречиво говорит о достатке и любви к старине. Несколько минут мой взгляд прикован к камину с мраморным порталом, к хрустальной позолоченной люстре, которая искрит и переливается всеми цветами радуги. Не представляю, как жить в таком доме.

Я вернулась на кухню и решила что-нибудь приготовить на ужин. Был страх, что Галина Сергеевна не поймет моего вторжения в ее владения, но мне нужно чем-то себя занять, иначе с ума сойду. Подпоясавшись фартуком, я приступила к осмотру имеющихся продуктов в холодильнике. Мое внимание привлекли две тушки кролика, и я решила их запечь с овощами в имбирно-медовом маринаде. Поставила разогреваться духовку и настроила радио на свою любимую радиостанцию. В поиске посуды осматриваю кухонные шкафы. Меня порадовал набор форм для запекания, видно, что Галина Сергеевна часто им пользуется.

Когда противень с кроликом уже стоял в духовке, я решила испечь лимонные маффины и начала замешивать тесто. Вынула из холодильника яйца и хотела уже их разбить над миской, как услышала громогласный возглас:

– Галчонок! А чем это у нас так вкусно пахнет?!

В кухню буквально ворвался энергичный мужчина лет шестидесяти. От неожиданности я вздрогнула, яйца выскользнули из рук и разбились о плиточный пол.

– Ой-ой, – он затормозил прямо передо мной. – Я думал... это моя жена... а-а-а... добрый вечер.

– Здравствуйте, – я залилась краской и уставилась на разбитые яйца, – простите, я не хотела, они просто выскользнули...

– Нет-нет, не извиняйтесь, это я виноват. Напугал вас...

Он впялился в меня изучающим взглядом и так был озадачен моим присутствием в доме, что не сразу пояснил кто он.

– Простите, я не представился, Платон Иванович.

– Вера, – я должна была ему объяснить, кто я, но страх и неловкость лишили меня способности связывать слова в предложения, и я просто таращилась на него, как испуганный цыпленок.

– А где Галина?

– Она на собрании.

– Кажется, вечер будет не только приятным, но и интригующим, – он расплылся в улыбке. – Что готовите, Вера?

Я ответила и снова вернулась к выпечке.

– Вы учитесь в Академии?

– Да, на первом курсе.

– Галина Сергеевна ваш декан?

Я понимала, что он прощупывает почву, но как еще я могла объяснить свое присутствие? Меня ночью в наркотическом опьянении привез ваш сын... ох, стыдоба.

Снова киваю и продолжаю взбивать яйца с сахаром.

– Вам помочь? – он бросает взгляд на миску. – Я всегда помогаю Гале.

– Спасибо, не надо.

– Вы уверены? Не надо стесняться, я хороший помощник!

– Не сомневаюсь, но предпочитаю все делать сама...

Он хмыкает, потом говорит, что ему нужно принять душ с дороги и переодеться. Когда он, схватив небольшой чемодан, поднимается на второй этаж, я с облегчением выдыхаю и быстро замешиваю тесто. Стараюсь не думать о создавшейся ситуации, но оказаться одной в доме с отцом Руссо мне не с руки. Хотя внешне он выглядит вполне добродушным, но о чем с ним говорить не понимаю. Не хочется прослыть дурой или пустышкой в глазах родителей парня, который мне нравится.

Я разливаю тесто в формочки для кекса и слышу на лестнице его шаги.

– Так говорите Галина Сергеевна на совещании? Я звоню ей, но включается голосовая почта.

– Да, ее вызвал ректор. Кое-что случилось вчера на вечеринке с одной студенткой, – я не хочу вдаваться в подробности и ограничиваюсь намеками.

– Понятно, – на мгновение его лицо мрачнеет, – ну что ж, тогда мы с вами будем в гордом одиночестве.

– Не совсем в одиночестве, – я закрываю духовку, выставляю таймер и поднимаю на него глаза, – в гостевом домике спит Аристарх.

– Аристарх здесь? – кажется, что этим фактом он удивлен сильнее, чем обнаружив меня на собственной кухне.

Пока тушится кролик и пекутся маффины мы болтаем на отвлеченные темы: о погоде, о моей успеваемости и о летней стажировке, которую предлагает его банк, Платон Иванович – директор по развитию. Мое напряжение сходит, я расслабляюсь и даже начинаю получать удовольствие от общения с ним.

Я как раз вынимала кролика из духовки, когда входная дверь открылась, и дом наполнился гвалтом голос. В столовую вбежали двое ребяташек примерно трех и шести лет. За ними вошла пара с грудным ребенком на руках. Из разговора я поняла, что это старший брат Руссо Всеволод и его жена Алена. Меня закружил водоворот вопросов, детский плач и обмен новостями.

Аристарх

Открываю глаза, Вероны рядом нет. Вспоминаю, что она вставала и уходила в ванную, но не припомню, чтобы возвращалась. Когда же я в последний раз вот так с кем-то просто спал? Черт! Да никогда! Удержаться с рядом спящей женщиной мне не под силу. Удивительно, что с Вероной все иначе.

Потягиваюсь и прислушиваюсь. В доме тишина. На тумбочке нет ее телефона и сумочки. Значит, она все-таки сбежала... Во рту появляется привкус горечи. Черт! Надо было встать вместе с ней. Наверное, уехала на такси в общежитие. Вроде она хотела поехать на презентацию, но после новостей передумала.

Поднимаюсь с кровати и бреду в ванную. Ополаскиваю лицо и бреюсь. Если она ушла, надо успеть хоть на часть запланированных встреч. Мой телефон пестрит сообщениями от партнеров. Я отменил на сегодня все встречи, но вопросы от этого сами собой не решатся.

Собираю кейс, накидываю куртку и бреду к машине. Проклятье! Внедорожник Севы перегородил мой «Мустанг». Придется зайти в дом и попросить его отогнать тачку. Из окна кухни слышится детский визг и я брезгливо морщусь. Черт! Он не один, а притащил всю свою семейку. Минута уходит на то, чтобы собраться и настроиться.

Открываю боковую дверь кухни и застываю на месте. Верона стоит в кухонном фартуке поверх платья и нарезает хлеб. Ее волосы уложены волнистыми локонами. Лицо в боевой раскраске – точняк дело рук Алены, она мастер по штукатурке. От ее вида меня лихорадит. Кидаю родне приветственное «Хай» и нависаю над Вероной, оперевшись руками о столешницу.

– Думал, ты сбежала, – говорю ей на ухо и вижу, как она краснеет.

– Я бы не уехала, не попрощавшись, – ее голос дрожит и меня это возбуждает.

– Правда? – такой ответ меня радует, она прячет от меня глаза, и я говорю: – Посмотри на меня.

– Не видишь, я режу хлеб?

Я накрываю ее хрупкую ладонь своей ручищей, она замирает и поднимает на меня глаза. Меня окатывает такой кайф, что не хочу даже шевелиться. Так бы стоял и вдыхал ее запах.

– Так у нас все хорошо? – спрашиваю я и убираю прядь волос с ее лица.

– А было плохо?

– Было по-разному, – усмехаюсь я.

Она тоже улыбается, я глажу ее ямочки, и от сердца отлегает. Меня кто-то потянул за штанину, на автомате я чуть не одернул ногу, но в последний момент вспомнил, что здесь спиногрызы и посмотрел вниз.

– Дядя Ари, привет, – картавит старший племянник.

– Привет, Сопля Перламутровая, – кидаю я и заглядываю в столовую.

Все семейство пялится на меня, даже мелюзга не орет. У отца и брата отвисают челюсти. Алена делает вид, что занята кормешкой младшего, но я вижу, как она хитро щурится. Проклятье! Эта дура выставила на всеобщее обозрение свою титьку! И почему отца это не смущает?

Мясной аромат притягивает взгляд к столу и от вида еды зазывно урчит желудок. Ладно, ради Вероны я готов с ними немного пообщаться.

– Так вы тут без меня пировать собрались? – здороваюсь за руку с отцом и братом.

– Мы не хотели тебя будить, но я отложила твою порцию в холодильник, – тут же объясняет Верона.

– Вытаскивай ее обратно, – бурчу я.

Все садятся за стол, я плюхаюсь рядом с Вероной и притягиваю ее стул ближе. Мне плевать, что подумает родня, но Вероне, похоже, это не в масть.

После смерти Авроры с семейкой я не в ладах. Я единственный кто был против кругосветки, в которую она отправилась с мужем, собственно, он и управлял яхтой. Остальная родня, включая родаков, были в восторге от этой идеи. Первые три месяца после катастрофы я пропадал на островах в поиске затонувшей яхты и ни с кем из родни не общался. Со временем стал отвечать на сообщение. Сейчас иногда мне звонит мать и будто гвоздодером вытягивает из меня новости. Я не сижу с ними за одним столом в праздники, не дарю подарки и не поднимаю за их здоровье тосты. В сущности мать единственная, кто держит меня в курсе основных событий. От нее я и узнал, что у Севы родился третий спиногрыз. Черт! Зачем он их столько клепают? Скоро можно его детьми весь забор утыкать.

– Вера, все очень вкусно, спасибо, – урчит от удовольствия отец.

– Да, кролик бесподобный, мясо сочное и хорошо пропеклось, – говорит Алена и набивает рот едой так, будто запасается впрок.

Я смотрю на свою малышку и наполняюсь гордостью.

– Ты еще не пробовала ее мясной пирог, – вставляю я и игриво подмигиваю Вероне.

Алена восклицает что-то нечленораздельное и продолжает жевать. Верона заливается краской и тычет меня пальцем в бок. Я щиплю ее за бедро, она вздрагивает и охает.

– Так вы идете на презентацию новой коллекции? – спрашивает Алена.

Черт! Презентация! Я совсем забыл! Киваю, а сам строчу Кате, чтобы прислала пригласительный.

Раздается стук входной двери, в проеме появляется мать. Как вовремя, а то я хотел уже умять последний кусок мяса. Счастливая семейка снова в сборе. Ладно, пусть думают, что я немного оттаял, хотя я на них все еще чертовски зол.

Вера

Перед презентацией Руссо решил переодеться и припарковал «Мустанг» у своего дома. Подниматься в квартиру я отказалась и осталась в машине. В ожидании я размышляла о том, что после начала учебы моя жизнь круто изменилась. Я попала в новый мир. Новое место жительства, новая работа, новые подруги. Столько всего сразу нового, что от этого голова шла кругом. Руссо, конечно, тоже занимал значительную часть моих размышлений. Я не могла понять, кто мы друг другу? Да в сущности – никто! Но стоит нам встретиться и нас обоих захватывает водоворот эмоций. Как к этому относиться – не понятно...

Мое внимание привлек какой-то странный парень, одетый во все черное. Лицо было скрыто козырьком бейсболки. Он вышел из серебристой машины и, осматриваясь, прошелся мимо дома взад-вперед. Хоть он и делал вид, что не смотрит на меня, но я дважды ловила на себе его пытливый взгляд. Машина, из которой он вышел, медленно поехала в мою сторону, парень в «черном» дошел до конца дома и повернул обратно. Я напряглась.

Из подъезда вышел Руссо и быстрым шагом приблизился к «Мустангу». Он был в облегающей белой футболке с принтом, в приталенном темно-синем пиджаке с дизайнерскими пуговицами и зауженных брюках. В кармане пиджака на сантиметр выглядывала тонкая полоска платка-паше зеленого цвета. На груди мелькали медальоны в форме черепа и креста. Он помыл голову и сделал укладку. Выглядел он просто потрясающе и очень стильно.

Пока я разглядывала Руссо, серебристая машина подхватила парня в «черном» и унеслась прочь.

– Все в порядке? – спросил Руссо, сядя в машину. – Ты какая-то бледная. Тебя все еще тошнит?

– После случая с Сальниковым у меня паранойя, – выдыхаю с облегчением. Теперь, когда он рядом я чувствую себя в безопасности.

Презентация новых коллекций российских дизайнеров проходит в Гостином Дворе. По обе стороны от подиума расставлены раскладные стулья. Руссо хотел подождать меня в машине, пока я буду, как он выразился: «Глядеть на вешалок», но я решительно отказалась. Мы сидим в последнем ряду, это компромисс на который мне пришлось пойти. Из-за моего роста мне ничего не видно, поэтому я как черепаха постоянно вытягиваю шею. Глядя на мои мучения, Руссо бесцеремонно водрузил меня к себе на колени. Сначала я запротестовала, но он рявкнул: « Или так или уйдем!». Не хочу кривить душой, конечно, так видно гораздо лучше. После чего я буквально пожирала глазами все, что двигалось на подиуме, хотя на коленях Руссо чувствовала себя неудобно.

Пока мое внимание было направлено на подиум, за спиной то и дело раздавались характерные сигналы всевозможных мобильных приложений и чатов. На середине показа Руссо сказал, что ему нужно кое с кем встретиться и велел мне оставаться на месте и никуда не уходить. Я была так увлечена, что машинально кивнула, даже не удосужившись спросить, что мы будем делать после показа.

Через час показ закончился, а Руссо так и не вернулся. Я потянулась к телефону, но обнаружила, что он выдохся. Не мудрено, в последний раз я его заряжала перед тем, как вышла на работу в бутик. Зал начал пустеть, все посетители направились к выходу, а я стою и не знаю, что мне делать. Вот уже двое рабочих начали убирать стулья, и мне пришлось отойти в сторону, чтобы не мешать.

На меня уже начали с подозрением поглядывать секьюрити, когда я заметила знакомое лицо. Санчес! Он не один, с высокой брюнеткой, видимо с подругой. Они нырнули в огражденную красным шнуром дверь, и я двинулась за ними. Передо мной тут же возник охранник в черном костюме и попросил предъявить пригласительный, но он остался у Руссо, поэтому я решила отойти в сторону и пропустить подошедших гостей. В этот момент тяжелая рука с мясистыми пальцами сковала мое плечо, а хриплый мужской голос уверенно произнес:

– Она со мной.

Я хотела обернуться, но красный шнур убрали, все та же рука подтолкнула меня к двери, и я попала на вечеринку посвященную показу. Гости столпились маленькими группками, среди них были модели и кутюрье. Я обернулась и увидела коренастого мужчину лет сорока в светлом костюме и белой рубашке. Его волнистые и густые как шапка волосы уже тронула седина, а лицо было беспощадно испещрено мимическими морщинами. Он одарил меня обезоруживающей белозубой улыбкой и сказал:

– Простите за наглость, но мне показалось, что вы хотели попасть на фуршет.

– Спасибо, – выдавила я из себя и залилась краской. – Я увидела знакомого и хотела поздороваться.

– А сейчас его видите?

Мужчина был элегантен и обладал хорошими манерами, что сразу меня расположило. Я пробежалась взглядом по собравшейся разношерстной публике и заметила рыжеволосую шевелюру Санчеса.

– Да, вижу. Я пойду. Еще раз, спасибо.

Но мужчина не спешил меня отпустить.

– Вы здесь одна?

– Нет, мой парень скоро вернется.

– Жаль, очень жаль.

Он что-то хотел сказать, но я уже рванула к Санчесу. Коллега заметил меня, когда я вплотную приблизилась, и растянулся в улыбке.

– Вера, привет. Отлично выглядишь!

Я поздоровалась, он представил свою спутницу:

– Знакомься, это моя девушка, Ирина.

Мы обменялись с ней вежливыми улыбками. Я уже хотела поделиться впечатлениями о показе, как услышала за спиной все тот же настойчивый мужской голос.

– Значит, вас зовут Вера, – я повернулась, – а меня Эмиль, – он протянул мне визитку, – позвоните мне на досуге.

– Очень приятно, Эмиль, – я осмелела, поскольку рядом стоял Санчес, но визитку проигнорировала. – Эта идея не очень удачная.

– Почему? Если два человека интересуются модой, им есть о чем поговорить? Вы фотомоделка?

– Что? Нет!

– Работаете в индустрии моды?

– Можно и так сказать... – меня уже начала раздражать его настойчивость.

Почувствовав мою нервозность, Санчес подошел со стороны Эмиля и навис над ним внушительной фигурой.

– Вы знакомы?

– Нет, но если нам не будут мешать, мы познакомимся.

Эмиль оказался не из пугливых и обдал Санчеса ледяным взглядом. После чего маска любезности слетела, лицо перекосилось в злобе. От такой мгновенной трансформации Санчес невольно отпрянул. Я увидела, как в зал входит Руссо и бросилась к нему. Он тоже меня увидел и начал пробираться сквозь толпу.

– Вера, мы не договорили, – Эмиль схватил меня за плечи и развернул к себе с такой силой, что я просто чудом удержалась на ногах. – Почему ты от меня убегаешь? Это невежливо.

Я оттолкнула его от себя и возмущенно потребовала:

– Оставьте меня в покое!

– Детка, что происходит? – подоспевший Руссо заводит меня за спину, и я хватаюсь за его руку, как за спасательный круг. – В чем дело?

Вид у Руссо свирепый, я знаю, что он долго раздумывать не будет. Эмиль тоже это почувствовал и спокойным тоном произнес:

– Маленькое недоразумение.

Руссо смотрит на меня и спрашивает:

– Он тебя обидел?

Все гости стихли и смотрели в нашу сторону. Ситуация выглядела такой нелепой, что мне хотелось поскорее все уладить, я замотала головой и ответила:

– Как он и сказал, это недоразумение.

Эмиль растворяется в толпе, а мы возвращаемся к Санчесу.

– Тот еще тип... Он как рыба-прилипала, – ворчит Санчес и здоровается с Руссо за руку.

– Поверь мне, Санчес, тебе с ним лучше не связываться, – говорит Ирина.

– Ты его знаешь? – удивляется Санчес.
– Лично нет, но видела на таких мероприятиях неоднократно.
– Что за хрен? – теперь уже заинтересовался Руссо.
– Официально у него модельное агентство, но поговаривают, что его девочки подрабатывают эскортом для элиты. Здесь он наверняка ищет, чем можно пополнить личную коллекцию.

Час от часу не легче!

– Чертов сутенер! – бросает со злостью Руссо.

Аристарх

Мой телефон вибрирует, и я читаю поступившее сообщение.

Бойцы готовы. Приезжай.

Это от Годзиллы. Теперь есть причина свалить. Черт! Как же вовремя! Еще минута и я бы разнес этот пафос в щепки!

– Мы уходим, – бросаю я на ходу Санчесу и веду Верону к двери.

– Так рано? – хмурится Верона. – Я слышала, что сама вечеринка начнется только через час. Будут выступать рок-группы, в том числе «Би-2».

– У меня дела, а на «Би-2» я свожу тебя в другой раз.

– Правда?

Я киваю, и она улыбается.

Садимся в машину, я даю по газам. Меня распирает от злости, нужно вправить ей мозги, да так, чтобы в дальнейшем мои указания не обсуждались, а тупо выполнялись.

– Никогда больше так не делай! Если я сказал, сиди и жди меня, значит, ты должна сидеть и ждать!

– Я ждала, – оправдывается Верона, – но стулья убрали.

– Надо было стоять у стены!

– Я стояла, но охрана начала на меня коситься. Хотела тебе позвонить, но телефон вырубился. Тогда я увидела Санчеса и пошла за ним, а там приклеился тот мужик.

– Тебя нельзя оставить ни на одну минуту! – рычу я с горячностью разъяренного тигра. – Ты как магнит для всяких отбросов!

– Что?! – на ее лице отпечатывается мучительная гримаса.

Я уже чувствую себя засранцем. Вот только я взял старт с третьей скорости и не могу так быстро притормозить.

– А разве я не прав? Сначала ты срываешь Курту бой! Ты знаешь, что из-за тебя его вышвырнули из клуба? Потом позволяешь этой стерве Аквамарин себя отдубасить! В твою комнату врываются подпитые ушлепки с желанием повеселиться, не отходя от кровати. История с регипнолом вообще зашкаливает по степени риска! А сегодня тебя чуть не заарканил сутенер!

– Никто меня не заарканил! – кричит она, лицо покраснелось, сейчас она лопнет от обиды.

– Теперь я понимаю, почему тебя не выпускали из дома! Была бы моя воля, я бы сам тебя запер и возил только на учебу и с учебы!

Она молчит, надула губы и отвернулась. Вижу, как по щеке течет слеза. Вот черт! Кажется, я снова передал! Тянусь к ее руке, но она одергивает и забивается в угол.

Всю дорогу до фитнес-центра мы молчим. Паркуюсь на стоянке и говорю:

– У меня здесь дела, посидишь в машине или пойдешь со мной?

– А можно? – она поворачивается, и я вижу, что она уже не плачет.

Дурацкий вопрос! Я же сам предложил. Жестом показываю, чтобы шла за мной и включаю сигнализацию. Проходим через турникет, кивком здороваюсь с менеджерами за администраторской стойкой. Сюда я спокойно могу привезти Верону, здесь только бизнес и никакого перепиха.

Годзилла застыл у боксерского подиума и следит за спаррингом двух новичков. Оставляю Верону в зоне ожидания и подхожу к рингу.

– Это она? – спрашивает Годзилла и щурится.

– Кто? – здороваюсь с ним за руку.

– Сестренка Курта?

Я киваю.

– Красивая. У тебя с ней шашни?

Как он вычисляет меня с полпинка?

– Очень смешно, – кривлюсь в притворной усмешке. – Вчера накачали на вечеринке регипнолом, вовремя сообразила мне позвонить, Курту побоялась.

– Пыф, – пыхтит Годзилла с отвращением, – едрит Мадрид. Пронесло девку. Курту скажешь?

– Конечно, но не сейчас, пусть хоть немного отойдет...

Кореш достает мобильный из кармана и показывает мне видео с любительским боем. – Вот кого я хотел тебе показать. Боец в черных трусах.

С ходу въезжаю, почему Годзилла его выбрал. Боец первоклассный. Быстро навязывает свой стиль, выносливый, свирепый. Немного не хватает техники, но это дело наживное. Месяц усиленных тренировок с Годзиллой и бойца можно выставлять на ринг. Я уже прикидываю прибыль, которую он сможет принести клубу.

– Есть одна проблемка. Он во Владике и перебраться в Москву не собирается. Если кому и под силу его уболтать, то только тебе.

Чешу затылок, лететь во Владик мне совсем не в тему. Смотрю еще раз видео и понимаю, что упускать такую возможность нельзя. Если не шустрить, бойца перехватит другой клуб. Перевожу взгляд на Верону, черт, придется звонить Курту.

– Так зачем ты меня вызвал?

Годзилла кивает в сторону скамьи, на которой в ожидании сидят четверо новичков.

– Ты сам или мне? – щурится партнер.

Годзилла хочет оценить новичков в спарринге. Это наша традиция: первую взбучку должен дать тренер.

Я так зол, что не прочь выпустить пар.

– Сам, – бурчу я и иду к своему шкафчику.

Вера

Девушка приятной внешности предлагает мне на выбор чай или кофе, я прошу принести холодную воду. Она любезно улыбается и уходит. В голове все еще звучат слова Руссо о том, что я притягиваю к себе неприятности как магнит.

Такого наплыва негативных событий в моей жизни еще никогда не было. С Руссо я в корне не согласна. Но после стычки с Эмилом он такой злой, что я решила не спорить. Нужно признать, что общение с братом, помогает мне лучше понять Руссо.

Время приближается к полуночи, тренажерный зал пустеет. Последний посетитель, накачанный, словно скала парень выходит из мужской раздевалки, бросает на меня похотливый взгляд и улыбается. После скандала с Руссо не хочу никому улыбаться даже из вежливости и отворачиваюсь.

Все та же девушка ставит передо мной стакан с холодной водой. Мои губы пересохли от жажды, я буквально прилипаю к прохладному стеклу. Затем поднимаю глаза и вижу, что Руссо переоделся в майку и шорты и идет на ринг. Он играет мышцами и разминает шею. Мама миа, как же он хорош собой! Злость и взгляд исподлобья делают его еще более притягательным. Его соперник поднимается на помост и приветственным жестом бьет Руссо по кулакам. Они босиком, руки перевязаны боксерскими бинтами.

Руссо сразу переходит в нападение, противнику лишь остается держать оборону. Нервно сглатываю и заморожено слежу за его движениями. Зрелище не для слабонервных, но действует на меня возбуждающе. Я не разбираюсь в боксе, но и мне, полной простофиле, понятно, что это не классический бокс. Техника смешанная с приемами борьбы. Было что-то в этом поединке неукротимое и лютое, напоминающее уличную драку, где нет правил, а только желание победить.

После серии ударов по корпусу Руссо нанес сокрушительный удар по челюсти противника и тот распластался на полу. Огромный детина, похожий на моего отца, приказывает Руссо остыть, перелезает через канаты и помогает подняться бойцу. Тот трясет головой, пытается прийти в себя. Его уводят и усаживают на скамью. Пока верзила наставляет второго бойца, Руссо разминает шею, готовясь ко второму поединку. Периодически он кидает на меня гневные взгляды. Похоже, что на ринг он вышел, чтобы сорвать на ком-то зло. Почему он все еще на меня злится?

– Этот удар называется «Чеп», – слышу я за спиной женский голос, оборачиваюсь и вижу жгучую брюнетку с короткой стрижкой, лет тридцати,

спортивного телосложения. – Наносится за счет вращательного движения корпусом, бьющая рука согнута под прямым углом, а локоть прижат к туловищу. Рука становится продолжением корпуса. – Незнакомка показывает удар в замедленном темпе. – При ударе боксер рубит именно предплечьем.

Я не отвечаю, не знаю, что говорить. Меня совершенно не волнует, как бить каким-то там «Чепом». Разглядываю незнакомку, от вида ее жилистого тела мне не по себе. Такое ощущение, что в ней нет даже грамма жира.

– Руссо владеет им мастерски. Жаль, что он больше не выходит на ринг.

Тут я оживаю.

– Почему больше не выходит?

– Не знаю, спроси у него сама, Беби, – она идет к рингу и нависает на канаты рядом со здоровяком.

Закончился второй бой, который Руссо провел уже не так агрессивно. Его место занимает здоровяк и в первых же раундах отправляет в нокаут двоих бойцов.

Руссо переоделся, о чем-то еще переговорил с бойцами и здоровяком и пошел в мою сторону. Тут его нагнала брюнетка, и я услышала их разговор.

– Руссо, ты обещал подумать.

– Я подумал и сказал «нет»! – он злится, но брюнетку это не пугает.

– Годзилла не против, сказал мне с тобой поговорить.

– Что?!

Руссо резко останавливается и разворачивается к рингу. Здоровяк разводит руками.

– У тебя чердак оплавился?!

– Все на мази, Руссо. Нужно только чтобы «Совы» дали добро, – скороговоркой произнесла брюнетка.

– Давай проведем пробные бои! – прокричал ему здоровяк через весь зал. – Посмотрим реакцию публики и подобьем барыш! Если не пойдет, свернем все к чертовой матери!

Руссо рычит, но обещает переговорить с каким-то Кувалдой. Брюнетка визжит от радости и бежит к здоровяку обниматься.

– Чему она так обрадовалась? – спрашиваю я, когда мы выходим из фитнес-центра.

– Хочет, чтобы я организовал женские бои.

– Ох, круто, хотела бы я на это посмотреть, – я сажусь в машину и пристегиваю ремень безопасности. – А тебе эта идея не нравится?

– Нет, – отрезает Руссо и выруливает со стоянки. – Это уже будут не бои, а балаган.

На бешеной скорости машина мчится по ночному городу, все улицы залиты светом фонарей. Близость Руссо и сказочная атмосфера, что создает иллюминация, вызывает во мне ощущение абсолютного счастья.

– Куда мы едем?

– Есть хочешь? Я хочу суши... – он украдкой бросает на меня взгляд, вроде больше не злится. – Потом отвезу тебя в общагу. Хотя я уже сказал, чтобы я с тобой сделал...

– Пленил бы... я помню.

Глаза Руссо вспыхивают, он облизывает губы. Ох, мамочки! Не надо мне его дразнить.

Аристарх

Слова Вероны вызвали во мне прилив фантазии, я вдруг увидел ее обнаженной и привязанной к кровати. Ох, детка, тебе лучше не знать, чтобы я с тобой сделал. Кидаю на нее жадный взгляд, она попыталась улыбнуться, но заглянув мне в глаза, вспыхнула и нервно заерзала. Кажется, она поняла, о чем я сейчас помышляю. Жесть! Нужно остыть!

Веду ее в суши-бар, у меня здесь встреча с партнером. Открываю перед ней дверь, в памяти всплывает обед в ресторане, с которого она сбежала. Надеюсь, сегодня все пройдет гладко. Хостес проводит нас к столику и протягивает меню. Через пять минут из служебного входа появляется встревоженный Егор, видимо, ему доложили, что я разместился в зале, а обычно мы беседуем с глазу на глаз в его кабинете. Увидев Верону, он опешил. Еще бы! Никто и никогда не видел меня с девушкой.

– Приветствую, – он жмет мне руку, поворачивается к Вероне и представляется, – Егор. Добро пожаловать в наш ресторан.

Верона здоровается, смущенно улыбается и открывает меню. Я предлагаю ей фирменное блюдо от шеф-повара. Она смотрит на красочную картинку, краснеет и шепчет мне на ухо, что не умеет есть палочками. Верона в своем репертуаре, поддерживает имидж Неандертальской Женщины. Усмехаюсь и говорю, что научу ее.

С Егором мы обсуждаем нового поставщика рыбных продуктов и сезонное обновление меню. Киваю на все, что он предлагает. Егор – мой первый партнер по бизнесу. Ему тридцать лет и он потомственный ресторатор. Японский ресторан мы открыли с его легкой руки, и это единственный бизнес, куда я не срываюсь посреди ночи, где меня всегда встречают с улыбкой и преимущественно хорошими новостями.

После обсуждения, Егор прощается и желает нам приятного вечера. Отходя от столика, он украдкой показывает мне «ок», и я понимаю, что Верона ему понравилась. Это вызывает у меня обратную реакцию. Почему всем не терпеться высказать о ней свое мнение?

– Кем ты здесь работаешь? – спрашивает Верона и с наивняком хлопает ресницами. Они у нее как опахало!

– Детка, я не работаю здесь. Официально я вообще безработный.

– Ну, ты... он с тобой советуется... вот я и подумала...

– Мы партнеры, – вижу, как мыслительный процесс влияет на ее мимику и усмехаюсь. Нужно облегчить ей жизнь – слишком много впечатлений для одного дня. – Я совладелец.

Похоже, что это реально произвело впечатление. Наверняка она думала, что я плохой мальчик из хорошей семьи – живу на доходы от проведения боев. А вот нет, детка и тебя еще много таких сюрпризов ждет. Если, конечно, не сбежишь от меня в ближайшие часы.

– Бои и суши-бар? Очень контрастное сочетание, – она оживилась и не скрывает своего интереса.

– Бои для драйва, суши-бар – стабильный спокойный бизнес, – отвечаю я, глядя на то, как в нашу сторону официант несет заказ.

Пока он расставляет блюда и желает приятного аппетита, Верона смотрит на суши и морщится.

– Что входит в твои обязанности как партнера? – она пытается отвлечься от собственных мыслей.

Проклятье! Надо ей втолковать, чтобы не болтала при посторонних.

– Не задавай глупых вопросов, – я хмурю брови.

Прежде чем на меня накатило раздражение, на ум приходит дерзкая идея, я ухмыляюсь. Как только официант отходит, усаживаюсь на диван позади нее и сжимаю ногами ее бедра. От прикосновений к ее упругим ягодицам по всему телу пробегает озноб, Сэм проснулся и не на шутку раскочегарился. Верона чувствует мою эрекцию, вздрагивает и ежится.

– Что ты делаешь? – краснеет, пытается высвободиться, но я усиливаю хватку.

– Буду проводить мастер-класс, – не сдерживаюсь и целую ее в шею.

Дурею от ее запаха. Черт! Меня сейчас занесет! Стараюсь немного остыть, но мое предательски тяжелое дыхание и прижатый к ее ягодицам Сэм выдают мои истинные намерения. Она отстраняется, но бежать ей некуда. Ты захвачена в плен, детка! Велю ей расслабиться и довериться мне. Хватаю палочки, показываю, как нужно ими орудовать. Окунаю суши в соевый соус.

– Открой рот, – она конфузится, я еще сильнее сжимаю ногами ее бедра. – Не будешь слушаться, поставлю засос на видном месте.

Верона с опаской оглядывает зал. Убеждается, что никому до нас нет дела и съедает первую порцию. От этого зрелища меня будто тисками зажали.

– Хорошая девочка, – подбадриваю я, вкладываю в ее руку палочки и еще раз демонстрирую процесс захвата суши.

Через пару минут раскрасневшаяся и довольная собой она уже ест сама. Мое тесное соседство ее все еще смущает и я пересаживаюсь на соседнее место.

– Видишь, ничего сложного.

– Вкусно, – говорит она и улыбается.

Когда глиняные тарелки размером похожие на подносы пустеют, я спрашиваю:

– Почему ты бросилась на ринг без тени страха и отдубасила Волка, а тощую Аквамарин не пришила к стенке?

Она замирает, мой вопрос привел ее в замешательство.

– М-м-м... наверное, потому... что в первом случае я вступилась за Саню, а во втором напали на меня.

– То есть ты будешь отстаивать чужие интересы, но не свои?

Она кивает и тяжело вздыхает.

– Так было всегда.

– Понятно, – в задумчивости поскребываю подбородок. – Значит, ты не будешь отрицать, что постоянно попадаешь в неприятности?

– Не было у меня никаких неприятностей! – вспыхивает она и тут же устраняет неточность. – Пока я не приехала в Москву.

Что-то в ее взгляде говорит мне, что это не так, может я не прав, но именно сейчас чувствую, что за ее желанием отгородиться от мира есть весомая причина. Вспоминаю про ее отца, может, причина в ее детстве?

– Когда на меня нападают, я впадаю в ступор.

Я все еще погружен в свои мысли. Бабские проблемы я чую за версту, длиннющая вереница телок, прошедшая через мою спальню, все же оставила свой отпечаток. Я знаю, чего они хотят, в чем нуждаются и чую, когда они что-то скрывают или борются со своими страхами и сомнениями. Сейчас тот случай, когда меня захватывает энергия ее страха.

– Наелась?

Она кивает.

– Тогда поехали, уже поздно и тебе надо бай-бай.

Она шуточно бьет меня по плечу, просит не обращаться с ней как с ребенком. Хватаю ее за руку, целую костяшки пальцев и веду к машине.

Закончился второй ужин с Вероной. Я не подорвался на mine, меня не раздавил БелАЗ. Ничего страшного не произошло, было даже забавно, и я намеревался это повторить при первой же возможности. От ее присутствия по телу разливалось тепло. Когда она рядом я успокаиваюсь и прихожу в равновесие. Верона совсем близко, наши локти трутся, когда я переключаю рычаг передачи. Впервые мне не хочется включать музыку, будто громкие звуки погасят искру,

что мечется между нами. Я хочу тишины и ее присутствия. Сейчас мне больше ничего не нужно. Никакой болтовни, никаких вопросов. Верона будто чувствует то же самое и молчит, только изредка я ловлю на себе изучающий взгляд ее голубых глаз.

Паркуюсь перед общежитием и поворачиваюсь к ней. Она не спешит выходить, не отворачивается, а смотрит прямо мне в глаза. Кажется, ее мнение обо мне изменилось, она смягчилась и вся светится.

Черт! Она со мной флиртует!

– Мне нужно ненадолго уехать из Москвы по делам... – начинаю я разговор и вижу, как она мрачнеет. Да, детка, мне тоже не хочется с тобой расставаться. – Насчет той ситуации... на вечеринке...

– Куда ты едешь? – прерывает она меня и нервно заламывает руки.

– Во Владивосток.

– Далеко. На сколько дней?

– Пока не знаю... так вот... по поводу той вечеринки не беспокойся. Все под контролем. Говори всем, что перебрала с выпивкой, и когда почувствовала себя плохо, сразу попросила подругу позвонить мне. Если будут спрашивать, кто я тебе, скажи – парень. Что встречаемся недавно и нас познакомил брат. Я все подтвержу. С Сальниковым на конфликт не иди. Мне нужно чтобы он думал, что ты не проблема, что от тебя в его сторону не дует ветер вражды и судебного иска. Поняла? – она точно ничего не поняла и я поясняю: – У меня на его счет другие планы.

Провожая ее до двери, и жду, пока она зайдет в свою комнату. Она резко разворачивается и тянется к моему лицу. Я разгадываю ее замысел и первым впиваюсь в ее мягкие мятные губы. Мы оба постанываем и жмемся друг к другу как школьники. Она-то ладно, а из меня еще тот герой-романтик!

Обхватываю ее за плечи. Мой язык вторгается в ее рот, и она широко распахивает глаза. Я понял, что так ее еще никто не целовал. Никогда не думал, что могу получить столько удовольствия от поцелуя. Меня снова окутывает ее запах волос и кожи. Он проникает в область мозолистого тела и порция дофамина разливается по телу.

Шлепаю ее по попе и говорю, чтобы пока меня не было вела себя прилично. Она хихикает и скрывается за дверью.

Сажусь в машину и трогаю губы. Черт, опять я это делаю! Изнутри меня распирает неукротимая энергия. Но беспокойство за Верону заставляет мозг снова включиться, и вот я уже набираю номер Кобры. Она отвечает после второго гудка, на фоне ее голоса слышу звуки ударов, она все еще в зале.

– «Совы» дали добро?

– Нет, – рывкаю я с раздражением. Далась ей эти бои! – Но у меня есть для тебя работенка. Если выполнишь, обещаю, замолвить за тебя словечко.

– Что за работенка?

– Видела сегодня мою подругу?

– А! Та сладенькая большеглазая Беби? Конечно...

Я морщусь, мне не нравится, когда так говорят о Вероне. Излагаю ей суть.

– Идет, – без размышлений соглашается она.

– Тогда пришли мне копию своего паспорта и завтра же приступай.

После минутного раздумья посылаю сообщение Курту:

Присмотри за Вероной. Уезжаю во Владик.

Он тут же звонит и орет в трубку:

– Что значит «присмотри»?! Какого хрена ты творишь, Руссо? Я думал, мы договорились?

– Я держу свое обещание!

– Разве? Как я понимаю, все это время ты пасся вокруг нее?

– Бро! Кругом полно уродов, в общаге она не в безопасности. На твоём месте я бы снял ей хату и держал на коротком поводке. Черт! Да она просто магнит для неприятностей.

– Да пошел ты! – кричит Курт и разъединяет связь.

– Урод! – кричу я в телефон, хотя знаю, что Курт меня уже не слышит.

Еду в гараж к Курту, чтобы поменять свой «Мустанг» на «Харлей». Я намерен расставить все точки над «i». После всего, что случилось за последние сутки, я понимаю, что не смогу держаться от Вероны в стороне. Курт должен знать, что произошло вчера с Вероной. Мне нужно сказать ему о своем плане, как

я намерен расквитаться с одноклассником его сестры и предупредить, чтобы не вмешивался.

Курта нет ни в гараже, ни в ангаре и я снова звоню ему на мобилу.

– Ты где? Я приехал в ангар. Надо поговорить.

– Да пошел ты! – слышу, как он тяжело дышит в трубку. – Я в больнице.

Акварин готовят к операции.

– Что?!

Что за хрень?! Они снова вместе? Меня это взбесило.

– У нее внематочная беременность.

– У-у-ух, ты ж черт! Жесть! Где ты? Бро! В какой больнице?

Он называет адрес, говорит, что ее привезли туда по «Скорой» из поликлиники, а я понимаю, что оперироваться там ни в коем случае нельзя.

– Курт! Я еду! Не допусти, чтобы ее резали! Ты меня понял? Будем ее перевозить в другую больничку!

– Здесь ее родня, я ничего не решаю, – растеряно бормочет Курт.

– Теперь решаешь! Пусть ничего не делают, пока я не приеду.

– Она уже в операционном блоке! Нас туда не пускают! – в голосе друга слышу панику.

– Я еду! – кричу я и седлаю «Харлей».

Вера

Прислоняюсь спиной к двери и закрываю глаза. Голова кружится, ноги не держат. На губах еще сохранился пряный вкус губ Руссо. Боже, кажется, я начинаю влюбляться!

– Вера? – на соседней кровати проснулась София.

– Да, это я. Извини, что так поздно. Давно ты заснула? – бросаю клатч на письменный стол и плюхаюсь на кровать.

София включает ночник на своей тумбочке. Я изо всех сил подавляю улыбку. Мое тело ноет от приятной неги, чувствую, как от удовольствия расширились глаза, щекошет кончик носа. Соседка смотрит на часы.

– Час назад, – она пытается по выражению моего лица определить мое настроение. – Ты в порядке? Анна провела со мной весь день. Уехала под вечер.

– Одна? – после случившегося на вечеринке я еще долго буду беспокоиться за своих подруг.

– Нет, за ней приехал парень.

– Это хорошо.

Я представила Анну в компании трезвой Софии, которая на протяжении всего дня забрасывает ее вопросами и внимательно следит за реакцией. Пьяная она мне нравится больше.

– Платье от «Prada»?! Выглядишь отпадно! Это твой парень тебе подарил?

Ее вопрос вернул меня на землю, романтическое настроение мгновенно испарилось, от обиды я прикусила губу. Она не ожидала такой реакции и запричитала:

– Прости, я не хотела тебя смутить. Просто хотела сказать, что у твоего парня неплохой вкус.

– Нет, это не его подарок, или... не знаю... все сложно... – процедила я сквозь зубы и, скрывшись за дверцей шкафа, начала переодеваться.

Только сейчас, увидев себя в новом нижнем белье, я вспомнила, что оставила на вешалке свои вещи в гостевом домике. Ну вот, теперь придется просить Галину Сергеевну привезти мои вещи. Когда рядом Руссо я совсем теряю голову. Его взгляды и прикосновения будоражат кровь, дыхание перехватывает, а мозг напрочь отключается.

Мы проболтали с Софией почти до утра. Произошедшее со мной на вечеринке подтолкнуло ее к откровениям. Оказывается, не отец, а ее отчим погиб в автокатастрофе и у следствия были подозрения, что авария была неслучайной. Отец бросил их с мамой, когда ей был всего год. Теперь у него другая семья и он не хочет общаться с дочерью от первого брака. София рассказала мне о неудачных романах, об измене последнего парня и предательстве подруги. Она, то плакала, то смеялась, а я не решалась ее прерывать. Поток откровений иссяк ближе к четырем часам, когда утренние лучи начали пробиваться сквозь кучерявые тучи, соседка мирно засопела и даже начала тихо похрапывать.

Пока я слушала Софию, мысли о Руссо отступили, но как только я закрыла глаза, меня накрыл поток воспоминаний оставленных в памяти ощущений. Я растянулась в улыбке и еще долго мысленно смаковала наш последний поцелуй. Его смело можно было назвать первым, все, что было до него, больше походило на чмокание. Завернувшись в одеяло, я повернулась к стенке и заставила себя, наконец-то, заснуть.

Глава четвертая

Вера

Первую пару я проспала – ни у меня, ни у Софии не сработал будильник, а может мы просто так дали храпака, что не слышали. Раньше мама частенько приходила в мою комнату, чтобы выключить будильник и всегда удивлялась моему крепкому сну.

Я наскоро приняла душ и еще с влажными волосами побежала к метро. От мысли, что сейчас увижу Игоря в Академии, ноги заплетались, я уже пожалела, что не надела балетки. Сегодня на мне был строгий серый костюм, синяя шелковая блузка и черные туфли-лодочки. Увидев Анну, я с облегчением выдохнула. Мы поздоровались и обнялись. Последние события нас еще больше сблизили. Игоря в аудитории пока не было и это тоже радовало. Анна проследила за моим взглядом и поведала мне шокирующую новость:

– Сальникова и его дружков вчера арестовали, – мои брови взметнулись от удивления. – С самого утра по Академии шныряют следователи и опрашивают всех свидетелей. Искали тебя...

– Меня будут допрашивать? – я выпучила глаза.

– Ну, пока это не допрос... они просто поговорят и все... со мной и другими из нашей группы уже говорили...

– И что ты им сказала?

– Руссо посоветовал мне не говорить о регипноле, я так и сделала. Это ведь только наши догадки.

– Он мне тоже это сказал, я не стала с ним спорить, но не думаю, что это правильно.

– Это правильно, Верона! Габриель того же мнения, – я подняла глаза на подругу, – Игоря все равно отмажут, а нам здесь еще учиться. Я не хочу иметь дело ни с ним, ни с его папашей.

– Если так, то почему Игоря арестовали?

– Потому что его родаки на отдыхе за границей. Но не сомневаюсь, что они уже летят в Москву. София сказала, что ректор их лично оповестил.

Мне очень хотелось поскорее забыть всю эту историю и сосредоточиться на учебе. Постепенно аудитория заполнялась студентами. Меня клонило ко сну и, зевая, я чуть челюсть себе не вывихнула. Я как раз разразилась очередным зевком, когда дверь с треском распахнулась и в аудиторию влетела уже знакомая мне брюнетка, та, что рассказывала мне про какой-то там удар. На ней был синий брючный костюм и белая блузка. От удивления я аж подпрыгнула. Она отыскала меня взглядом и подмигнула, будто близкой подруге.

– Да ладно! – не удержалась я от комментария.

– Кто это? – удивилась Анна. – Не поздновато ли ей учиться?

– Не знаю ее имени, но она знакомая Руссо.

– Понятно, – Анна скривилась в ухмылке. – Руссо решил за тобой приглядывать в Академии? Мило...

– Зачем? Это лишнее... – я машинально потянулась к телефону, но обнаружила, что из-за откровений Софии так и не поставила его ночью на зарядку.

– Он беспокоиться о тебе, – нежно проворковала Анна и закатила глаза.

– Не защищай его! – я надула губы.

– Надеюсь, ты его поблагодаришь, – Анна была при своем мнении, – может, внешне он и брутален, но вот внутри прячется ранимая душа.

Я не успела ничего ответить, в аудиторию вошел преподаватель и прекратил наши прения.

На четвертой паре меня попросили пройти в деканат. Мы с Анной переглянулись, она подбодрила меня, нежно похлопывая по руке.

В кабинете Галины Сергеевны меня ждали двое сотрудников полиции. Вид у них был раздраженный и измотанный. Мне задали несколько вопросов о том, где я проживала до поступления в институт, о семье и успеваемости. Это было

далеко не первое мое общение с полицией. Арест отца и похождения Сани в свое время добавили в копилку моего жизненного опыта допросы и присутствие на суде.

После общих вопросов следователи перешли к делу:

– Свидетели утверждают, что перед тем как вам стало плохо, вы танцевали с Игорем Сальниковым, это так?

Я кивнула.

– О чем вы говорили? – спрашивает тот, что помоложе.

Напрягаюсь, пытаюсь вспомнить. Вроде это было всего сутки назад, а столько уже воды утекло.

– Я рассказывала ему о своем парне, а он о своей бывшей девушке.

– И все?

– Да, он сначала вроде горел желанием общаться, но потом резко передумал и прервал танец.

Мужчина с седой челкой сверлит меня недоверчивым взглядом тот, что помоложе записывает.

– Сколько минут прошло после того как вы почувствовали себя плохо?

Я хмурю лоб, как же сложно вспомнить.

– Минут десять-пятнадцать.

– Сколько вы выпили за это время?

– Может, бокал коктейля, – произнесла я с неуверенностью.

– А до танца?

– Два-три... да, еще мы в машине выпили по маленькой бутылочке ликера...

– отвожу смущенный взгляд, сейчас я даже самой себе кажусь какой-то заправской алкоголичкой.

– Что потом?

– Мы пошли с подругой в ванную, там мне стало плохо, я попросила ее позвонить моему парню.

– Это из-за четырех бокалов пунша вам стало плохо? Там же почти не было алкоголя.

Меня бросает в жар, как же тут душно.

– Я не сильна в выпивке. Можно сказать, что это был мой второй опыт.

– Ваш парень... Аристарх Романов – сын декана?

Я кивнула.

– Что было потом, когда он приехал?

– Потом провал. Ничего не помню, – я пожала плечами, – очнулась утром уже в кровати.

– Где вы провели ночь?

– В доме Галины Сергеевны.

Наш разговор длился не больше получаса, но мне они показались вечностью.

– У нас есть подозрения, что вас накачали регипнолом, наркотиком для изнасилования, именно его нашли в крови вашей сокурсницы, а когда не получилось с вами, Сальников и его поделщики переключились на другую девушку.

Не знаю, что им сказать. Во рту пересохло. Язык еле ворочается.

– Как же они меня могли накачать и когда?

– Самый простой способ – подлить в выпивку.

Я не ответила. Тот, что постарше спросил:

– Сальников вам когда-нибудь угрожал?

– Нет, – замотала я головой.

– Одна из свидетельниц слышала, как он говорил, что не отпустит вас, – сказал тот же следователь.

– Когда мы с Анной шли в ванную, он подумал, что мы уходим и сказал, что не отпустит нас так рано. Это была не угроза, просто так говорят... ну... когда не хотят отпускать гостей.

Следователи переглянулись, мои показания и внешнее спокойствие, которое мне давалось с колоссальным усилием, им явно путали все карты.

– Вы беседовали с Игорем после того как вас увез ваш парень?

– Нет.

– А с его родителями?

– Конечно, нет! Я их не знаю!

По их лицам я поняла, что мои ответы их не убедили. Тот, что постарше вскочил на ноги и начал нервно расхаживать по кабинету.

– Вы понимаете, какой вред могут нанести ложные показания вашей пострадавшей сокурснице? Если вас действительно накачали регипнолом, то картина ясна как белый день. Но вы почему-то упорно не хотите говорить правду. Сколько вам посулили Сальниковы?

– Ничего мне никто не сулил! – взорвалась я и тут же себя осекла. Нельзя показывать эмоции.

– Тогда что они вам пообещали? Услугу за услугу?

Я хотела ответить, но другой следователь тоже перешел в наступление.

– А вы довольно предприимчивая девушка, Вера. Встречаетесь с сыном декана, а теперь покрываете сына префекта округа. Внешне ангелочек, а внутри холодный расчет.

Все внутри меня сжалось, тело покрылось липким потом. С их слов я выглядела расчетливой карьеристкой, готовой направо и налево оказывать услуги сынкам богатеньких родителей. Если так думали следователи, значит, так могли подумать и мои одноклассники, а это вводило меня в ступор. К горлу подступила тошнота, я еле сдерживалась, чтобы не сорваться и не убежать в туалет.

– С Аристархом меня познакомил мой брат – они друзья. В тот момент я даже не знала, что его мама декан моего факультета, как и он не знал, в какой институт я поступила. С Игорем у меня вообще нет никаких отношений, мы даже не друзья. Так что покрывать его мне нет никакого резона.

И снова я их не убедила. На меня смотрели две пары глаз, в которых читалось недоверие, разочарование и даже пренебрежение.

– Оставьте ваш номер телефона. На сегодня все, но у нас могут появиться еще вопросы, так что не уезжайте из города.

Из кабинета декана я выскочила вся в слезах и наткнулась в приемной на Галину Сергеевну, она явно удивилась, увидев меня в деканате.

– Вера, подожди, мне нужно отдать тебе вещи.

Ждать я не могла, на ходу извинилась и выскочила за дверь, словно спасалась от пожара. Сейчас мне не хотелось никого видеть. Я заскочила в туалет, оперлась руками о столешницу и нависла над раковиной, пытаюсь восстановить

дыхание. Не прошло и минуты, как дверь распахнулась, на пороге я увидела знакомую Руссо. В руках она держала пиджак от костюма.

– Привет, Беби, – она подошла к соседней раковине и помыла руки.

Я представила, как она меня называет так в группе и закатила глаза.

– Пожалуйста, называй меня Верона.

Она сделала вид, что не расслышала.

– Не хочешь чего-нибудь пожевать? У меня тачка на стоянке, можем доехать, куда скажешь.

Спрашивать ее, откуда она здесь взялась было бессмысленно и так понятно, что ее прислал Руссо. Все еще находясь под впечатлением от допроса, я молча разглядывала ее спортивную фигуру. Это женщина знала, как себя защитить, и уж точно не спасовала бы перед двумя следователями.

– Можем взять Ариэль.

– Кого?

– Твою розоволосую подругу, – она протянула мне руку, – кстати, меня зовут Кобра.

Это прозвище отлично отражало ее сущность – гибкая, опасная, жалящая, молниеносная. Из нашего последнего разговора я сделала вывод, что Кобра хорошо знала Руссо. А что если с ней подружиться и разузнать про него? Протягиваю ей руку, она стискивает мою ладонь так, что я невольно вскрикиваю.

– Прости, не рассчитала, – извиняется она, и первая выходит из туалета.

Я готова была поклясться, что она это сделала специально!

Через полчаса мы втроем уже сидели у окна в кафе и ждали заказ. Мы с Анной подробно рассказали Кobre о случившемся на вечеринке. Она жевала жвачку и сверлила меня изучающим взглядом.

– Лады, – наконец-то сказала она, – Руссо я понимаю, а вот тебя – нет. Какого хрена ты потащила на вечеринку с подругами, если у тебя есть парень?

Чувствую прилив гнева. Мало того, что Руссо нанял телохранительницу, так она еще, не зная меня, тычет моральными устоями. Прежде чем я нашлась что ответить, меня опередила Анна.

– У меня тоже есть парень, что с того? Не дышать же ему в спину всю оставшуюся жизнь!

– Лады, не артачься, я просто хочу понять, чем дышат сейчас герлы, – она все еще не сводит с меня глаз, игнорируя мою подругу.

– Такие вечеринки сближают, мы и так с Вероной как белые вороны, – сетует Анна.

– Ну не знаю, как Верона, но ты-то точно, – Кобра переводит взгляд на Анну и кривит рот в усмешке. – Беби, ты не заблудилась в лабиринте своей самооценки? Не наигралась в детстве с Барби?

Ни слова не говоря, Анна вскакивает и, сдернув пиджак и сумку со спинки стула, выбегает из кафе. Я бегу за ней следом.

– Анна, стой!

Она резко разворачивается и кричит:

– Не сейчас! Я хочу побыть одна!

Кажется, Кобра задела ее за живое, никогда я еще не видела подругу такой расстроенной и решительной. Несмотря на свой внешний облик, Анна – сама нежность. Решаю, что поговорю с ней позже, когда она немного остынет. Возвращаюсь за столик, бросаю на Кобру убийственный взгляд.

– Сорри, признаю: не сильна в общении с герлами. С Ариэль я все сама улажу. Надеюсь, ты не скажешь Руссо?

– Анна – моя единственная подруга и я не позволю тебе с ней так обращаться, – со злостью шиплю я.

– Беби, если бы взгляд мог убивать, я уже валялась на полу с дыркой между глаз, – смеется она, оголяет красивые ровные зубы.

– Ты невыносима, – смягчаюсь я и убираю руки на колени, пока официантка забирает со стола пустые тарелки.

– Ты вторая после сына, кто мне сегодня это говорит.

Она все еще улыбается, а я не хочу с ней ругаться. Ни на минуту я не забываю о своей миссии.

– У тебя есть сын?

Интересно, сколько же ей лет? На вид под тридцать, но мне кажется что меньше. Просто она не сильна в уходе за внешностью.

– Тохе десять и сегодня он идет на свое первое свидание.

Округляю глаза. Даже не пытаюсь скрыть своих эмоций.

– Да-да, знаю, никто не верит, что у меня за плечами десять лет брака и сын, я рано родила.

– Рано это во сколько?

– В семнадцать.

– О! – мои глаза округляются, а Кобра полна сюрпризов, учитывая ее мужиковатые манеры, я думала, что она еще не замужем. – А чем твой муж занимается?

Она помрачнела и я поняла, что наступила на большую мозоль, но откуда ж мне было знать. Мама не раз мне говорила, что я чемпион по болезненным вопросам.

– Если не хочешь, не говори, – быстро произнесла я и вцепилась в чашку с мятным чаем.

– Нет, я скажу. Ты моя клиентка и должна знать. Моего мужа посадили год назад по ложному обвинению.

– О! – по телу пробежал холодок.

Неприятные воспоминания унесли меня в зал суда во время вынесения приговора отцу.

– Знаю, все жены так говорят, когда их мужья попадают в тюрьму, и я не виню их, но в моем случае так и есть. Если ты захочешь, чтобы Руссо нанял кого-то другого, я пойму.

– Мой отец тоже сидит в тюрьме, – выпалила я, чтобы остановить ее словесный поток, – но моя мама не считает его невиновным. Наш случай совсем другой.

Не знаю почему, я рассказываю подробности семейной трагедии незнакомой мне женщине и чувствую, как вся эта история стала для меня чуточку менее болезненна.

– Прости, Беби, но я бы твоего отца придушила голыми руками. Ни один ребенок не заслуживает такого обращения. Я Тоху за все время пальцем не тронула, а поверь мне на слово, причин отшлепать было миллион.

– Верю, – улыбаюсь, вспоминая, как шлодили братья в детстве. – А твой муж?

– Муж? – Кобра улыбается. – Да он в нем души не чает! Балует по поводу и без...

После откровенного разговора я больше не злюсь на Кобру.

– Так как получилось, что твой муж сел в тюрьму?

– Вообще-то я не люблю поднимать эту тему, но раз ты сегодня мне открылась, надо ответить, а то типа невежливо, – она вымучила улыбку и я почувствовала, как тяжело ей берeditь прошлое.

Оказалось, что они с мужем владели фитнес-клубом и взяли крупный кредит на расширение бизнеса. Первые полгода все шло хорошо, они исправно выплачивали проценты. Но потом после очередного платежа, мужа вызвали в банк и предложили выкупить клуб. Он естественно отказался – в этот бизнес они вложили всю душу – и после этого на них посыпались неприятности, как из рога изобилия. Началось все с мелких пакостей, а закончилось тем, что в мужской раздевалке нашли труп владельца ближайшего от них фитнес-клуба, а улики подбросили в кабинет ее мужу.

– Так они убили двух зайцев одним выстрелом: убрали с дороги от моего мужа, проложив тем самым дорожку к беспрепятственному поглощению клуба, и избавились от ближайшего конкурента. Все знали, что его жена не справится с бизнесом. В итоге она продала клуб, вместо него теперь там торговый центр.

– Ничего себе... а ты? Не пыталась спасти свой бизнес?

– Конечно, пыталась, но все бестолку. Пока я была на очередном суде, в клуб ворвались коллекторы. Распустили персонал, перепугали всех клиентов. После такого уже невозможно подняться.

Аристарх

Я весь извелся. Телефон Вероны до сих пор выключен. Я звонил и звонил, оставил кучу смс, но ответа по-прежнему не было. То ли Курт добрался до сестренки и прочитал лекцию на тему: «Десять причин, почему нужно держаться от Руссо подальше», то ли я напортачил, а в чем конкретно сам не осознавал. В памяти всплыли парочка моментов, когда я на нее рявкал и злился. Но каждый раз мои воспоминания заканчивались последним поцелуем. Перед глазами мелькала

картинка, как Верона довольная и счастливая скрывается за дверью с широкой блаженной улыбочкой.

Пока такси мчалось по Ленинградке в Шереметьево, я нашел в инете онлайн-магазин художественных товаров и заказал для Вероны доставку всего, что связано с рисованием. Наверное, моя попытка загладить вину сделала им месячную выручку, так как мне тут же позвонил менеджер и дурацкими вопросами попытался выяснить, кто я и чем занимаюсь. Злость и раздражение сменились терпением, когда он подрихтовал заказ, утверждая, что я продублировал несколько позиций, а кое-что совершенно проигнорировал. Через полчаса я уже знал, какой бренд производит лучшие цветные карандаши и акварель. Поблагодарил менеджера за внимание и вежливо распрощался. Тьфу! Чего только не сделаешь, чтобы гнев Вероны сменился на милость.

Как только я закончил разговор, отправил очередное сообщение Вероне, но в ответ снова тишина. Сердце разрывалось на куски, я уже хотел развернуть такси и поехать в общагу, но в этот момент вышла на связь Кобра. Она сообщила, что Верона приехала в институт ко второй паре, и я вздохнул с облегчением. По крайней мере, она в порядке.

Боинг набрал высоту и табло «Пристегните ремни» погасло. Две бессонных ночи давали о себе знать. После полуночи я возился с переводом Аквамарин в другую больницу, потом ждал окончания операции. Но больше всего сил ушло на поддержания Курта, который чуть не стер подошвы на ботинках, расхаживая по больничному коридору взад-вперед. С его слов я понял, что он возвращаться к Аквамарин не собирается, но будет поддерживать ее, чем сможет. Интересно, что скажет на это сама Аквамарин, когда очнется от наркоза? Я мысленно поржал, она не из тех девиц, кто известие о расставании воспринимает с честью. Она будет рвать и метать, шантажировать и давить на чувство вины.

Веки налились тяжестью, будто на них навесили стокилограммовую гирю. Я закрыл глаза и тут же провалился в сон. Мне снилась обнаженная Верона, я гладил ее шелковистую кожу и нашептывал о своих чувствах. Проснулся со стояком и уловил сконфуженный вид соседки – старушки лет семидесяти, от которой пахло нафталином и еще чем-то старческим. Она изогнулась, как знак вопроса и старалась не опускать руку на подлокотник, разделяющий наши кресла.

Чем же я ее так напугал? Может что-то бормотал во сне? Я взглянул на экран телефона. Черт! Лететь еще четыре часа, а я уже вроде выспался.

– Романов, это ты?! – донесся до меня знакомый женский голос, и я повернул голову.

Через два ряда кресел на меня смотрели удивленные глаза моей одноклассницы. В следующий миг она уже пробивалась ко мне, сметая на пути стюардессу с тележкой. Все лучше, чем лететь с напуганной моими эротическими фантазиями бабулей.

К концу полета я уже знал о каждом однокласснике всю подноготную, кем работают, на ком женились. Мы вспомнили все курьезные школьные случаи. Светку в школе называли Зажигалкой. Стоило ей появиться в классе, как всех захватывала лавина смешных историй, в которые она постоянно вляпывалась и у меня было подозрение, что она с лихвой их утрировала, впрочем, как и сейчас. От ржача у меня болят щеки, а Светка все зажигает.

– ...и вот сижу я за стойкой рецепции, а меня просто распирает по большому, – рассказывает Светка очередную ситуевину из ее офисной жизни. – А подменить меня некому. Что делать? Как назло звонки не прекращаются, просто шквал, один за другим. Всем что-то надо... Я бегу в туалет, на голове телефонная гарнитура, закрываюсь в кабинке и молю бога, чтобы никто не позвонил. Но не тут-то было, только я напряглась, как прорывается очередной звонок, и не простой такой звоночек про доставку воды или бумаги, а просят шефа. Я отвечаю, что соединяю, в этот момент из меня все выходит, да с таким эхом, что сомнений быть не может, где я и что делаю.

Давлюсь от смеха. Светка продолжает:

– Я в краску от стыда, а на том конце такой спокойный мужской голос вещает: «Видимо соединение сбросили, что ж я перезвоню позже».

– Бедный мужик, как я ему сочувствую, – я ржу и тру щеки.

– Ничего не бедный. С деньгами как позже выяснилось у него все нормально. Мы потом познакомились, а через год я вышла за него замуж.

– Фу, не знал, что тебе нравятся копрофилы.

– Бр-р-р-р, никакой он там не тот, кто ты сказал, – машет она на меня обеими руками, – просто при виде его я каждый раз краснела и пряталась за

стойку. В итоге он сказал, что пора об этом забыть и пригласил меня на свидание, после этого все покатило и поехало.

– Скрытый копрофил, – уточнил я диагноз.

– Ты только что оскорбил моего мужа! – Светка наиграно злится, и упирает кулаки в тощие бока.

– А ты не рассказывай мне дурацких историй, – огрызаюсь я и давлюсь от брезгливости.

Чувствую, как начинаю заводиться. Только что я ржал, а теперь снова готов рвать и метать. Злость перекрывает дыхание. Черт! Я с ума сойду, если по прилету не услышу голос Вероны. Даю себе красный свет. Впереди важное дело. Нужно остыть.

– Расскажи лучше, где ты сейчас работаешь... – выбрасываю я белый флаг перемирия.

Она рассказывает что-то о стоматологической клинике, которой управляет ее муж. Говорит, что уже не работает пару лет после рождения дочери. Показывает мне семейные фото, на этом моменте я отключился и уже ничего не слушал. Перед глазами стояла Верона. Голову сломал догадками, почему она не отвечала на мои сообщения и звонки. Кобра сказала, что она пропустила первую пару. Почему? Может что-то случилось?

– Ты не слушаешь, – упрекает меня Светка. – Летаешь где-то в облаках! Ау! О чем думаешь?

– Об облаках, – показываю в сторону иллюминатора.

Мне надоела трескатня одноклассницы, я уже не знал, как от нее избавиться. Положение спасает бабуля, заявляя, что отказывается сидеть на прежнем месте Светки рядом с малолетним дитем. Стгоня одноклассницу с кресла, бабуля игриво мне подмигнула, от чего ком брезгливости снова подкатил к горлу. Час от часу не легче! Сегодня точно не мой день!

Вера

Приезжаю в общежитие и наконец-то ставлю телефон на зарядку. Софии еще нет. Оповещения буквально сыпятся на телефон и я застываю у стола, глядя

на экран телефона. Нудный повторяющийся с разными интервалами сигнал заставляет меня думать о самом плохом. Тревога начинает нарастать по мере поступления сообщений. После двенадцатого сигнала я сбиваюсь со счета. Боже! Что-то случилось! Первая мысль была о маме, потом о Пашке, потом о Сане. Когда телефон замолчал, я открыла список оповещений и вздохнула с облегчением, только одно от Сани, а все остальные сообщения от Руссо. Просто какая-то бомбардировка смсками. Что это с ним? В начале списка были вполне спокойные и безобидные сообщения:

Не могу заснуть. Думаю о тебе...

У тебя сладкие губы.

Далее следовали куча разных смайликов и забавных картинок. По мере моего молчания, сообщения наполнялись тревогой.

Пожалуйста, ответь, просто скажи, что с тобой все в порядке.

Я волнуюсь, Верона!

Почему не отвечаешь? Я чем-то тебя обидел?

А это сообщение он уже отправил утром.

Еду в аэропорт, мне нужно услышать твой голос.

Позвони Курту! Ему нужна сейчас твоя поддержка!

Черт! Верона! Это не смешно!

Плюхаюсь на стул без сил и продолжаю читать сообщения.

Ты злишься на меня? Скажи, что не так? Потому что сам я не ВРУБАЮСЬ!!!

Ты злишься из-за Кобры? Но так надо! Я потом все объясню!

Пожалуйста! Ответь!

Далее зеленые от гнева и взрывающиеся рожицы.

Ты смерти моей хочешь?!

Сажусь в самолет! Лучше бы тебе ответить, иначе я за себя не ручаюсь!

Уф! Выдыхаю и растягиваюсь на кровати. В голове просто взрыв от такого напора эмоций. Что он скажет, когда узнает, что я просто забыла зарядить телефон? Звоню ему, абонент недоступен. Видимо, он еще не прилетел.

Пишу сообщение и объясняю причину своего молчания. Затем звоню Сане и узнаю про Аквамарин. Выражаю ему сочувствие.

– Мне приехать?

– Не надо. Всю прошлую ночь мы с Руссо не спали. Хочу сегодня отоспаться. Завтра утром мне нужно вернуться в больницу. Аквамарин будут переводить из реанимации в отделение.

– Руссо был с тобой всю ночь?

– Да, помогал с врачами и медикаментами, – отвечает Саня, в его голосе я уже слышу настороженность. Ох, почему я не удержалась от вопроса? – Надеюсь, ты меня хорошо расслышала в прошлый раз?

Ну вот, та же песня... Отвечаю, что поняла его отлично, но это моя жизнь и за мной последнее слово. Вкладываю в свой голос решимость и настойчивость, чтобы раз и навсегда закрыть эту тему.

– Верона! Когда он разобьет тебе сердце, а он обязательно это сделает, даже не сомневайся, не приходи ко мне плакаться! Ты меня поняла?

Не дожидаясь моего ответа, он прерывает связь, и я чувствую себя выжитой как лимон. Не хватало, чтобы из-за Руссо мы с братом снова отделились.

Дверь распахивается, на пороге вижу Софию, вид у нее довольный и немного заговорческий.

– Что это ты такая радостная?

Она скидывает блейзер и плюхается на свою кровать.

– Уговорила маму снять мне квартиру, но одной мне будет скучно. Не хочешь присоединиться?

К такому предложению я была не готова и застыла в недоумении.

– А чем тебе не нравится общежитие?

– Издеваешься? Общий туалет? Моешься, и все видят твои ноги! А про чистоту унитазов я вообще молчу. Если взять соскоб, то, наверное, обнаружатся все разновидности вирусов. Нет, моей ноги здесь больше не будет.

София из другого мира и ей невдомек в каких отвратительных условиях могут жить люди. Например, мне на протяжении всей жизни и зимой и летом приходилось пользоваться уличным туалетом. А когда мы, наконец-то, пристроили ванную и провели канализацию, я уехала в Москву.

– Ты же знаешь, я не могу принять твое предложение, – хмурюсь я, – у меня нет денег, чтобы платить за квартиру.

– И не надо! Платить будет моя мама, с тебя ничего не требуется, просто будь рядом. Я все продумала! – ее глаза горят огнем. – Нужно снять трехкомнатную, чтобы у каждой была своя спальня. А гостиная и кухня были общими. Твой парень сможет оставаться на ночь в твоей комнате, если захочешь. Убираться в общих комнатах будем по-очереди. Установим график, как здесь в общежитии. Ну, что скажешь?

Я знаю, как будет убираться София, мне уже несколько раз приходилось с ней выяснять по этому поводу отношения. Она просто игнорирует этот факт и даже не удосуживается выбросить из корзины мусор. К тому же мне совсем не хочется жить за счет других, малознакомых мне людей. Сегодня у Софии хорошее настроение и все будет замечательно, а завтра мы поссоримся из-за какой-то глупости, и мне придется съехать. Нет, мне это не подходит. Я мотаю головой.

– Нет, София, спасибо, конечно, но я пас.

Она фыркает и с пренебрежением бросает:

– Ну и ладно. Подумаешь... велика потеря... предложу Ирке из моей группы.

Соседка обиженно надувает губы, а я так и не нашлась, что сказать, чтобы развеять внезапную размолвку.

Утром София проигнорировала мое приветствие. Сначала я подумала, что она не расслышала. Но позже я предложила ей поехать в институт вместе, а в ответ снова тишина. Обида приняла новый формат, теперь она решила меня игнорировать. Ну что ж, навязываться я не буду, тем более что совсем не чувствую за собой вины. Перепады ее настроения меня уже достали. Позавчера она обрушила на меня историю всей жизни, а сегодня не разговаривает.

В аудитории Анна встретила меня сдержанной улыбкой. Боже, только не это! Ну что за день? Сплошное разочарование!

– Как дела? – начала я издалека.

– Так себе, – буркнула она и уткнулась в записи лекций, делая вид, что читает.

– Ты все еще сердишься?

– На тебя? Нет, ты тут совершенно ни при чем, – успокоила она меня.

– На Кобру?

– Нет, с ней мы вчера поговорили, она извинилась.

– Правда? – удивилась я. Кобра сказала, что она все уладит, но я не ожидала что так быстро. – Тогда в чем дело?

– Давай поговорим после занятий, – предложила Анна, показывая в сторону входящего в аудиторию преподавателя.

Я кивнула, видимо, разговор предстоял серьезный и обстоятельный, если Анна не смогла объяснить причину мрачного настроения в двух словах.

Лекцию я совсем не слушала, в голове царил кавардак. Мысли словно дикие скакуны неслись по прериям гипотез. О чем Анна хотела со мной поговорить? В последнее время она меньше улыбается, но у нас начались основные предметы и всем сейчас не до смеха. С Габриелем у них все в порядке. Может, какие-то проблемы со здоровьем? Затем мысли переключились на Руссо. Как мне вести себя с ним? Официально мы не встречаемся, но когда видимся, ведем себя так, словно мы пара. Мне хочется быть с ним чаще, но что если он действительно парень Кати? Хотя это навряд ли, Саня сказал, что Руссо ни с кем не встречается. Разговор с женщинами у него только о сексе, а когда он добивается своего, тут же их бросает. Но со мной он не вел таких разговоров. Только спросил, был ли у меня мужчина? В памяти всплывает перекошенное лицо Руссо, когда его предположения подтвердились. Я все еще на него злюсь из-за этого. Нет, нам точно не по пути. Я хочу выйти замуж невинной. Не собираюсь прыгать из койки в койку, пока не встречу того самого, с которым захочу провести остаток жизни.

Мы сидели в институтской столовой и заканчивали обед, когда Анна сама вернулась к прерванному разговору.

– Я живу чужой жизнью, – заявила она и подняла на меня заплаканные глаза. – Это стало меня сильно тяготить.

Я чуть не выронила стакан сока и уставилась на нее непонимающим взглядом.

– Ты о чем?

– Я люблю Габа, но не разделяю его убеждений. Когда мы познакомились, то вся эта его склонность к темному восприятию мира, любовь к декадансу и пристрастие ко всему мистическому меня забавляла и даже на какое-то время увлекла. Но сейчас мне это не нужно...

– Ты говорила с Габриелем?

– Да, и не раз... но он только улыбается и пробует что-то новое. Неделю назад была готическая вечеринка. Он купил кожаный ошейник на длинной цепи и попросил надеть. Я думала он поприкалывается и забудет. Так было уже не раз. Но нет... всю вечеринку он запрещал мне его снимать. А на следующий день, как только я вернулась из института, он показал мне на него пальцем... знаешь, так с пафосом, будто он мой господин... приказал надеть и не снимать...

– Какой ужас, – теперь я поняла, почему Анна всю прошлую неделю ходила с платком на шее.

После того как подруга сказала, что ее парень гот, я покопалась в сети и узнала немного больше об этой субкультуре и честно говоря не была удивлена ее рассказом.

– Верона, я люблю его, но нам придется расстаться... он меня не слышит... а теперь еще и пугает...

Я пересела на соседний с ней стул, приобняла подругу и стала успокаивать, но чем больше пыталась, тем откровеннее становилась ее исповедь.

– Хочу в корне поменять свою жизнь. Слова Кобры словно вбили последний гвоздь в крышку гроба моих сомнений. Я вдруг поняла, что не могу больше оттягивать. Больше не хочу быть трусихой. Мне нужно уйти от него... как только в общежитие освободится место...

Ой! Я так быстро заморгала, что она вытерла слезы и воззрилась на меня с интересом. Я рассказала про вчерашний разговор с Софией, Анна сразу изменилась в лице.

– Ты шутишь?

– Нет, какой там! Софа не разговаривает со мной с самого утра.

– Как думаешь, она серьезно настроена? Или это просто временное помешательство?

– Думаю, очень серьезно.

Анна посчитала эту новость знаком судьбы, если до этого момента в ней все же чувствовалось сомнение, то теперь оно улетучилось как порывистый ветер.

– Сообщи мне, как только она съедет, а я пока оставляю заявку на место в общежитии.

Мы прошли в библиотеку и начали готовиться к реферату. Завтра я должна выйти на работу в бутик, мне хочется послать сообщение Кате, что плохо себя чувствую и не приду. Я никогда еще никому не врала, но уговариваю себя тем, что в принципе так и есть. Я себя отвратительно чувствую, работать в таком настроении с клиентами нельзя. Почему я не хочу идти на работу? Отчасти из-за Анны, отчасти из-за того, что между Руссо и Катей было что-то в прошлом, а может, есть и сейчас. А так же из-за того, что он попросил ее привезти мне вещи и разговор с ней на эту тему был неминуем. Но пока я была к нему не готова...

Я уже потянулась к телефону, когда вспомнила про крупный заказ, который нужно было переделать и доставить до пятницы. Никто не сможет разобраться в моих записях и нюансах переделки. Нет, нужно отставить все сомнения, пересилить себя и пойти на работу.

Аристарх

Первое открытие, которое я сделал для себя во Владике, это отсутствие пятизвездочных отелей. Хрень какая-то! Заселился в люксовый номер в отеле «Hyundai» четыре звезды и сразу полез в душ, чтобы смыть с себя дорожную грязь. Десять часов полета дались нелегко. Приятным удивлением оказался японский унитаз со всякими наворотами – ух и наигрался я с дистанционным управлением. Я уже видел такой в одном из отелей Нью-Йорка, и у меня промелькнула мысль установить точно такую же модель дома.

Телефон в номере разрывается уже в третий раз. Какого хрена? Кому я понадобился? Отель я забронировал по прилету в аэропорту и еще никому не сообщал, куда опущу свою пятую точку. Выхожу голый и мокрый из душа и беру трубку.

– Слушаю!

Женский голос с претензией на сексуальность предлагает мне девочку на ночь. Охренеть! Да вы что сговорились?! Рывкаю: «Не заинтересован» и бросаю трубку. В голове машинально производится подсчет, если не считать зажатой в туалете чиксы в клубе, сегодня двадцать первый день моего воздержания! Такого перерыва в моей жизни еще не было! Жесть!

Я все еще зол на Верону и мне нужно выпустить пар. Разрядился телефон? Она издевается?! Я чуть умом не тронулся, а у нее, оказывается, разрядился телефон! Если бы не дело, которым мне нужно было заняться прямо сейчас, я бы разгромил номер. Не знаю, на что я злюсь больше, на ее невнимательность или на то, что по ее вине мне приходится воздерживаться от секса. Наверное, и то и другое вместе. Но больше, конечно, из-за секса. Хотя она меня об этом не просила, но у меня ощущение, что если я еще кого-то трахну, то потеряю ее навсегда.

Злой и готовый сорваться на любого кто хоть искоса не меня глянет, я вышел из отеля и побрел к стоянке такси. Первым делом мне нужно арендовать тачку и я еду в салон, где меня настигает очередная неожиданность – все тачки «японки» с правым рулем. Спрашиваю, нет ли с левым рулем, менеджер покачивает головой и с улыбкой говорит, что хороший руль левым не назовут.

Далее держу путь в качалку, где тренируется боец Морской Дьявол, за которым я прилетел. Город стоит, машин больше чем людей и я уже жалею, что не пошел пешком, хотя на деле это оказалось небезопасно. Для перехода улицы пешеходу дается не больше пятнадцати секунд, а толпа скапливается на перекрестках приличная. Машины судорожно гудят, народ буквально бросается под колеса.

Внешне Владивосток очень похож на Стамбул – холмы, заливы, через которые перекинуты внушительных размеров мосты. Порты, бухты, проливы, да и многое другое. Только в городе витает дух не арабского востока, здесь на каждом шагу чувствуется китайское и японское влияние.

Я угрохал пару часов и пятьсот баксов, чтобы узнать информацию о бойце и понял, что есть шанс его вытащить в Москву. Оказалось, что вся его крутизна исчезала, когда речь заходила о его девушке, и я решил действовать через нее. Нахожу ее в социальных сетях и вижу в фейсбуке, что она полчаса назад

зачекинилась в одном из самых дорогих ресторанов Владика. Гоню туда и нахожу ее среди скопища блондинок. Дожидаюсь за стойкой бара, когда она выйдет в туалет и бреду за ней.

Цыпа оказалась не из пугливых, не шарахается и не визжит. Мой тон деловой, представляюсь и протягиваю визитку. Прошу уделить мне полчаса, она обдает меня ледяным оценивающим взглядом и соглашается. Садимся в баре, я выкладываю все как на духу. С ней я попадаю в десятку. Она давно мечтает вырваться в столицу, но местный тренер утверждает, что ее парень и здесь сделает неплохую карьеру. Я не сулю ей горы бабла, говорю, что удачу нужно хватать за хвост, а если не получится, то они всегда смогут вернуться во Владик и завершить начатое. Она обещает поговорить с парнем и дать ответ.

Уже немного успокоенный еду обратно в отель. Мои мысли снова возвращаются к Вероне. От думок у меня скоро съедет крыша. Похоже, что фарфоровая кукла меня крепко зацепила. Я зол. Я очень зол! Мне хочется вернуться к старой жизни, где все было по накату, как хорошо отлаженный механизм.

Поднимаюсь в номер и хожу по комнате как загнанный зверь. Внутри все клокочет. Мне хочется расколошматить мебель, сколько бы эта рухлядь не стоила. Бью кулаком по стене, потом пинаю ногой. Ярость вот-вот выплеснется наружу. Мне нужно выпустить пар и отрахать сейчас какую-нибудь телку до потери пульса. Я уже жалею, что уехал из ресторана и хватаюсь за электронный пропуск, но тут взгляд останавливается на гостиничном телефоне. Плюхаюсь без сил в кресло и стону как подбитый боец. Набираю номер рецепции.

– Администратор Мария, добрый вечер, – слышится женский голос, но это не тот голос, который так настойчиво предлагал мне секс.

Я решил напиться, но спускаться в бар не стал, так как боялся, что начну дебоширить и попаду к фараонам. Заказать выпивку в номер? Рот запечатали, будто гробницу Тутанхамона. В горле пересохло, я ведь зарекся больше не пить, но сейчас идет выбор: выпивка или секс? После короткой битвы бухло победило.

– Это из номера четыреста восемь, попросите бармена принести мне бутылку скотча.

– У вас есть предпочтения?

– самого дорогого, – рывкаю я.

Да, напиться, это для меня не самое лучшее решение. Я не пью больше двух лет. В состоянии опьянения я могу наделать глупостей, а сейчас это еще рискованнее, потому что рядом нет ни друзей, ни партнеров, кто смог бы меня в нужный момент вразумить.

Через десять минут стук в дверь, открываю и вижу официанта из ресторана, забираю бутылку скотча и прошу принести мне меню. Пожрать все же не мешает. Он исчезает, а я иду за стаканом в гостиную. Разрывается мой мобильник, отвечаю на звонок, не глядя на экран, слышу голос и замираю на месте. Верона!

Все поплыло перед глазами, я отставляю бутылку, больше она мне не нужна, плюхаюсь на кровать, меня уносит водоворот ее щебетания. Проклятье! Ее не было рядом всего сутки, что будет, если она совсем исчезнет из моей жизни? Нет! Я этого не допущу! Этого не будет! И не завидую тем, кто встанет на моем пути!

Вера

Утром меня разбудил стук в дверь. Я открыла глаза и огляделась. Первой пары у моей группы сегодня не было, и я решила поспать подольше. София уже ушла в Академию. Вспоминаю, как она нарочно громко шуршала пакетами. Она все еще со мной не разговаривала.

Стук повторился.

– Иду-иду, – откликнулась я и накинула на пижаму халат.

Открываю дверь, передо мной стоит курьер в красно-желтой спецовке. На бейсболке логотип сетевого художественного магазина.

– Доставка для Веры Павловой.

– Это я, но я ничего не заказывала, – мой взгляд был прикован к большой коробке, которую курьер еле поднял, когда заносил в комнату.

– Заказ оформлен на Аристарха Романова, доставка на ваше имя.

Теперь понятно! Руссо!

– Распишитесь здесь и здесь, – курьер показал на графы, помеченные галочкой и я дважды ставлю подпись.

Когда он, пожелав приятного дня, ушел, я открыла коробку и ахнула. Красотища! Карандаши, альбомы, акварельная бумага, ластики, краски, складной мольберт, пособия по рисованию и всякие мелочи, которые были запакованы в один пакет. От восторга меня распирало во все стороны. Почему-то этот подарок я оценила выше, чем красное платье от «Prada» и даже не собиралась спрашивать, сколько все это стоит!

Сначала я хотела отправить Руссо сообщение, но потом решила, что хочу услышать его голос и потянулась к телефону. Он взял трубку после третьего гудка. Голос недовольный, я сразу почувствовала, что он злится. Вот дурачок! Я ведь ничего такого не сделала!

– Слушаю... – сухо бросает он, по издаваемым звукам я понимаю, что он снимает кожаную куртку.

– Руссо, – мой голос звучит нежно, пусть успокоится. – Я получила посылку, меня чуть инфаркт не хватил, – я хихикнула, наверное, он определит по голосу, как меня распирает от счастья. – Ты скупил весь художественный магазин?

– Нет, там еще оставались наклейки и детские рюкзаки, я подумал, что они тебе ни к чему, – его тон смягчается, слышу, как он бросается на кровать и облегченно выдыхает. – Я видел, как ты рисуешь и хотел, чтобы это было не на клочке бумаги и выдавшим виды карандашом.

– Спасибо! Чмок! Это я целую тебя в щеку.

– В щеку? Ты смеешься? За такой подарок я ждал большего, – теперь он улыбается.

– Ладно, – мурлычу я от удовольствия, – будет тебе больше, когда вернешься.

– Правда? Я прямо сейчас уже еду в аэропорт! – шутит он, но чувствую, что попроси я это сделать и он действительно поедет.

– Это хорошо, что ты уехал, – воркую я, – разлука позволяет оценить значение того или иного человека в твоей жизни.

О, боже! Какая банальность! Откуда я это выкопала? Из какой-нибудь статьи в журнале?

– И как ты оцениваешь меня?

Опля! Хотела спросить про *его* отношения ко мне, но он лихо все перевернул.

– Уф! Ты самый сложный и непредсказуемый человек, которого я когда-либо встречала.

– Вот как?!

– Да! То ты холодный как лед, то пылаешь так, что кажется, сейчас растопишь все льды Антарктиды.

Чувствую, как горят мои щеки, смотрю на коробку, которая буквально заняла весь проход между кроватями. Представляю лицо Софии, когда она откроет дверь. Нужно еще до ее прихода разложить все содержимое коробки по пустым полкам моего шкафа для одежды.

– Я не настолько амбициозен, детка, для меня достаточно растопить лишь твое сердечко.

Я ахаю, ноги подкашиваются, без сил плюхаюсь на кровать и закрываю глаза. Идиотская улыбочка растягивается на все лицо. О, боже! Теперь я понимаю выражение «бабочки в животе».

– Ты на верном пути, – мурлычу я, как мартовская кошка.

Не перестаю удивляться какая же я с ним смелая! Только вчера я была уверена, что не поддамся его чарам, а сейчас, забыв обо всем на свете, болтаю с ним так, словно он мой парень. Руссо действует на меня как воздух на огонь: распяляет и кружит, отсекая сомнения и внутреннюю неуверенность.

– Рад это слышать, – он усмехается, но голос тут же меняется, словно он что-то вспомнил, – но ты меня очень сильно испугала, а потом разозлила.

– Понимаю, я бы тоже злилась, если бы хотела поделиться с тобой чем-то сокровенным, а ты бы не отвечал.

– Нет, детка, ты пока не понимаешь, мы в разных весовых категориях, но надеюсь, когда-нибудь поймешь.

– Что ты имеешь в виду, говоря о весовых категориях?

– Ты не знаешь, что такое любить и терять, а я знаю... это очень больно. Так вот... я подумал, что потерял тебя.

Мне хочется спросить: «Так ты любишь меня?», но я замолкаю. Такой разговор стоит начинать, глядя в глаза. Впервые мне стало страшно, эти отношения могут завести меня далеко, очень далеко, до самого края, откуда уже не будет возврата в свое мирное беззаботное прошлое.

– Не молчи, детка, поговори со мной. Излечи мои страхи... – его голос дрогнул, внутри меня все перевернулось.

– О чем говорить?

– О чем угодно, детка, только не молчи, – хрипит он и к моему горлу подкатывает комок.

Похоже он для меня значит гораздо больше чем я думала, любые перепады его настроения не оставляют меня равнодушной. Мне хочется расплакаться и сказать, как сильно я хочу, чтобы сейчас он вошел в мою комнату и поцеловал, но сдерживаюсь. Начинаю рассказывать о Софии, о ее навязчивой идее переехать на квартиру. О том, что она меня звала с собой, но я отказалась. Он молчит, не комментирует, от этого я ощущаю легкую тревогу. Затем переключаюсь на Анну и на проблемы, которые она испытывает в отношениях со своим парнем. Теперь он весь во внимании, я слышу, как он пыхтит и ухает, словно полуночная сова.

– Соединить два разных мира в один – это самое сложное в отношениях, – я понимаю, что он намекает на нас.

Наш разговор придает мне бодрости, я начинаю раскладывать упаковки с красками и карандашами по полкам. Неприятных тем – происшествие на вечеринке, Катя и нанятая телохранительница – я избегаю. Сегодня нам нужно обойти все острые углы, иначе порвется та тонкая ниточка, что связала нас сутки назад. А я этого очень не хочу. Я хочу, чтобы Руссо был рядом. Сердитый и как сказала Анна влюбленный. Сосредоточенный, от чего между бровями образуется две параллельных складочки и нежный. Так хочется все это ему сказать, но я к этому еще не готова. Может, скажу, когда он вернется в Москву?

Его короткие комментарии все тише и реже, похоже, он засыпает. Я улыбаюсь и желаю ему спокойной ночи. Он шепчет что-то, но слов не разобрать и прощается.

Я смотрю на часы, за разговором я пропустила вторую пару. Пока мы говорили на телефон пришли три сообщения от Кобры и два от Анны. Сначала набираю телефон Кобры, нужно ее успокоить, а то она примчится и поднимет общежитие на уши. Говорю ей, что я сегодня не приду в Академию. Затем звоню Анне, ее настроение ниже плинтуса, я предлагаю ей пропустить следующие пары и пойти со мной в торговый центр. Анна одобряет мой план, и я начинаю собираться.

Вымотанные бесконечными примерками и бесцельным шатанием от витрины к витрине мы с Анной ввалились в общежитие и поднялись в мою комнату. Подруга предложила побыть буфером между мной и Софией, чтобы уладить конфликт. Ни мне, ни Анне не хотелось терять связь с моей соседкой. Она нам нравилась, хотя была капризулей и имела массу недостатков.

София лежала на своей кровати и просматривала фото друзей в Инстаграм. Рот то и дело кривился от насмешливых улыбок. Наше появление она проигнорировала. Анна решила с ходу разрядить обстановку, плюхнулась на ее кровать и начала показывать свои обновки. Минуту София не реагировала, но Анна делала вид, что не замечает ее настроения и продолжала трещать про новые коллекции и нелепые витрины. На мое удивление София включилась в разговор и начала отвечать то ухмылками, то короткими репликами.

Анна подмигнула мне и пересела на мою кровать.

– Давай, показывай подарок Руссо, – подруга толкает меня в бок, я все уши прожужжала ей про содержимое утренней посылки.

Открываю дверцу шкафа, Анна присвистывает. Полки под завязку забиты художественными товарами. Я показываю то, что произвело на меня наибольшее впечатление. Будто по команде мы размещаемся за столом и начинаем пробовать карандаши и краски. Незаметно для самих себя мы увлекаемся, и каждая рисует то, что отражает ее нынешнее настроение. К нам подтягивается София и вот мы уже в три руки чиркаем по альбомной бумаге.

Через полчаса у Софии урчит живот, она хватается телефон и оформляет заказ на пиццу.

– Какую вам заказывать?

– Мне «Нью-Йорк», – тут же отзывается Анна.

– А тебе, Верона? – спрашивает София уже без тени обиды.

– «Пепперони», – отзываюсь я и лезу в сумку за деньгами, – сколько я тебе должна?

С Софией происходит мгновенная трансформация в злоку Беллатриссу Лейстрендж. Такие же гневные глаза и взлохмаченные кудряшки. С перекошенным от злости лицом, соседка вырывает мою сумку, бросает к двери и кричит:

– Еще раз так сделаешь, я оторву тебе руки и выкину их в окно!

Я замираю, хлопаю ресницами и не могу понять причину такой вспышки.

София со злостью, и ничуть не стесняясь, скидывает с себя одежду, натягивает шелковый халат, хватая полотенце и вылетает из комнаты. По пути ей попадается моя сумка, она пинает ее, затем хлопает дверью с такой силой, что у дверного косяка отваливается штукатурка. Топот ее ног еще долго резонирует от стен коридора.

– Что это с ней? – я все еще не могу пошевелиться.

– Кажется, я поняла, – кивает Анна и выходит вслед за Софией.

С минуту я сидела как вкопанная, затем бросилась за подругами. Я подошла к душевым и обнаружила, что дверь приоткрыта, а девчонки стоят прямо у раковин. Если бы они повернулись, то непременно бы меня увидели, но они были так заняты разговором, что им это и в голову не пришло.

– Она всегда так делает! – жалуется Софа, с издевкой изображая мою манеру разговора: – Сколько я тебе должна? Ой, я не могу себе это позволить! Сколько это стоит? Ты с ума сошла?!

– Надо было ей сказать... ты же знаешь, что у наших семей разные возможности, – Анна обнимает ее за плечи.

Анна, более внимательная к людям, чем я. Она сразу поняла, в чем дело, а я даже сейчас не понимаю.

– Она ведь столько дерьма от меня вытерпела я, что не могу купить ей пиццу?

– Конечно, можешь. Просто надо было сказать... она же не умеет читать твои мысли.

– Но с тобой у меня нет таких проблем! – выпалила Софа и зыркнула на Анну гневным взглядом.

– Я уже пообтесалась за год в Москве, а она нет.

Софа всхлипнула, но промолчала.

– У нас было время с Габом, когда мы на ужин делили одно яйцо. Так что теперь я с легкостью соглашаюсь поужинать за чей-то счет, – шутливо произносит Анна.

– Как это... одно яйцо? – в глазах Софии стоит неподдельный ужас.

– Для студентов это обычное дело.

– Как это? На улице двадцать первый век никто не должен голодать!

Похоже, Анна только что открыла Софии глаза на реальность. Еле слышно я прошлепала обратно в нашу комнату и плюхнулась на кровать. Свою сумку намерено не убираю с пола.

Подруги вернулись через полчаса. У Софы влажные волосы после душа. При виде моей сумки и отвалившейся штукатурки она опешила. Видимо, сама удивилась такой вспышке ярости. Анна начала было собирать самые крупные куски, но Софа сказала, что сама все уберет и, схватив савок и щетку, начала сметать мусор. Она аккуратно подняла мою сумку и положила на кровать.

– Извини, Верона, я куплю тебе новую.

Я хотела ответить, что не нуждаюсь в ее подачках, но Анна метнула в меня упреждающий взгляд и я промолчала. Ничего себе, я что еще и виновата оказалась?

– Софа тебе хочет кое-что сказать, только не говори сразу «нет», просто подумай, – взгляд Анны красноречивее слов и я киваю.

Анна делает знак Софе и та начинает излагать:

– Короче, моя мама нашла очень приличный домик...

– Домик? – удивляюсь я.

Не понимаю, зачем ей дом?

– Да... он будет нам обходиться как стоимость квартиры. Аренду за него вообще платить не надо, мы будем только оплачивать налоги и коммуналку.

Хозяин дома друг нашей семьи и сейчас находится в бегах на каких-то там островах.

– Софа предлагает нам переехать туда втроем, – вклинивается Анна.

У меня голова идет кругом. Вчера квартира, сегодня дом, что будет завтра? Дворец в Версале? Видимо, Анна рассказала Софе про свои проблемы с Габриелем, раз теперь речь идет уже о нас троих.

– Софа возьмет на себя коммуналку и налоги, я уборку, а с тебя продукты и готовка.

– Никаких сэндвичей! Полноценный завтрак, обед и ужин! – требует Софа, но в глазах мелькает лукавый блеск.

Подруги замерли в ожидании, а я не могу даже слова сказать. Все навалилось как снежный ком и требует осмысления. Почувствовав мое состояние, Анна восклицает:

– На этой ноте мы заканчиваем прения! Даем Вероне все обмозговать и вернемся к этой теме завтра!

– Завтра? Но мне нужно дать ответ сегодня! – возмущается Софа.

– Завтра. Ты дашь ответ завтра, – настойчиво повторяет Анна.

– О'кей, скажу маме, что сначала мне нужно посмотреть дом с подругами, а потом уже давать согласие.

– Отличная идея, – одобряет Анна и улыбается.

– Закажу такси на девять утра, – пальцы Софии быстро барабанят по клавишам телефона.

– А как же занятия? Я уже и так пропустила четыре пары, – возмущаюсь я.

Анна отмахивается и говорит, что ничего важного завтра не будет. Похоже, ей эта идея пришлась по вкусу. На меня же, как град с неба посыпались причины, по которым предложенная схема взаиморасчетов не сработает. Какова ежемесячная сумма закупки продуктов на троих? А если предложенное меню подруги сочтут недостаточно хорошим? Начнут кукситься, разгорится конфликт. Что будет, если я хоть на один день выпаду из графика и ничего не приготовлю? Например, заболею, что тогда? А что если Софа захочет деликатес, я что должна буду покупать его из тех денег, что заработаю в бутике?

Раздается стук в дверь.

– Это пицца! – восклицает Софа и идет открывать.

Хорошо, что подружки еще не знают, что я веду список того, что Софа покупала на нас двоих. Я намеревалась отдать ей эту сумму после первой же зарплаты.

В эту ночь Анна осталась в общежитии с ночевкой. Мы сдвинули кровати, натянули пижамы и устроили маленький девичник с зажженными свечами – вечерний ритуал Софии. Девчонки рассказывали о своих бывших и нынешних парнях, иногда забредая глубоко в интимные подробности, от которых я краснела и фыркала. Одно дело читать о сексе в романе или женском журнале и совсем другое слышать от подруг. Это реальные истории, приправленные личными переживаниями и ощущениями, некоторые из которых до сих пор заставляли их глаза сиять в полутемной комнате как фонари в ночном парке.

– Мой первый раз был с парнем из колледжа в Лондоне, – разоткровенничалась София. – К первой ночи мы долго готовились. Свечи, джакузи, экзотический ужин. Как он ни старался, было жутко больно и неприятно, но бриллиантовое кольцо скрасило все мои страдания.

Софа нырнула в свой маленький переносной сейф, в котором она хранила драгоценности и выудила оттуда маленькую черную коробочку. Открыла крышку и мы с Анной ахнули. Перед нами предстало кольцо с большим розовым бриллиантом в виде сердца. Никогда до этого я не видела цветных бриллиантов, София продолжила свой рассказ, а я еще долго не могла отвести глаз от заманчиво поблескивающего камня.

– Я знала, что будущего у нас нет, он сразу меня об этом предупредил. Он был из богатой арабской семьи. Бабок завалил. Мы встречались с ним целый год. Но каждый день как навязчивая идея у меня в голове звучали его слова, что мы никогда не будем вместе. Честно признаюсь, а я этого никогда никому не говорила, я переспала со многими парнями из ближайшего паба, но он, конечно, этого не знал. Так я ему мстила. Он заваливал меня подарками. Не просто там брендовыми колечками и браслетиками, хотя они тоже были. Поездкой на уикенд в лучший отель Монако на личном самолете, где со мной обращались как с

королевой и где для нас освобождали целый этаж. Арендой острова на месяц, где мы были только вдвоем, прислуге приходилось добираться к нам на лодках. А однажды он меня похитил, – мы с Анной встrepенулись и с непониманием уставились на нее, – да-да... у меня такое же было выражение на лице, когда меня впихнули в машину его телохранители и привезли на яхту, а он встретил меня за кухонной стойкой с улыбочкой, типа сам готовит потрясный ужин.

– Зачем же похищать? – недоумевала я. – Ты же с ним итак встречалась...

– Для обострения страсти. Он знал, что после стресса я становлюсь горячей штучкой и задавала ему такого жару, что он растекался как мороженое по тарелке.

– О! – я покраснела и отвела взгляд, будто в данный момент обсуждаемое действие происходило прямо на моих глазах.

– Но ты его все равно бросила... – шутливо предположила Анна.

– Нет. Я бы не смогла. Слишком сильно его любила. Мы закончили колледж, он уехал на родину, – София поморщилась и с пренебрежением добавила: – Через полгода женился на какой-то там бедуинке.

– А я потеряла девственность с соседом по лестничной площадке, – включилась в игру «Поведай про свой первый раз» Анна. – Он был самым красивым парнем среди моих знакомых. Особо мы не готовились, хотя знали, что сделаем это в определенный день. Кровищи было много... я заляпала ему весь матрас и мы втихаря выносили его на помойку. Как выяснилось потом, его затуманенный взгляд не имел ничего общего с желанием обладать мною, а был последствием наркотического дурмана.

– Фу! – Софа сама не заметила, как немного отстранилась от Анны.

Снова в нашей маленькой комнатке столкнулись два разных мира.

– Про наркотики я узнала только через месяц, а до этого он каждый раз, когда мы виделись, с успехом исследовал не только мое тело, но и мой кошелек.

– Я думала у них не стоит, – Софа пренебрежительно поморщилась.

– С этим у него все было в порядке. Проблема в другом, наркота была для него важнее всего. Через пару месяцев я от него ушла и начала встречаться с курсантом военной летной академии. Правда, тоже недолго...

– Почему? – спросила я.

– У него был культ тела – качалка, спортивное питание. Алкоголь ни-ни. Короче скука!

Далее последовал короткий рассказ о последующих романах, но уже не с таким воодушевлением. По словам девчонок, обе перепробовали вереницу парней.

– А тебе сколько было лет в твой первый раз? – спрашивает у меня София.

Я поперхнулась и начала откашливаться. По наивности я думала, что каким-то чудом миную «всеобщий день откровений», но нет, добрались и до меня.

– Э-э-э... хм... – я замялась.

Анна начала подавать знаки Софе, но та лишь с непониманием нахмурилась.

– Вообще-то я здесь и все вижу, – обиделась я.

И тут до Софии дошло.

– Да ладно! Не может быть! – она уставилась на меня как на диковину.

– Как ты поняла?! – взвизгнула я и стукнула Анну по плечу.

– Верона, каждый раз, когда речь заходит о сексе у тебя глаза лезут на лоб, а потом ты быстро меняешь тему.

Опля, не знала, что я такая предсказуемая, мне-то казалось, что я тщательно маскируюсь.

– Значит, у вас с Руссо еще ничего не было? – теперь Софию раздирало любопытство.

– Само собой, – ответила за меня Анна.

– Как же ты продержалась? Тебе что совсем не хотелось?

– Отчасти из-за Сани, старшего брата. Все пацаны в поселке и окрестностях знают его и боятся подходить ко мне за версту. Отчасти из-за подруг, у которых были реальные проблемы с предохранением и почти все подзалетели еще до окончания школы.

– Чума! – хохотнула Анна. – У вас, что нет аптеки в поселке?

– Неа, зато есть магазин «Вино и водка», дискотека по вечерам и плохо освещенные улицы, – под лукавым взглядом Анны я не выдержала и засмеялась, а следом за мной и девчонки.

Атмосфера немного разрядилась. Признание оказалось не таким страшным, как я думала, но все же я попросила подруг о моей неопытности не распространяться.

– Так твой брат не хочет, чтобы у тебя была личная жизнь? – София решила копнуть глубже.

– Просто я так часто повторяла, что выйду замуж невинной, что в это поверила моя семья и волей неволей следовала моим же убеждениям. Теперь, когда я встретила Руссо, я уже не знаю, чего хочу...

От интимного признания я зарылась лицом в подушку. Минуту в комнате стояла тишина, только по легкому движению кроватей, я поняла, что девчонки обмениваются жестами. Я подняла голову, подруги замерли.

– Ой, да ладно вам! Я же чувствую, как вы тут наперебой жонглировали...

– Руссо не из тех парней, что заводят семью, – осторожно намекнула Анна.

– И воздерживаются от секса, – вставила Софа, – так что если хочешь быть с ним – раздвигай ноги.

От такой пошлости у меня живот связало узлом. Я замотала головой. Такому не бывать.

– Тогда не удивляйся, когда он найдет девушку поговорчивее.

– Верона, девушки и парни по-разному переживают воздержание, – разъяснила Анна. – Ты бы видела их стояк по утрам, сомнений бы у тебя не возникло.

– Хи-хи! – Софа скривилась в ухмылке. – Мужчина пойдет к той, которая даст, а не к той, которая любит!

На мой телефон приходит сообщение от Кобры.

Не трепись!

Я морщю лоб и спрашиваю:

Ты о чем?

Ответа нет. Это странно, я даже хотела набрать ее номер, но потом подумала, что она ошиблась и перепутала контакт в телефонной книге. Настроение испортилось, я фыркнула и отвернулась к стене, давая подругам понять, что не намерена продолжать разговор. Но перед сном все же решила написать сообщение Руссо, что у нас ночь и я ложусь спать.

– Ему бы сейчас не помешала фотка твоей киски, а не пожелания спокойно ночи, – съехидничала София.

– Софа! Угомонись! – осекла мою соседку Анна и более дружелюбно добавила: – Давайте спать, девочки...

Аристарх

Просыпаюсь от звука поступившего сообщения. Протираю глаза и смотрю на экран телефона.

Я ложусь спать. У тебя, наверное, уже утро. Прости, если разбудила.

Бр-р-р-р... смотрю на часы и тихо офигиваю! Я проспал двенадцать часов! Такого на своем веку я даже не припомню, если только в махровом детстве. Спросонья набираю быстро ответ.

Пришли мне фото своей сонной мардахи

Она тут же отвечает:

Не могу, в моем телефоне нет камеры.

Я снова офигиваю. Что же у нее за телефон? Ах, ну да, какой может быть телефон у Неандертальской Женщины? Мысленно ставлю себе пометку, что нужно купить ей мобилу и вылезая из кровати. Простынь сухая, одеяло на месте. Я спал как младенец... Обычно после сна моя постель похожа на разоренное мокрое гнездо.

Следом приходит сообщение от девушки Морского Дьявола.

Мы готовы встретиться и все обсудить

В следующем смс она сообщила название ресторана и время встречи.

Встаю под прохладный душ и прогоняю остатки сна. В голове прокручиваю предстоящий разговор. Бойцам я никогда не рассказываю сказки. У них жизнь на пределе возможностей. Постоянные тренировки, диета, режим, травмы. Не дай бог им сесть на анаболики или стероиды, я сам прикончу их голыми руками. Мои бойцы – инкогнито. Никакой славы, им запрещено подписывать рекламные контракты, светиться на телевидении. Кроме членов клубов, между которыми проходят бои, их никто не знает, а такой образ жизни

выдержит не каждый. Поэтому я дословно прорабатываю свой монолог. Любое режущее слух слово может повлиять на решение бойца.

Через час я захожу в пустой ресторан и иду к самому дальнему столику. Сначала я вижу Морского Дьявола, который на фоне изящной мебели выглядит как скала и только потом его хрупкую девушку, прильнувшую к его боку. Ресторан первоклассный, но я все равно отказываюсь от предложенного меню – не люблю чавкать с незнакомцами. Вопреки моим расчетам боец сразу тянет на себя одеяло. В жизни он такой же, как и на ринге. Мне даже не пришлось блистать своим красноречием. Раз он такой приткий, я даже немного сгущаю краски. Пусть готовится к худшему. Каждый выложил карты на стол и вот я уже бреду на открытую веранду, чтобы обговорить поставленные условия со своим партнером.

Годзилла отвечает после второго гудка, и на фоне его голоса я слышу характерные звуки спарринга.

– Есть новости?

– Он прикупил хату в центре и занял через тренера прайсы у местной шушеры, что крышует бои. Либо мы башляем половину ляма, либо он вне темы.

Слышу отборный мат, Годзилла злой, видать то, что он зрит на ринге, его совершенно не торкает.

– И? Мы что лохи? Сегодня ты ему полляма, а завтра он сдает бой. Не. Пусть сам свои дела утрясает.

– Значит, отбой?

Честно говоря, я не ожидал такого поворота. В прошлом году за одного из бойцов Годзилла заплатил больше в качестве отступных бывшему тренеру. Но того бойца он знал лично. Может, в этом дело...

– Отбой. Но раз уж ты там... – Годзилла чертыхнулся и обложил очередной порцией мата своих бойцов и только потом вернулся к разговору. – Походи по боям. Посмотри что да как. Может, найдешь замену этому ухарю...

Навряд ли я найду замену, но соглашаюсь и обещаю попытать счастья с другими бойцами.

Возвращаюсь за столик и даю отказ. Боец завелся не на шутку, его цыпа вжалась в кресло. Я пожимаю плечами и даю понять, что такие условия для меня

и моего партнера неприемлемы. Когда я уходил, они громким шепотом обсуждали продажу квартиры. Что-то мне подсказывало, что в Москву мы полетим втроем.

Еду в клуб, название и адрес которого мне скинул Годзилла, это полутемное помещение с низким потолком, пропитанное мужским потом и тестостероном. Я привлек всеобщее внимание, по шмоткам меня можно принять за холеного хлыща. Спрашиваю у первого же попавшегося мне на глаза бойца, когда можно посмотреть бой, но тот бросает на какого-то быка опасливый взгляд, и я сразу подкатываю к верзиле. Говорю, что хочу сделать ставку, тот щурится, изучает меня. Интересуется, кто навел, я говорю, что Морской Дьявол. А что мне еще говорить? Здесь я никого не знаю. Верзила кивает и называет время. Смотрю на часы и решаю подождать.

Выхожу из клуба и вижу на другой стороне пиццерию и бреду туда. Заведение так себе, на троечку. Хоть бы не травануться! Устраиваюсь в углу у окна и изучаю меню. Неторопливая официантка нависает над моим столиком. Глядя на меня, она оживает и заманчиво покачивает бедрами. Советует заказать пиццу с морепродуктами и подробно рассказывает ингредиенты. Я соглашаюсь, надеюсь у них все свежее, все-таки до моря пешком можно дойти.

Пока я ем, не выпускаю из поля зрения противоположную часть улицы. Теперь на входе в клуб стоят двое братков. Я решаю, что торопиться не стоит, пусть набегит народ. Постепенно улица наполняется байками, тачками, подъехала даже патрульная фараонов. Хуже нет, когда полиция в доле. К своим боям я их на дух не подпускаю. Каждый раз меняю время и место.

Как только фараоны отчаливают, выхожу из пиццерии и сажусь в арендованную тачку. Комкаю и выбрасываю чек, на котором официантка оставила мне свой номер телефона. Снимаю кожаные браслеты, цепи с крестом и черепом. Убираю хвост под бейсболку. Бреду обратно в клуб. Обычно я чую беду задолго, как что-то случается, но в этот раз мои чувства перекрыла волна драйва и новизны.

Внутри жарко и душно, как в хамаме. Я стягиваю куртку и бреду к букмекеру, он вводит меня в курс ставок, и я делаю свой выбор. Не хочу привлекать внимание большой ставкой, так что сегодня игра будет по-маленькой.

Оглядевшись, примечаю местечко, откуда хорошо виден ринг и вход. Народ набивается как селедка в бочке. На ринг выходит рефери.

Все, понеслось!

В боях без правил есть свои правила: находиться на ринге в лежачем положении бойцу можно не более десяти секунд. Запрещены укусы, удары в пах, горло и тычки в глаза. Боец может применять разные техники, смешивать стили бокса и любые виды единоборств.

На ринг выходят первые два бойца в полусреднем весе. Гонг! Начался бой, и я сразу сникаю. Ё-моё! Таких бойцов я бы никогда не выставил. Машут руками как деды с артритом. Ни техники, ни драйва. Публика тоже так себе. От нечего делать, разглядываю набившийся народ. Кого тут только нет. Братки, байкеры, представители спортивных клубов и даже белые воротнички. После третьего боя я немного оживаю. Публика постепенно разогревается и поднимается разноголосый гвалт.

Теперь я усек схему: сначала идут новички, а профи оставляют напоследок. У меня иной порядок, пока новичок не побьет профи в тренировочном бою, он на ринг не выходит. Иначе публика не придет на первые бои, а если не придет, то ставки будут «ленивые». А здесь как в шоу – на разогреве «девочки». Такая тактика ведет к потере прайсов. Почему здесь работает такая схема, я пока не разобрался.

За четвертым боем я уже слежу пристально. На ринге бойцы в тяжелом весе. Один хорошо владеет джиу-джитсу, другой боевым самбо. Бой красивый, бойцы почти равны, но есть что-то в этом постановочное и у меня прокрадываются сомнения, а не договорные ли здесь бои, хотя и отлично срежиссированные. Черт! Хорошо, что я поставил по-маленькой.

К тому времени, когда начался пятый бой, я полностью утратил интерес к происходящему. Пора выбираться отсюда...

Впереди меня разминаются два бойца для следующего боя.

– Есть тут второй выход? – спрашиваю я у рыжеволосого.

– Между душевыми и раздевалкой, – он машет в сторону двухстворчатой металлической двери, рядом с которой стоит тот самый верзила, что говорил со мной пару часов назад. – Но тебя не выпустят до конца боя. Такие правила.

Черт! Придется стоять тут как дебилу и пялиться на эту блабуду.

Рыжик и его противник – парень кавказкой наружности – поднимаются на помост. Их тренеры дают последние наставления. Звучит гонг и начинается бой. Фоновая музыка заглушается подбадривающими выкриками болельщиков. Бойцы скользят по кругу и долго примеряются, наконец, кавказец наносит первый пробный удар. Несколько минут ушли на «ощупывание», когда боец ищет незащищенные места, а затем началась рубиловка. Кавказец неплохо владеет каратэ, а у Рыжика за плечами школа кикбоксинга. Такого боя я давно не видел. Морской Дьявол курит в сторонке. Я уже пожалел, что не внес оплату за съемку видео, сейчас, когда за мной пристально наблюдают, светить мобилой мне не хочется.

Рыскаю глазами по залу и нахожу тренера кавказца – седовласого худощавого обросшего старика. Пробираюсь к нему и хлопаю по плечу. Черт! Старикан крепкий как камень. Излагаю вкратце суть, протягиваю визитку и прошу позвонить. Тот кивает и тут же отворачивается. Подхожу ко второму выходу. Слышу рев толпы и резко оглядываюсь. Кавказец наносит удар по челюсти противника и тот «плывет». Черт! Хорошо подгадал.

До конца боя Рыжик давал себя метелить как отбивную. Мысленно не я один его уже «слил». Поэтому ни его противник, ни публика никак не ожидали апперкота. Кавказец обмяк и упал на колени. Начался обратный отсчет, вижу, что бойцу уже не подняться. Толпа беснуется. Что-то тут не так. Такого исхода явно не ожидали. Еще до объявления результатов, прямо на выходе начинается драка. Мои подозрения подтвердились – бои договорные и Рыжик только что всех поимел!

Воспользовавшись суматохой, Рыжик и его ассистент выбежали через второй выход. Бегу за ними. Сейчас у меня одно желание, скорее отсюда свалить. Втроем мы вываливаемся наружу. Я бегу последним. Из-за широких спин мне не видна моя тачка. Вдруг Рыжик валится на меня спиной, а его ассистент падает замертво на тротуар. Через белую футболку расплывается багровое пятно крови. Мы с Рыжиком пригибаемся и ползем к моей тачке. Вторая пуля, обдавая раскаленным жаром, пролетает в сантиметре от моей щеки, и я от страха чуть не накладываю в штаны. Адреналин бьет в башку! Перед глазами пелена! Выстрелов

ни хрена не слышно, видимо, пушка с глушаком. Почему-то в этот момент перед глазами всплывает лицо Вероны и одну жалкую секунду она мне улыбается.

– Проклятье! Откуда стреляют?! – кричу я.

– Из черной «Тайоты»! – одуревший от страха Рыжик укрывается за бампером моей машины.

Слышу, как «Тайота» рвет с места и мчится к нам. Раздается глухой хлопок, Рыжик вскрикивает и валится на землю. Машина скрывается за поворотом.

– А-а-а! Черт! – орет на всю улицу боец.

Подбегаю и вижу, что он держится за руку. Кровь хлыщет как из ведра. Открываю дверь и заволакиваю его в тачку. Срываю ремень с джинсов и перевязываю руку выше раны. Стягиваю, что есть силы, он взывает так, что у меня уши закладывает. От болевого шока он закатывает глаза. Черт! Нельзя чтобы он вырубился!

– Дыши! Не отключайся! – бью его по щекам. – Я города не знаю! Где ближайшая больница?

– Нам... на Садовую... ближе всего... через... Океанский проспект... – он стонет, слышу скрежетание зубов.

– Зажми рану!

Я рву с места как подорванный. Визг шин и мы уже мчимся по Народному проспекту, который после моста переходит в Океанский.

Мне уже не до ПДД, обгоняю по встречке.

– На площади «Первая речка» направо, – еле слышно говорит Рыжик.

Черт! Из-за раны в руку его бы так не колбасило, тут что-то еще...

Смотрю по сторонам. Куда я заехал? Красный забор. Серые пятиэтажки. «Царские бани». Что за хрень!

– Бля! Куда дальше?

– Держись правой стороны...

Впереди нас маячит «Скорая» и я сажусь ей на хвост. Теперь-то уж точно доедем до больницы.

– У тебя есть хоть какие-то документы?

– Паспорт в сумке...

Останавливаюсь перед приемным покоем, открываю дверь и помогаю бойцу вылезти из машины. Хватаю его сумку. Подставляю плечо и перехватываю его руку. Под спортивной курткой красное пятно. Ранение в брюшину! Черт! Я так и знал!

– Скорее! Нам нужна помощь! – кричу я дежурной медсестре. – Два огнестрельных!

Эта курва не шевелится, обдает нас холодным взглядом и предлагает положить пострадавшего на каталку, которая стоит у стены. Да она охренела! Сюю этой мымре прайсы под нос, она вскакивает как укушенная. Проклятье! Реприманд матушке России – не чувство долга, а «Бенджамин Франклин» всегда будет самым лучшим проходным билетом. С ним перед вами откроются все двери, а на угрюмых и потрепанных жизнью лицах, расплывется такая ухмылка, что будет трудно устоять, чтобы не врезать.

Как по волшебству передо мной возникают два санитаря. Достают из сумки паспорт бойца. Черт! Ну, надо же! Мы однофамильцы! Я могу этим воспользоваться и сказать что я брат. Протягиваю медсестре документы вместе со своей визиткой.

– Позвоните мне, когда операция закончится, – собираю растрепавшиеся патлы в самурайский пучок и добавляю: – Если возникнут какие-то проблемы, тоже звоните.

Выхожу из больницы и плетусь к тачке. Все тело дрожит, только сейчас я замечаю, что весь бок в крови бойца. Черт! Нужно вымыть тачку и заехать в отель, принять душ и переодеться.

Вера

– А я говорю, что эта схема не сработает! – доказываю я подругам с пеной у рта свою точку зрения на распределение обязанностей. – Я – пас!

– Так и знала, что она откажется! – кричит Софа Анне, хлопает по бедрам и поворачивается ко мне. – Это из-за того что я сказала про тебя и Руссо?

– Нет! При чем тут это? Я все взвесила и говорю «нет»!

– Да при том, что после моих слов ты позеленела... но я права... и не собираюсь перед тобой извиняться! – она поворачивается к Анне, которая уже причесалась, накрутила волосы и ждала, когда мы наконец-то решим вопрос с жильем.
– Ты со мной?

Анна замаялась, по ее виду я поняла, что ей очень хочется, но она не может меня бросить.

– Даже не знаю... я как Верона...

– Ну и сидите тут как замызганные фрики! А я сегодня же съеду!

Софа схватила сумочку и выскочила из комнаты. После утреннего скандала я была так разбита, что в Академию идти совсем не хотелось, и я решила пойти в бутик, чтобы закончить переделку двух заказов.

– Раз ты не идешь в Академию, тогда я поеду, соберу вещи и поговорю с Габом.

– Ты точно потом не пожалеешь об этом? Разбитую чашку трудно склеить, – от предстоящего переезда Анны у меня свело желудок.

Перед глазами мелькал образ Габриеля, ему сейчас не позавидуешь. Мне казалось, он любил ее, но я была в этом вопросе такая неопытная, что вклиниваться с какими бы то ни было советами, было глупо. Анна это тоже понимала.

– Я все решила, – твердо произнесла подруга.

Мы вышли в коридор и, пока я закрывала дверь на ключ, она расписывала, чем мы займемся в ближайшие дни. Погруженная в свои мысли я пропустила ее слова мимо ушей и молча плелась за ней до метро.

– По твоему виду можно сказать, что это *ты* сейчас идешь к парню для последнего разговора.

– Не люблю, когда люди расстаются... это у меня от мамы, та тоже всю жизнь все склеивает...

Мы попрощались на Кольцевой линии. С потухшими глазами Анна вышла из вагона и влилась в людской поток. Мое сердце обливалось кровью, Анна мною воспринималась, как близкая подруга и ее боль неминуемо передавалась мне.

По дороге к бутику я вспомнила, что скоро у Сани день рождения. Мне хотелось сделать ему оригинальный подарок, что-то из одежды то, что Саня будет

носить и вспоминать обо мне. На дорогой подарок денег у меня не хватало, а занять было не у кого. Анна сама была на мели. С Софией мы поругались. Руссо во Владивостоке, да мне и стыдно было бы просить у него деньги.

На постерах в окнах мотосалона Руссо все еще обнимает двух моделей, я ускорю шаг. Не хочу это видеть!

Кати в бутике не оказалось, от этой новости я испытала облегчение. Мы поехали с Санчесом в мастерскую и отдали одежду на переделку. Я сильно нервничала, объясняя, что и как нужно подшить. Вдобавок нам сегодня попалась девушка, явно чем-то расстроенная и мы никак не могли понять друг друга. Санчес перезнакомил меня с остальными сотрудниками пошивочного цеха, и мы сели в сторонке, дожидаться, когда наш мастер закончит работу.

– Обычно наши заказы ведет Михай, но он еще не вернулся из отпуска, – поясняет Санчес и закидывает ногу на ногу.

– Тебе не обязательно здесь сидеть, я позвоню, когда меня можно будет забрать.

– Да, ничего, мне все равно нечем заниматься.

Я рассказала про день рождения брата и поделилась своими соображениями о предполагаемом подарке.

– Сделай ему футболку с трафаретом, – предложил Санчес.

Я растянулась в улыбке, это то, что нужно!

– В таких конторках обычно есть дизайнер, но ты можешь придумать свой рисунок или смешную фразу. В прошлом году я подарил Ирине футболку с надписью «Эта девушка занята мной».

Когда он заговорил об Ирине, его глаза так засияли, что я не удержалась от комментария.

– Мне очень понравилась Ирина. Вы отличная пара.

Санчес расплылся в улыбке, и тут же полез в телефон, чтобы найти адрес ближайшего магазина, где можно изготовить футболки под заказ. Уже через десять минут у меня был целый список.

– Решила, какую будешь заказывать?

Я покачала головой.

– Думаю, я пойму, когда просмотрю каталог.

Через два часа заказ был выполнен, к тому времени мы с Санчесом проговорили на все возможные темы. Я узнала, что они с Ириной встречаются уже полтора года, и на день Святого Валентина он намерен сделать ей предложение. Со свадьбой они спешить не будут, но он хочет решить вопрос с жильем сейчас и не торопясь делать ремонт. Глядя на него, я поражаюсь, сколько в нем расчетливости и здравого смысла. Этим летом они три месяца колесили по Европе на машине и Санчес поделился впечатлениями о каждой стране. Беседа наша не раз прерывалась, мне приходилось возвращаться к мастеру для уточнения деталей, которые я, к слову сказать, уже не раз объясняла.

В бутик мы вернулись уже после обеда, и Санчес предложил мне заказать суши с доставкой. Когда привезли заказ, я увидела на бумажном пакете логотип ресторана, в котором мы были с Руссо. В памяти всплыл момент, как он учил меня пользоваться палочками и на лице растянулась блаженная улыбка.

Следующие полчаса ушли на обслуживание нового клиента – русоволосого стройного мужчины лет тридцати. Он был явно не из байкеров, скорее, юрист или руководитель, а может, и то и другое. Меня позвали в зал только после того, как во время примерки выяснилось, что ему необходимо ушить кожаные брюки на бедрах и в поясе. Римма, брюнетка с красными губами, называла его Адам.

Клиент стоял спиной ко мне и придирчиво осматривал свое отражение в зеркале. Его дорогим одеколоном пропах весь бутик. Серо-голубые колючие глаза излучали такой арктический холод, что у меня по телу пробежали мурашки. Его жесткое неприветливое лицо отражало непоколебимую волю и целеустремленность. На такого смотришь и понимаешь, этот мужчина точно знает, чего хочет и добьется своей цели любым способом.

Римма пыталась поправить ему воротник на рубашке цвета морской волны из новой коллекции, но он грубо ее одернул, дав понять, что не хочет, чтобы она к нему прикасалась. От этого я еще больше смутилась. Как же мне наметать шов, да еще в такой интимной зоне, если он не дает к себе прикоснуться?

– Это Вера, она поможет вам с переделкой, – сказала Римма и деликатно удалилась, запахивая бархатную штору, отделяющую примерочную кабинку от торгового зала.

Глядя на нее, я еще раз поразились выдержки менеджеров. Само спокойствие и очарование. Мне никогда не стать такой. Я приблизилась к клиенту и поздоровалась. В ответ молчание. Он даже на меня не смотрит.

– Вы хотите сузить в поясе? – уточняю я.

– Это же очевидно, – недовольно бурчит он.

Сегодня я в серых зауженных книзу брюках, черных туфлях-лодочках и малиновой блузке. Прямые распущенные волосы каскадом струятся по спине, источая запах нового шампуня, который мне подарила София.

– Длина вас устраивает?

– Только пояс и бедра, – цедит он сквозь зубы, в голосе чувствуется металл.

Присаживаюсь позади него на одно колено. В руках иголка с ниткой, на шее висит швейный лента-сантиметр. Расправляю брюки на ягодицах, чтобы наметать боковые швы. Он вздрагивает, словно его пробила молния. От неожиданности я теряю равновесие, заваливаюсь назад и плюхаюсь пятой точкой на мраморный пол. Иголка прокалывает палец, я вскрикиваю. Его реакция молниеносная. Он хватается меня за плечи и поднимает. Голубые глаза впиваются в меня сверлящим взглядом. На какое-то мгновение с них слетает холодный блеск и меня обдает волна невероятной теплоты.

– У вас кровь, – в голосе теперь слышится волнительная хрипотца.

Я смотрю на палец, машинально прикусываю и слизываю кровь. Он стонет, а у меня от его реакции расширяются глаза. Что это с ним?

Его руки впиваются в мои плечи все сильнее и сильнее, и я вынуждена высвободиться. Отпустив меня, он снова холоден и неприступен.

– Продолжим? – я снова опускаюсь на одной колено.

– Да!

Вторая попытка. От волнения у меня тряслись руки. Теперь он не вздрагивает и, похоже, его это удивляет больше чем меня. Я быстро наматываю швы и немного отодвинувшись, оцениваю, нехватила ли я лишку. Запрокинув голову, шурю от яркой встроенной лампы в центре кабинки и с улыбкой спрашиваю:

– Не сильно я вас затянула?

– Сильно, – быстро отзывается он, – э-э-э, хм... вы спросили про брюки? Нет, не сильно...

Конечно, про брюки. Я хмурюсь. А он о чем подумал?

– Тогда все, можете снимать.

Я скрываюсь за шторой и улыбаюсь бледной как смерть Римме. Ее испуганный взгляд мечется между мной и примерочной кабинкой, будто она ждет, что оттуда вот-вот выпрыгнет кикимора болотная.

Что это с ней?

Аристарх

Я как раз входил в гостиничный номер, когда на мобилу пришли сообщения от медрегистратора. Она написала, что во время проведения операции возникли сложности и мне нужно подъехать. Во второй смс она сообщила, что кто-то интересовался Глебом Романовым по телефону, но звонившему ответили, что такого пациента в больнице нет.

Быстро принимаю душ и переодеваюсь. Выскакиваю из отеля и сажусь в только что вымытую тачку. Несусь обратно в больничку.

Звонит телефон. Смотрю на экран – Кобра. Она докладывает мне о новостях и сообщает, что Верона в порядке, но тучи сгущаются. По ее словам Сальникова и его дружков выпустили. Наудачу Верона сегодня не пошла в институт, а вышла на работу в бутик. Придя в институт, Сальников первым делом поинтересовался, где Верона и я понимаю, что моя малышка еще в опасности. Черт! А я на другом конце страны. Даю Кобре дополнительные инструкции и прошу связаться с нужными людьми, скидываю ей контакты. Пора брать этого щенка в оборот, видимо, сам он никогда не успокоится.

Влетаю в приемный покой. Получив очередную спонсорскую помощь, регистратор ведет меня в операционный блок. На меня напяливают халат и маску, заставляют пройти дезинфекцию. Хирург коротко объясняет, что да как. На этот момент пулю из руки извлекли. Она не проблема. А вот вторая пуля задела селезенку. Можно сохранить орган, но необходимо произвести отсечение пораженного участка. Во время операции выяснилось, что у бойца селезеночная

артерия вросла в поджелудочную железу. Сам хирург может попробовать ее отсечь, но возможны осложнения. Я качаю головой, такой вариант мне не подходит. Он говорит, что такую манипуляцию в городе могут сделать с гарантией несколько хирургов с большим опытом подобных операций. На кровоточащие сосуды наложили зажимы и ждут хирурга, который должен приехать с минуты на минуту, но по какой-то причине до сих пор не доехал до больницы. Я беру адрес и обещаю помочь.

Еду к хирургу и нахожу его в отключке. Вся квартира пропахла водкой и рыбой. Черт! Даже если я его приведу в чувства толку от него как от козла молока. Звоню медсестре и спрашиваю, кто может еще прооперировать. Она дает мне три контакта. Первый контакт только что приступил к сложной операции, второй улетел в отпуск с семьей, а третий на пенсии и уже не оперирует, но может руководить операцией. Он – последняя надежда.

У меня ушло громадьё времени, пока я убедил эту «последнюю надежду» приехать в больницу. Старикан ни в какую не соглашался, а как узнал о какой больнице идет речь, замахал «граблями». У него, оказывается, был конфликт с тамошним главврачом. Случайно я увидел на столе разложенные бумаги и понял, что у старика проблемы с налоговой. Я предложил ему разобраться с бумажками в обмен на операцию.

– А вы сможете, молодой человек? – он оценивающе заскользил по моим татуировкам. – Что-то мне подсказывает, что вы не учились на налогового.

Я заверил, что его проблема будет решена в течении двух часов и сдержал свое слово. Как только операция закончилась, я привез его домой и отсканировал все документы. Отослал их своему бухгалтеру Ольге Васильевне и стал ждать. Конечно, я не учел при этом разницу во времени и мне предстоял обстоятельный разговор на повышенных тонах. Ольга Васильевна сетовала на плохое самочувствие, но я все давил и давил. Я ей напомнил о недавнем повышении зарплаты, о рабочем графике, который у нее ненормированный. К слову сказать, плачу я ей немало, так что самое время отработать. В итоге она сказала, что пора в Уголовный Кодекс вводить статью за траханье мозга и с прощальным «Да пошел ты» отключилась. Как я и сказал, через два часа на мою почту упали налоговые декларации. Чтобы не злить Счетовода Моего Благосостояния я послал

ей огромный букет через онлайн-службу доставки. Вот будет приколы, если цветы привезут, как только она уснет!

Пока я ждал декларации, изучал присланный на почту материал по Сальникову. Кобре удалось перехватить его сообщения и контакты. Одно имя из списка вызвало у меня приступ паники. Мы с Вероной встречали этого чела, и теперь его повышенное внимание к ней на фуршете после показа мод нашло свое объяснение. Все оказалось гораздо сложнее, чем я думал.

Сальников и его поделники уже искали новую жертву и собирали сведения сразу на трех девчонок. Мне это было на руку, и я дал Кобре задание со всеми тремя переговорить. Нам необходимо было их сотрудничество. Кобра аргументировано убеждала меня ввести в курс дела Верону, и я согласился, теперь это было необходимо.

К письму было приложено несколько аудиозаписей, на которых Верона вела обычную девчачью болтовню. По сравнению с подругами Верона была неразговорчива и мне это понравилось. Не терплю баб, что трепятся направо и налево о своей интимной жизни. На то она и интимная, чтобы знали об этом только двое. Мое внимание привлекла фраза Вероны: «Теперь, когда я встретила Руссо, я уже не знаю, чего хочу...». Я задумался. Что она этим хотела сказать? Что готова к большему? Меня это не могло не радовать, но чутье снова выставило красный флаг.

Вернулся я в больничку под утро. Мне не хотелось надолго выпускать однофамильца из поля зрения. Регистратор сменилась, но, видимо, ночная смена была в курсе и молча приняла подаяние. Меня снова облачили в халат, заставили надеть бахилы и маску и только потом провели в реанимационную палату. Глеб еще не пришел в себя после наркоза, из живота торчит дренажная трубка. Я расположился на кушетке и через полчаса вырубился.

Вера

Мой рабочий день подошел к концу. Санчес подбросил меня к метро, и я влилась в серую безликую и угрюмую массу, спешащую с работы домой. Сегодня был насыщенный на события и сложный день. А впереди еще переезд Анны.

Интересно, она уже в общежитии? Я смотрю на экран телефона, но не нахожу ни одного пропущенного звонка и сообщения. Руссо может быть занят, ведь не развлекаться же он поехал во Владивосток, а вот почему не пишет Анна? Захожу в вагон и быстро набираю ей смс.

Ты где? Все в порядке?

Ответа нет, я нервно кусаю губы. Учítывая, чем увлекался в последнее время Габриель, не мог ли он причинить Анне боль? Я тут же постаралась отогнать мрачные мысли, но тревога до самого общежития меня не покидала.

По-настоящему паниковать я начала, когда открыла ключом дверь и не обнаружила Анны в комнате. Собственно я никого там не обнаружила. В комнате стояла зловещая тишина. Дверцы шкафа Софы были пусты и открыты настежь. На полу валялись обертки упаковок от нижнего белья и колготок. Софа съехала, оставив после себя бардак.

На душе было противно и тревожно. Я переоделась и приняла душ. Вернувшись в комнату, я послала Анне второе сообщение.

Если ты не выйдешь на связь в ближайшие десять минут, я возьму твой адрес в деканате и приеду!

Прошли еще три долгие минуты, но вот телефон ожил и на экране определился номер Анны.

– Анна! – от неожиданности я вскочила с кровати. – Ты в порядке?

– Да. Я... в порядке, – голос подруги был напряженным, и я сразу поняла, что у нее проблемы.

– Ты дома?

– Конечно, где мне еще быть, – Анна изо всех сил старалась, чтобы ее голос звучал естественно, но у нее плохо получалось.

За годы, проведенные с отцом, одно я уяснила назубок, когда рядом тиран, нельзя нагнетать обстановку. Любая мелочь может дать искру и неукротимая ярость вырвется наружу.

– Передавай Габриелю привет, – говорю я как можно мягче, на тот случай, если он слушает наш разговор.

– Он тоже тебе передает привет, – Анна нервно смеется.

Значит слушает!

– Увидимся завтра в институте?

– Э-э-э, нет... я тут немного приболела и несколько дней отлежусь.

– Чем ты заболела? – ответ я уже знала.

Тысячи раз я слышала, как моя мама придумывает очередную сказку о своем «нездоровье» с полной уверенностью, что никто из сослуживцев не догадывается о том, что происходит.

– Какой-то вирус.

Это был не вирус, а следы от побоев. Боже! Что же мне делать?

– Ладно, скажу в деканате, что ты заболела.

– И передай Кобре, что я не смогу с ней сегодня встретиться.

Я замерла, не знала, что они с Коброй должны были встретиться. Но тут до меня наконец-таки дошло! Анна давала мне знак! Она хотела, чтобы я подключила Кобру!

– Конечно, не переживай, я все улажу. Выздоровливай!

Я разъединила связь и тут же набрала номер Кобры. Она ответила после первого же гудка.

– Беби, что случилось?

– Анна! У нее проблемы! – без предисловий разгорячено выпалила я. – Мне нужно срочно поехать к ней. Она мне дала знак по телефону, это был знак! Я должна ехать! Он, наверное, ее избил!

– Постой-постой, Беби, не тарихти, говори, что за терки.

Я рассказываю о том, что Анна сегодня должна была уйти от Габриеля и перебраться в общежитие. Кобра хмыкает и отвечает:

– Я к ней ездила... ну после того... ты помнишь... адрес я затеряла, уж прости старую развалину, – она хрюкает, довольная своей шуткой. – Но визуально дом и квартиру помню, так что найти смогу. Одевайся, я скоро приеду.

Надеваю спортивный костюм и кроссовки. Все мысли о подруге. Почему я так легко отнеслась к ее расставанию с Габриелем, зная о его странностях? Надо было поехать с ней. Запираю комнату на ключ и спускаюсь вниз. Пятнадцать минут на свежем воздухе принесли мне успокоение.

Кобра припарковала «Вольво» перед входом и я быстро запрыгнула на переднее сиденье.

– Пристегнись. Я тебя отвезу. Вот только, Беби, давай сразу договоримся, ты останешься в машине. Я сама поднимусь и разберусь по ходу с ситуацией.

– Я не могу просто сидеть в машине, пока моей подруге угрожает опасность!

– Либо так, либо никак. Прости, Беби. У меня четкие инструкции: не подвергать твою жизнь риску.

– Сейчас важно помочь Анне, с нашими делами мы разберемся позже.

– Мы и поможем. Ну, так что?

Я киваю, давая понять, что буду сидеть в машине. Она жмет на газ и «Вольво» срывается с места.

– Кстати, Беби. Хорошо, что тебя не было сегодня в институте...

В ее голосе я слышу предостережение.

– Почему?

– Сальникова и его дружков выпустили, – у меня холодеют руки. – Мы с Руссо решили, что мне нужно потусоваться рядом с ним и так сказать почувствовать его настрой. Я перехватила его переписку с подельниками и услышала отрывки из телефонных разговоров. Дела плохи, Беби...

– Что ты имеешь в виду?

– Он везде распускает слух, что та девчонка сама напросилась. Говорит, что к видеозаписи они не имеют никакого отношения, но...

– Руссо считает, что был четвертый, тот, что снимал...

– Это понятно... так вот, Беби, эта запись появилась на порно сайтах.

– Что?! – у меня кровь застыла в жилах.

На глаза накатили слезы. В памяти возникло лицо той девушки, беззаботно танцующей на барной стойке.

– По ходу дела обстоят так: они опаивают на вечеринке девчонку, желательно иногороднюю, у которой нет рядом семьи, и которая нуждается в деньгах. Снимают на видео, как они ее имеют... тьфу ты... противно вспоминать... а потом начинается самое главное...

Я смотрю на нее с удивлением.

– ...шантаж. Либо она снимается в видео для взрослых и они все на этом зарабатывают, либо они выкладывают запись с ней в сеть.

– Господи, – застонала я и от ужаса прикрыла рот рукой, – она отказалась и они выложили видео в сеть.

Кобра кивает.

– Так что, по понятным причинам, ты в их схему вписывалась идеально: смазливое личико, отпадная фигурка, иногородняя, из малообеспеченной семьи. Детка, да ты бы им такую кассу сделала... представляю тебя на обложке фильма, ты была бы звездой, – Кобра хрюкнула, но потом поняла, что ее занесло, и продолжила: – Нда... так вот... вчера мы установили...

– Мы? Кто это мы?

– Руссо сколотил команду... вчера я поставила жучки в твоей комнате и пока ты откровенничала с подругами, мы их активировали.

– Постой-постой, что вы сделали?! Жучки?! Вы в своем уме?! Кобра! Как ты могла? Трудно было меня предупредить? – и тут до меня дошел смысл ее вчерашней смски. – Так вот зачем ты послала мне вчера сообщение!

– Беби, я и так нарушила кучу инструкций, это максимум что я могла для тебя сделать. Поверь, когда я расскажу тебе все, ты поймешь, почему Руссо пошел на крайние меры.

– Так это еще не все?! – я сейчас с ума сойду.

– Сегодня мы вычислили их босса.

От ее слов я заледенела, что-то мне подсказывало, что я его знаю, иначе мне бы все это не рассказали.

– Его зовут Эмиль Таиров.

Я нахмурила брови, пытаюсь вспомнить хоть одного Эмиля, и тут в памяти всплывает показ мод, фуршет, рыба-прилипала! Медленно, но верно до меня доходит вся информация.

– Так они следили за нами!

– За тобой, Беби... – уточняет Кобра и повторяет, чтобы до меня уже дошло окончательно... – за тобой. И просто чудо, что рядом в тот день оказался Руссо и испортил им все планы.

С этим трудно было поспорить.

– Тебе вкололи регипнол, был риск, что ты обратишься к врачу, сделаешь анализ крови и тогда бы их схема рухнула. Поэтому они должны были убедиться,

что с тобой не возникнет проблем. Только поэтому Эмиль выполз из своей норы и сам оценил ситуацию. Раз они до тебя не добрались то, скорее всего, сочли угрозу минимальной. Но риск все еще есть... так что...

– О, боже! – только и смогла сказать я и ткнулась лбом о прохладное стекло автомобиля. – Не могу поверить, что я вляпалась в такую историю! Мы всего лишь пошли с девчонками на вечеринку!

Аристарх

Громкий стон возвестил о том, что Глеб начал отходить от наркоза. Я проснулся и подошел к койке. Медсестра ввела очередную дозу наркотика и сказала, что он проспит еще несколько часов. Ночная смена готовилась к сдаче дежурства. Вооружившись кружкой самого противного кофе, которую вместе с номером телефона мне любезно вручила одна из медсестер, я вышел в коридор и через запотевшее от конденсата окно стал наблюдать, как просыпается город.

На телефон пришло смс от девушки Морского Дьявола. Что-то рановато! Видимо, всю ночь провели в спорах. Она написала, что они готовы уладить свои проблемы самостоятельно, но им нужны гарантии от меня как от работодателя. Я сообщил ей свою почту и попросил прислать «привет». Затем выслал ей контракт. Это займет их еще на пару дней, а я за это время наведу мосты с другими бойцами.

Закончив переписку, я убрал телефон в задний карман джинс и отхлебнул еще глоток отвратительной гадости.

– А вы неразговорчивый, – услышал я за спиной и повернулся.

Это была та самая медсестра, что всучила мне свой телефон.

– Так и есть, – буркнул я.

Ее взгляд падает на цветочный горшок, я выбросил в него скомканный больничный бланк, на котором красовался номер и ее имя. Мне по барабану, что она подумает, но знакомиться мне сейчас не по кайфу, хотя она довольно привлекательна и при других обстоятельствах я бы не отказался провести с ней ночь.

– Быстро же вы избавляетесь от ненужного мусора, – она не в обиде, только лишь слегка ухмыляется.

– Лучше так, чем тратить время на объяснение, что у тебя есть девушка.

Ха! Что-то новенькое! Интересно, а что сама Верона думает по этому поводу? При упоминании ее имени внутри разливается тепло.

– Тогда вашей девушке повезло, – она выгребает пресловутый листок из цветочного горшка и бросает в урну. – Не припомню случая, чтобы мне не перезванивали.

Теперь она точно привлекла мое внимание. Я скольжу по ней изучающим взглядом и подмечаю стройную фигуру, большую грудь. Конечно, мне ее не оценить в полной мере пока она в медицинской шапочке и просторной униформе, но и то, что я вижу не оставляет меня равнодушным.

– И как давно вы это делаете? – мой тон все такой же холодный, не хочу ей давать ложную надежду.

– Что делаю? – она снимает шапочку и встряхивает копной медных волос.

Черт! Она хороша!

– Коллекционируете... – по ходу она это я, только с сиськами и вагиной.

Она бросает на меня быстрый пронизательный взгляд, глаза сужаются, будто принимает мой вызов.

– Нона, – представляется она и протягивает руку.

Я молчу, руки в карманах. Да, вижу, она не одно мужское сердце разбила, а я своей реакцией только подогреваю ее интерес.

– О, мне попался крепкий орешек, – она заливается смехом, оголяя ровные белые зубы. – Но вы так же азартны, как и я. Не хотите сделать ставку?

Я поднимаю вопросительно бровь.

– Ставлю двести долларов на то, что уложу вас в постель еще до того, как ваш друг выпишется из больницы.

В другой раз, я бы съязвил что-то типа: «Если хочешь заработать двести долларов, есть способы и полегче», но мне импонирует ее горячность и напор.

– Просто уложите? Я что буду под наркозом?

Она усмехнулась.

– Вы меня поняли... ну так что? Принимаете ставку?

В этот момент у меня зазвонил телефон, номер не определился.

– Слушаю, – ответил я, готовый к любым сюрпризам.

Это был тренер бойца-кавказца. Мы договорились встретиться в боксерском клубе, где он был главным тренером.

Когда я закончил разговор, Ноны уже рядом не было. Бреду к тачке и завожу мотор. Мимо меня пролетает красный спорткар с открытым верхом. Медные волосы развиваются на ветру. Из машины доносится песня Тимати «Слышь, ты че такая дерзкая?». Вот чертовка! Она специально подгадала момент! Волна страсти прокатывается по мне как бульдозер по стройплощадке, я газую и готов уже мчаться за ней. Перед глазами мелькают эротические фантазии, она оседлала меня, глаза бешеные, движется в такт музыки и ее медные волосы щекочут мне грудь.

Но в следующий миг видение сносит приливной волной и перед глазами мелькает лицо Вероны. Черт! Я похотливый мудака! Стоило рыжеволосой поманить меня, и вот он я, тут как тут, в боевом настрое! Готов к соревнованиям: «Кто кого быстрее заведет». Меня накрывает чувство вины, рука тянется к телефону. Мне нужно знать, что я ей не безразличен.

Верона! Спаси меня от самого себя! Я знаю, только тебе это под силу!

Вера

Дверь подъезда то и дело открывается, из света в тьму ныряет очередная фигура и быстрым шагом удаляется по аллее, ведущей к метро. Вглядываюсь... увы... это не Анна и не Кобра. Ожидание сводит с ума. Взгляд мечется от окна к окну, я гадаю, в каком из них может промелькнуть силуэт подруги или ее парня. В Кобре я ни на минуту не сомневаюсь, она справится с любой задачей, но вот Анна... она может простить всех и вся, стоит попросить прощения или взглянуть ей в глаза с мольбой. Мне кажется, что в ее сердце может уместиться вся обиженная часть вселенной.

Характерный сигнал поступившего сообщения отвлекает меня от напряженного ожидания. Это от Руссо.

Ты спишь?

Нет, я в машине Кобры. Она разбирается с парнем Анны.

Несколько минут тишина, видимо, звонит Кобре, затем приходит очередное сообщение.

Черт! Как это все не вовремя! Ок. Только не выходи из машины!

Мне нравится, что он беспокоится обо мне, если бы такую заботу проявлял другой человек, то я, наверное, разозлилась и расценила это как преследование и желание понукать мною. Но я знаю, что Руссо действительно хочет меня уберечь от неприятностей. После того разговора в его машине, когда он обвинил меня, будто я притягиваю всякий сброд, у меня еще остался осадок. Может быть, когда он приедет, мы сможем обстоятельно поговорить, но пока Руссо в отъезде не хочу, чтобы он отвлекался от дел и думал о моей безопасности.

Тебе нужно было мне рассказать с самого начала. Почему я все узнаю последней? Да еще не от тебя, а от Кобры.

Знаю! ПРОСТИ! Надо было рассказать.

Одно слово из шести букв заставляет меня заерзать. Представляю его зелено-изумрудные глаза, как он может произнести это вслух, и млею от нахлынувшей нежности. Ох, Руссо, почему ты сейчас не рядом?

Что теперь будет с той девчонкой?

Понятия не имею. Что попало в сеть, тяжело убрать.

Зачем я опять грузу Руссо тем, что его никак не касается? Он, наверное, только проснулся... впереди насыщенный день. Трудно представить его праздно валяющимся на диване или в компании подвыпивших друзей в клубе.

Я скучаю... не хватает твоих искрометных глаз и вечного ворчания ☺ ты злока ☺.

Я не злой! Я вспыльчивый ☺ и у меня есть на то причина! Мне тоже тебя не хватает ☺.

Какая причина?

Хочу ТРАХАТЬСЯ! Без секса Цепной Пес слетает с катушек.

Подскакиваю на месте, роняю телефон, рукой ощупываю резиновый коврик. Именно об этом мне говорила Софа! Мужчины не терпят воздержания, тем более Руссо.

Набиваю ответ трясущимися руками:

Кто это, цепной пес?

Сэм! Скоро я тебя с ним познакомлю ☺.

Если это шутка, то я не врубилась. Пару минут молчания, потом снова тишину разрывает сигнал поступившего сообщения.

Почему молчишь? ☺ Закончились эпитеты? Какие еще у меня глаза?

Он резко меняет тему и мне это нравится, не представляю что отвечать, когда парень заявляет такое. Я ведь не могу ему с этим помочь. Но и мысль, что он может с кем-то переспать, меня гложет. Не хочу, чтобы какая-то девушка, даже та, что с ним всего лишь на одну ночь прикасалась к нему и целовала его губы.

Завораживающие. Они меня преследуют ☺.

Как? Носятся за тобой по общаге? О! Это так похоже на мои глаза! ☺.

☺ Нет! Но я часто вижу их во сне.

Вот как? И как часто?

Очень часто...

Я уже ревную к собственным глазам! А большие никакие части тела тебе не сняться?

Нет!!!!

Жаль! А я так надеялся.

Ты мое наваждение! И чем больше я тебя узнаю, тем больше ты овладеваешь мною...

Детка, я тобою еще не овладел, не одной твоей частью. Но ОЧЕНЬ хочу.

Боже мой! Мороз по коже! Пишу ему ответ:

Мои сны и мысли только о тебе... ты в моей голове, в моем теле, в моей крови и ДНК.

Пауза. Он не отвечает довольно долго, за это время я вся извелась. Я, наверное,хватила лишку и шокировала его. Мне нужно знать, что он ко мне чувствует, что хочет от меня и как он видит наши отношения. Не хочу вываливать на него все это скопом, но мне сейчас важно знать, есть он у меня или нет.

Руссо! Не молчи! Вокруг меня много соблазнов. Я должна знать, как на них реагировать. Ты у меня есть? Или мы друзья и ты просто хочешь мне помочь?

Ты встретила кого-то?

Не говори глупостей!

Мы – не пара. Постоянные отношения не для меня!

Внутри меня все обрывается, я снова роняю телефон и закрываю лицо руками. Одной фразой он может поднять меня на седьмое небо, где я порхаю как невесомое облако и одной же фразой способен опустить в ад моих терзаний и горечи. На глаза наворачиваются слезы, мне больно, ох, как больно. Он не мой парень, я все это выдумала. Пустая девичья фантазия. Он просто хочет мне помочь. Выражаясь языком Софы, Руссо думает, что в качестве благодарности я раздвину перед ним ноги. Я уже сожалею, что написала ему о своих чувствах. Почему я такая пылкая с ним? Во мне словно в одно мгновение просыпается вулкан.

Телефон звонит и звонит, а у меня нет сил наклониться и взять его, словно кто-то выключил двигательную функцию. Я хочу ответить, вдруг это Анна или Кобра, но не могу. Почему мне так больно? Я что уже успела в него втрескаться? О, боже! Что мне теперь делать?

Наконец-то телефон умолкает и в машине снова воцаряется тишина. Я успокаиваюсь и вытираю рукавом толстовки мокрые щеки. Накидываю капюшон, словно он может укрыть меня от всего мира, прислоняюсь лбом к прохладному стеклу. Редкие прохожие идут мимо машины, и скрываются в ближайших подъездах. На город медленно опускается ночь.

Новое сообщение выводит меня из транса. Рука тянется к телефону.

Черт! Я все время говорю не то, что чувствую! ПРОСТИ! Из меня плохой собеседник. Я всегда все порчу!

Видимо, я тоже.

Нет, ты молодец!

Но не для тебя. Я напугала тебя, это же очевидно.

Детка, мне нужно чтобы ты мне все говорила! Мне это нужно!

Зачем?

Для ориентира! Я будто блуждаю впотьмах, а ты мой свет!

Металлический скрежет прерывает нашу переписку, я поднимаю глаза и вижу, как Кобра выводит Анну из подъезда под руку. Оставляю сообщение Руссо без ответа. Да я и не знаю что отвечать.

С первых же шагов подруги вижу, что ей тяжело идти. Господи, что с ней произошло?!

Аристарх

Стою под душем в гостиничном номере и не могу привезти мысли в порядок. Верона ясно дала понять, что влюбляется и меня это пугает как надвигающийся апокалипсис. Мне кажется, что я себя теряю. Что она забрала мое сердце и душу и больше у меня ничего нет. С другой стороны я сам того не понимая подлаживаю под нее свою жизнь. Не хочу стать марионеткой в ее руках. Черт! Верона! Уйди на хрен из моей жизни!

Меня бросает из крайности в крайность. То я лелею ее имя, а когда понимаю, что небезразличен ей, убегаю со всех ног как последний трус. Я хочу быть с ней и не хочу! Хочу обладать ею и держаться подальше! Как такое возможно? Мое прежнее «я» сгорает от огня ее глаз. Ее воронка все-таки меня поглотила! Черт! Черт! Черт! Как же больно открываться! Я не хочу!

Не представляю ее рядом с собой! Как она впишется в мою тусовку? Да они охренеют от ее вида! Почему меня вообще это волнует? Какая разница кто что скажет? Проклятье! Я цепляюсь за остатки разума, чтобы найти хоть один повод от нее убежать!

Как всегда меня спасает работа. Смс буквально сыпятся на мобильник. Обматываюсь полотенцем и выхожу из ванны. Читаю сообщения и начинаю обмозговывать ответы. Скидываю полотенце и надеваю боксеры. Устраиваюсь с ноутбуком на кровати и залезаю в отчеты и графики. Попав в родную стихию, успокаиваюсь и привожу мысли в порядок.

Я идиот! Я должен быть счастлив, что такая девчонка как Верона выбрала меня! А я веду себя как мудака в панталонах из Мерлезонского балета!

Вера

Выбегаю из машины, но Кобра делает мне знак не приближаться. Замираю и не понимаю, что мне делать. Какая-то глупая ситуация. Почему я не могу

подойти к подруге? Спутанные волосы Анны прикрывают часть заплаканного лица, она смотрит вниз, не поднимая глаз. Я хватаю у Кобры сумку и несу ее к машине. Кобра помогает Анне разместиться на заднем сиденье. Подруга поджимает ноги и сворачивается клубком. В ужасе слежу за ее осторожными движениями, такое ощущение, что каждое из них причиняет ей боль.

Кобра отводит меня в сторону.

– Не задавай ей никаких вопросов, – просит она и я мгновенно вскипаю, – Нет! Верона! Она не хочет никаких разговоров. Ей стыдно. Ты ей сейчас ничем не поможешь. Просила отвезти ее к Софии.

– Что? – на глаза снова наворачиваются слезы.

Для меня такое решение граничит с предательством. Что может София и чего не смогу ей дать я?

– Беби, поверь, так нужно. Я не могу провести с вами всю ночь, у меня сын один в квартире. Габриель сейчас пьяный спит на диване, но как очнется, сразу рванет в общагу, даже не сомневайся. Лучше, чтобы ты сегодня тоже переночевала вместе с подругами. Может, Анна захочет потом с тобой поговорить...

– Хорошо-хорошо, я переночую у Софы, если, конечно, она не против.

– Она ждет нас, – Кобра вынула из кармана телефон и зачитала вслух адрес.

Мне это ничего не говорило, но по замысловатому свисту Кобры, я поняла, что район элитный. А какой он мог быть, когда речь заходила о Софии?

Всю дорогу в машине стояла гнетущая тишина. Я сдержала свое слово и даже ни разу не повернулась к Анне, хотя мне это стоило громадных усилий. Мне хотелось сесть с ней рядом и нежно-нежно обнять. Утешить ее, сказать, что она не одна. Что через все неприятности мы пройдем вместе. Анна шуршала пакетами, сморкалась, вздрагивала и всхлипывала. Боже, что же с ней произошло? Я рассказала ей про отца, как он тиранил всю семью. Анна знает, что побои для меня не новость, тогда почему попросила меня ничего не спрашивать? Тут что-то не то! Может дело не в побоях?

Машина остановилась перед высоким кирпичным забором. Оба этажа дома залиты светом. В одном из окон я заметила мужчину в рабочей униформе, меняющего встроенные в потолок лампочки.

С первого взгляда было понятно, что дом стоит не малых денег – современный, белоснежный, похожий на величественный корабль.

Кобра помогла Анне выбраться из машины и повела ее к боковому входу. Я услышала голос Софии, на этот раз совершенно ей не свойственный – вкрадчивый, заботливый. Видимо, ей все же что-то объяснили, так как она громко выругалась, а потом что-то выкрикнула Кobre на ходу.

Уже через минуту Кобра появилась в воротах и нервно закурила. Схватив сумку и чемодан Анны из багажника, она кивком позвала меня с собой. Голова у меня кружилась, сначала Руссо выбил меня из колеи, теперь Анна. Ноги не слушались, я спотыкалась и то и дело хваталась за ее кожаную куртку.

– Держись, Беби, не расквась себе нос.

Мы подошли к двухэтажному коттеджу. Одна стена дома полностью стеклянная и я разглядываю просторную гостиную. За углом поблескивала вода в бассейне, рядом с которым крутились двое рабочих. Просторный холл был освещен большой люстрой замысловатой формы, похожей на парус.

Кобра провела меня на второй этаж по круглой лестнице в виде ракушки. Мы шли по длинному коридору, с одной стороны которого были расположены окна от пола до потолка, а с другой такие же узкие и высокие двери.

Софа выглянула из второй двери и приняла от Кобры вещи Анны.

– Твоя комната дальше по коридору, – сказала она мне, не здороваясь.

Ее лицо было сосредоточенным и хмурым. Затем она ногой захлопнула дверь, оставляя нас с Коброй в коридоре.

– Я поехала, – сказала Кобра, поворачиваясь ко мне.

– Можно я тебя провожу?

Она метнула в меня изучающий взгляд, словно пыталась понять причину моей странной просьбы, затем кивнула и побежала вниз по лестнице.

Когда мы вышли на улицу, Кобра застегнула молнию на куртке и вопросительно на меня взглянула.

– Если ты об Анне, то вам лучше самим между собой все перетереть, – немного грубо выдала она, но заметив, мою неловкость, спросила: – Разговор не об Анне?

– Да... – замялась я, размышляя, не сделаю ли я ошибку, доверившись ей. – Видишь ли, у нас с Руссо не все так гладко как бы мне того хотелось...

– Ой, Беби, это точно не ко мне! Я полный профан в отношениях и могу дать не тот совет.

Я сникла и надулась, подцепила ногой камешек и начала им елозить по тротуарной плитке.

– С другой стороны, у меня муж чем-то похож на Руссо и возможно, – я подняла на нее глаза, и она выставила указательный палец, – только возможно, я могу тебе рассказать, как вышла из той или иной ситуации.

– Он считает, что не способен на серьезные отношения. Что мне делать? Выкинуть его из головы и жить дальше?

– Что?! Что за чушь?! Почему ты должна это делать? Он тебе нравится?

Я так глянула на нее, что Кобра поняла, что я испытываю к Руссо гораздо более серьезное чувство.

– Черт! – она снова потянулась к пачке сигарет, но покрутив ее в руках, передумала и убрала в карман. – Я знаю Руссо три года и никогда не видела его с девушкой. Никогда. Ты первая! Он с ума сходит, когда дело касается тебя. Беби, он сам не знает что говорит. Он просто, как и все мужики сдрейфил. Почувствовал, что его затягивает и начал сопротивляться. Они всегда так делают. Помню глаза моего мужа, когда я сказала, что забеременела. Это был ужас летящий в ночи. Он сел на байк и втопил так, что мои волосы вихрем закрутило.

– И что ты сделала?

– Собрала вещички и ушла! Что я могла сделать? Я такая, какая есть, подлаживаться ни под кого не буду. Не нравится мой малыш – отвали! Вот моя позиция!

– А что он?

Мы сели рядышком на ступени, облицованные белым камнем.

– Приехал через две недели к моим родителям просить моей руки.

– И ты согласилась?

– Какой там! – Кобра хохотнула и показала неприличный жест. – Заставила его мурыжиться еще три месяца. Это же я, Беби. Я просто так никому не достаюсь. Чем больше ты к ним с душой, тем меньше они это ценят. Запомни это, Беби. Зато потом он так ждал сына, что когда он родился, упал в обморок прямо в роддоме!

Я хохотнула, но тут же помрачнела. Мы еще немного посидели, думая о своем. По лицу Кобры я поняла, что разбередила ее воспоминания.

– Я не такая как ты, – это было очевидно, и Кобра хмыкнула, – я не смогу мурыжить.

– Тебе и не нужно. Будь собой, Беби. Ты нежная. Ласковая. Ведь не зря же он к тебе приклеился как банный лист. Значит, ему это нужно. Он видит в тебе что-то, чего нет в других. Я тоже это вижу... – Я подняла на нее глаза, и она повторила: – Будь собой. Делай, что велит сердце, а не подруги или знакомые.

– Я все думаю, сколько же у него было женщин... ведь рано или поздно мы окажемся в какой-нибудь компании, где найдется его бывшая. Не представляю, что со мной будет...

– Девушек у него не было, это я тебе гарантирую. Были телки на ночь. Руссо парень горячий, все это знают. Любая с ним пойдет, стоит ему только поманить, особенно те, что крутятся в мотоклубе. Но вот что я тебе скажу: не позволяй этим телкам вторгаться в твою жизнь. Не позволяй им отобрать у тебя то, что будет принадлежать только тебе. Ревность убивает в нас доверие и веру в будущее. Так что прежде чем ты окунешься с ним в ваше безумие, выработай иммунитет.

– Что-то мне не хочется уже никуда окунаться...

– Дело твое, Беби...

Аристарх

Слушаю новости от Кобры. Смотрю на часы, время поджидает, я опаздываю на встречу с тренером Кавказца. На стоянке отеля мало народу и я вышел из тачки прогреть кости, не боясь, что нас услышат. После обычного

доклада, она начала вправлять мне мозги по поводу Вероны. По ее словам Верона просила у нее совета, но та не смогла ей толком помочь.

– Ты меня нанял, Руссо, я не могу ей сказать то, что хотелось бы, но если ты хоть на йоту сомневаешься в себе, лучше отступи. Она найдет хорошего парня и будет счастлива. Нарождает кучу детишек и будет фанатеть от материнства. Не представляю, что с ней будет, когда очередная твоя чикса вцепится ей в волосы. Что ты с ними делаешь, Руссо? Сажаешь на экстази? – Кобра усмехается. – Они у тебя лихие как твой «Мустанг». Вероне ни с одной из них не справиться.

– Ты права: я твой наниматель и подобных разговоров не потерплю, – рывкаю я. – Делай свое дело и не лезь в наши отношения! Если в следующий раз она что-то спросит, скажи, чтобы этот же вопрос адресовала мне.

– Не будет у тебя следующего раза, Амиго, – Кобра прервала связь.

Что это значит, мать твою?! Проклятье! Я громко чертыхнулся и швырнул телефон об стену. Тот разлетелся вдребезги. Ну, на кой черт она мне это сказала? Что я теперь с этим должен делать? Черт! Телефон раздолбал! Вынимаю из обломков sim-карту и еду в ближайший салон связи. Покупаю такую же модель «Нтс» и еду на встречу с тренером. Боксерский клуб расположен в подвале обычной пятиэтажки. Низкие потолки, люминесцентный свет. Кругом сыро и муторно. В нос бьет запах пота и хлорки. Мне хочется поскорее свалить отсюда, ищу глазами тренера и вижу его возле третьего боксерского подиума.

Мы здороваемся и начинаем разговор без предисловий. Старик говорит мало, но по делу. Он мне все больше нравится и я немного расслабляюсь. Бойца зовут Тимур, он из Нальчика и он ему внучатый племянник. Во Владик приехал два года назад и с тех пор тренируется каждый день. По словам старика, пацан упорный и трудяга. Я назвал срок действия контракта и среднюю сумму, что поднимали бойцы с участия боев, без учета ставок. Старик слушает, кивает и говорит, что согласен рискнуть, но с одним условием: он останется его тренером пока его ноги держат. Это уже вотчина Годзиллы и я звоню партнеру. На мое удивление тот не против и мы бьем со стариком по рукам.

Я согласовываю день отъезда и уведомляю Морского Дьявола. В принципе он может лететь другим рейсом, но мне так легче, взять всех скопом и привезти из аэропорта в качалку. Пусть Годзилла сам со всем остальным разбирается.

Возвращаюсь в больницу и иду в реанимацию. Глеб уже в сознание, пьет воду из трубочки. Несколько минут смотрит на меня и не узнает. Я коротко пересказываю ход событий и говорю что его друг погиб. Глеб с минуту молчит, потом просит дать его мобильный. Я прошу медсестру вернуть ему сумку и та, строя на ходу мне глазки, метнулась к шкафчику. Вот проклятье! Сговорились они все?

– Ты понимаешь, что как только сделаешь первый звонок – ты труп?

Тот кивает и говорит:

– Здесь скоро будет жарко, так что тебе лучше убраться. Это не твоя война.

Честно говоря, мне порядком надоел Владик и все что в нем произошло, но оставить однофамильца без поддержки как-то не по-мужски.

– Сейчас подтянутся братьевники, перетрем, а там видно будет.

– Ок, подожду твоих бро.

Я расположился в коридоре и пока ждал, все мысли были о Вероне. За всю жизнь я не думал столько об одной женщине, даже та, что сломала мне чердак, не сидела у меня в печенках как Верона. Больше всего меня раздражало не то, что я о ней думаю в принципе, а то, что не знаю, что мне делать дальше. Для серьезных отношений я не создан, но и терять ее не хочу. Какой-то замкнутый круг. Черт! Мне скоро башку снесет от этих думок!

Слышу топот ботинок и поднимаю глаза. Когда Глеб говорил, что позовет своих братьев, я думал, что тот имел в виду братьев по клубу или по тусовке. Но то, что я увидел, отправило меня в нокаут. Пять амбалов, все рыжие и как на одно лицо.

Битый час они толклись у койки Глеба. Всю эту толпу в реанимацию не пустили и они заходили по двое. Потом собрались в коридоре и один из «Братства рыжих» меня окрикнул:

– Ты Руссо?

Я кивнул и поднялся. Меня так усердно начали благодарить, похлопывать по плечу и пожимать руку, что я немного ступешался. Мы спустились вниз, поставили тачки рядом, включили музон и завели разговор о произошедшем. Мне объяснили, что Глебу нужны были прайсы и в тот день он провернул три аферы с боями. Две прошли удачно, он получил свою долю, а на третий раз его накрыли.

Теперь его ищут и ему лучше бы свалить из города. По ходу дали мне совет, где искать новых бойцов и обещали содействовать на постоянной основе. Приятной новостью было и то, что один из братьев оказался поставщиком морепродуктов для московских ресторанов и тут я по ходу еще решил нашу с Егором проблему.

Братья как раз продумывали план, где укрыться Глебу, когда на стоянке взвизгнули шины. Я обернулся. Красный спорткар! Мужики все расхорохорились, а я нервно сплюнул. Похоже Медный Всадник так просто не отступит. Но зря я волновался. Меня спасло то, что при виде себе подобных, да еще таких лихих качков рыжеволосая потеряла ко мне всякий интерес.

Вера

Не успеваю зайти в дом, как Софа просит меня проводить врачей к Анне. Возвращаюсь к воротам и встречаю черную «Ауди». Из нее выходит мужчина лет тридцати пяти в темно синем костюме и белой рубашке. Он совсем не похож на врача, скорее на руководителя компании. За ним следует ассистентка с медицинским чемоданчиком. Веду их через холл к лестнице, оба с любопытством осматривают дом и поднимаются следом за мной. Подвожу к комнате Анны и стучусь.

– Анна, это врачи. Софа сказала...

– Да-да... пусть заходят, – поспешно отвечает подруга, голос напряженный.

Пропускаю гостей в комнату, на секунду мы встречаемся с Анной взглядом, она испугана и очень бледна. Что же с ней все-таки произошло?

Я так устала, что валяюсь с ног. Раз уж мне сегодня предстоит здесь заночевать, решаю осмотреть комнату, которую мне выделила Софа. Открываю соседнюю дверь и ахаю от восторга. У одной стены стоит необычная кровать: мягкий подиум, обшитый темной тканью. У нее высокое изголовье и по обе стороны встроенные в деревянную панель прикроватные тумбочки, над которыми с потолка свисают подвесные белые лампочки на длинном шнуре с крыльями как у ангела. Стены фактурные, белые. Дощатый пол выкрашен в темно бардовый цвет и покрыт толстым светлым ковром. Я разулась и плюхнулась на кровать. Матрас такой, как я люблю, не мягкий и не жесткий.

На стене висят две многосекционные полки для книг и безделушек. Напротив кровати большой плазменный телевизор, а под ним длинная тумба с множеством выдвижных и распашных ящичков. По обе стороны от телевизора еще две двери. За одной я нахожу ванную комнату и чуть не визжу от радости. В ней белая керамическая ванна по форме напоминает половину яйца и душевая кабина с тонированной дверью. На полочке над раковиной разложены новая зубная щетка, паста и одноразовые бритвенные станки. Мягкие полотенца разных размеров висят на полотенцесушителе. Неужели Софа приготовила это специально для меня?

Вторая дверь оказалась в гардеробную. Она маленькая, но вместительная. Теперь понимаю, почему в комнате нет шкафа для одежды.

Оглядываю все еще раз. Мини-рай, в котором можно автономно существовать и выходить только за едой на кухню. Пространство еще не обжито, но если повесить на стены яркие постеры и прикупить всякие безделушки, то это добавит комнате красок. Я уже жалею, что не согласилась на предложение Софы, в конце концов, нужно просто больше работать и тогда я смогу справиться с условиями, которые мне поставили подруги.

Несколько минут я лежала на кровати в обнимку с пультом и блуждала по телевизионным каналам. Из головы не выходили слова Руссо: «Мы – не пара». Меня они злили и не давали вздохнуть полной грудью. Кобра сказала, чтобы я запаслась терпением и выработала иммунитет, но как это сделать по факту не представляю. То, что я жутко ревнива я даже не подозревала, пока не встретила Руссо.

На лестнице послышались шаги и приглушенный разговор. Я выглянула в коридор, врач и его ассистентка уходили. Дверь в комнату Анны была закрыта. Не хочу ей навязываться. Видимо ситуация очень деликатная, раз Анна попросила не задавать никаких вопросов. Она знает, что я здесь и если захочет поговорить, то постучит ко мне.

Через окно мне видна часть бассейна, рабочие уже ушли, я решаю спуститься и промочить ноги. В доме так тихо и темно, что медленно вышагивая по коридору, чувствую себя героиней ужастика. Но как только я приблизилась к лестнице, свет зажегся. Я огляделась по сторонам. Никого нет. Кто включил свет?

Спустившись по лестницы на первый этаж, я снова оказалась в темноте. И тут до меня дошло, свет включается и выключается автоматически, реагируя на движение!

Я спускаюсь к бассейну и вижу Софу, она сидит на шезлонге и с кем-то ругается по телефону. Разуваюсь и опускаю ноги в бассейн. Вода теплая и мне хочется поплавать, но у меня нет купальника. Подруга краем глаза настороженно наблюдает за мной. По разговору я понимаю, что она договаривается о вызове рабочих для ландшафтных работ. Для меня это так непривычно, что я ловлю каждое ее слово.

– Тащи сюда свой зад, Верона, – говорит она и рукой показывает на соседний шезлонг.

Я хочу помириться с Софой, поэтому никак не комментирую ее грубый тон. Ложусь рядом и со вздохом вытягиваю уставшие ноги.

– Давай утрясем все между нами, – предлагает она, и по тону я понимаю, что она сильно нервничает. Я киваю, и она продолжает: – Хочу, чтобы мы втроем были в безопасности. Теперь после того что произошло с тобой и Анной ты не будешь со мной спорить! Вы единственные мои подруги, мне для вас ничего не жалко, – глаза Софы увлажняются, и я уже чувствую за собой вину. – Переезжай к нам, Верона! Если тебя тяготит денежный вопрос, то мы подумаем о нем, когда поживем месяц и набьем шишки. Сейчас здесь еды хватит на целую футбольную команду. Нужно только прикупить молочные продукты, мясо и овощи, но остального полные шкафы. Думаю, с твоей сноровкой ты справишься и голодными нас не оставишь...

Мы говорим о доме, что еще в нем нужно сделать, чтобы запустить все обслуживающие системы. Тон Софы смягчается, мы уже улыбаемся и шутим. Вдруг Софа резко меняет тему:

– Ты не переживай за Анну, она будет в порядке... – Софа хмурится, – Когда она пришла за вещами, Габриель пристегнул ее наручниками к кровати, залепил скотчем рот и... ну... кое-что сделал с ней... Там запутанная история... Он говорит, будто получал от нее смски, что она хочет, чтобы он это с ней сделал... он долго не решался, а смски все приходили и приходили...

– С телефона Анны приходили? – уточняю я. Как такое может быть?

– Да, сейчас они пытаются все выяснить, он переслал ей все сообщения. Я подключила знакомого хакера, так что мы найдем, кто это сделал...

Я в ужасе, бедная Анна! Вот почему она сторонится меня, я еще не опытна и она даже ничего толком не может мне объяснить. Впервые моя неопытность начинает меня тяготить. Я будто на скамье запасных, сижу и смотрю, как другие играют, получают травмы, приобретают опыт. А я в стороне. Я – изгой. Даже среди нас троих... ситуация с Анной мне это показала... Но не успела я подняться в свою комнату, как в памяти всплыли наставления мамы: «Не торопись быть взрослой, доченька. Как только переступишь эту черту, возврата в прежнюю беззаботную жизнь уже не будет». Ох, что же мне делать? Голова идет кругом!

Аристарх

Прежде чем открыть глаза, я унюхал запах перегара, женских духов и ненавистную мною герань. Но как только пошевелился, в голову ударила такая боль, что я чуть не заскулил. Черт! Я что вчера напился? Открыл глаза и у меня шары вылезли из орбит. Незнакомая комната. Где это я? Трудно поверить, что я могу спать в таком свинарнике. Тут не убирались года два. Рядом кто-то посапывает. Медные волосы, оголенная грудь. Нона!

Черт! Черт! Черт! Я что трахнул ее?!

Резко вскакиваю и пячусь к стене. Я голый и Сэм беспомощно болтается между ног, будто выжатый лимон.

– Нет-нет-нет! А! Черт! – рычу я будто раненный зверь.

Она просыпается, потирает глаза и зевает.

– Что случилось, малыш?

Малыш?! Ты издеваешься?!

– Как я тут оказался?

– Только не включай песню: «А на утро я ничего не помню», – бурчит она.

Я продолжаю на нее гневно тарашиться, она хмурится и накрывается простынею.

– Ну, мы тут как бы всю ночь зависали...

Через стенку слышались мужские голоса, натягиваю боксеры и выскакиваю из комнаты. В сознании мелькают обрывистые воспоминания. Мы пили с «отрядом рыжих», много пили. Проклятье! Мне нельзя пить!

На диване в гостиной спят двое «рыжиков», третий выходит из кухни с чашкой кофе. Таращусь на всех и пытаюсь что-то вспомнить, но все тщетно.

– Черт! Как я тут оказался?

– Однако! Ты что ничего не помнишь? – Номер Три отдает мне свой кофе, видимо, у меня такая рожа, что решает мне оно нужнее. – Ты ведь пил меньше всех!

– Мне вообще нельзя пить! – я отхлебываю глоток кофе и морщусь, дрянь несусветная, будто туда нассали все дворовые кошки. – Крышу сносит!

– Да, брат, крышу тебе вчера реально сносило, – усмехается он, у меня екает сердце.

В прошлый раз я такое вытворял посреди Москвы, что попал на пятнадцать суток к фараонам и даже родаки не смогли меня отмазать. С тех пор прошло три года, но урок я заучил.

На диване зашевелились «рыжики». Один еле поднялся и поплелся в ванную. Не закрывая дверь начал отливать, звук разнесся по всей квартире. Я поморщился. Проклятье! Сейчас блевану!

– А где Глеб?

– Ты что реально ничего не помнишь?

– Бля, с кем я только что говорил? – я нервно дернул башкой и тут же об этом пожалел. Острая боль пронзила виски и затылок. Болит не только голова, смотрю на костяшки пальцев, они разбиты в кровь.

– Мы перевезли его к знакомым воякам в госпиталь...

– А-а-а, – я показываю на дверь спальни, – а она что там делает?

– Ты сказал, что это твоя девчонка, – он заржал, а мне так поплохело, что скрючился в кресле.

– Моя девчонка в Москве!

– Братан ты уж сам разбирайся, кто у тебя где. Но с этой ты реально вчера повеселился. Она перед всеми пятой точкой крутила, но дала только тебе.

Заскакиваю в спальню, нахожу свои шмотки. Меня мутит. В ее сторону даже не смотрю.

– Малыш, ложись, еще рано. Давай еще разок перед дежурством, – ее рука тянется к моим трусам, я грубо ее одергиваю.

– Пошла ты на хрен! Курва! – срываюсь я, не могу себя контролировать.

– Эй! Ты чего как с цепи сорвался! – она надувает губы, а я готов ее в ключья порвать.

– Какого хрена ты здесь делаешь? Я же тебе сказал, что не заинтересован!

– Ну, вчера ты часто менял свое решение, – в ее голосе слышу кокетство.

Неужели я ее трахнул? Твою ж мать! Ничего не помню!

Надеваю шмотки. Ищу ботинки. Их нигде нет. Провожу рукой по волосам. Черт! Где же они? И вот что я еще не вижу, так это использованных презиков. У меня на этом клин. Но сейчас не до этого...

– Что ты ищешь?

– Ботинки, – ворчу я.

– Ты их подарил одному из братьев Глеба.

– Что? – у меня глаза навывкат, это были мои любимые ботинки.

– Ты что совсем ничего не помнишь?

– Местами...

Как же меня мутит! Скорее нужно отсюда убираться!

– Ну, хоть секс-то ты помнишь?

Я бросаю на нее испепеляющий взгляд, Нона поднимает вверх руки и, смеясь, говорит:

– Как скажешь, малыш, – она сдувает с лица непослушную прядь волос, – мне все понравилось, особенно кличка, которую ты мне дал – Медный Всадник... но ты все еще должен мне двести баксов.

Я копаюсь в кармане, достаю баксы и кидаю на кровать. Ищу ключи от арендованной тачки, их тоже нигде нет.

– Если ты ищешь ключи, то тут их нет.

– А где они?

– Ты что совсем креси? Мы же разбили вчера свои тачки, гоня по Владику. Поэтому и напились! А потом прыгали на кровати как на скачках, потом опять пили...

– Заткнись сука! – я делаю глубокий вздох, с присвистом выдыхаю. – Просто скажи, где моя чертова тачка?!

– Во дворе! – орет она.

Босиком вылетаю из подъезда. Сейчас я похож на сбежавшего шизика из психушки. Озираюсь по сторонам. Арендованная тачка стоит рядом с красным спорткаром и в обеих машинах спят оставшиеся «рыжики». Тачки разбиты в хлам. Бока помятые, будто мы друг друга спихивали с трассы. Черт! Так ведь и было! Черт! Черт! Черт! Я срань ушастая! Плесень подбордюрная! Как я мог такое устроить?!

Мне нужен душ, мне нужен воздух и мне не нужна такая жизнь!

Глава пятая

Вера

Первая ночь в коттедже выдалась «веселой». Полночи за стенкой плакала Анна. Я дважды стучала ей в дверь и просила меня впустить, но она отвечала, что пока не готова. Без конца звонил ее телефон, поступали сообщения. Я так и не поняла, почему она не выключила звук. К трем часам я сдалась, схватила подушку, одеяло и ушла спать в гостиную. Диван оказался очень удобным, и я быстро заснула.

Утром меня разбудил звук блендера, я подняла голову и увидела, что Софа делает себе ягодный смузи.

– Доброе утро! – кричит она. – Чем тебе не нравится твоя кровать?

– Анна плакала и громко говорила по телефону...

– Габриель... видимо протрезвел и все вспомнил... гад...

Меня бесило, что все знали все в деталях, только не я.

– Мне нужно на работу, – я вскочила и побежала в свою комнату.

Бодрящий утренний душ привел меня в боевую готовность. Как же классно принимать душ в изолированной комнате, никаких тебе соседей через тонкую перегородку. Одно бесконечное блаженство!

Спускаюсь на кухню. Софа приготовила мне завтрак. Это так мило! Мы помирились и обе чувствовали от этого большое облегчение.

– Сегодня ты гостя, но с завтрашнего дня будешь готовить сама.

Софа уверена, что уговорила меня, но прежде чем дать окончательный ответ, хочу поговорить с Руссо. Вдруг мое пребывание в общежитии необходимо для дела, которое он задумал. Не зря же его группа установила прослушку в общаге.

Через полтора часа я уже подходила к бутику. Издалека я увидела такой же байк как у Руссо, а на нем целующуюся парочку. Парень в кожанке как у Руссо и в черных джинсах. Я узнала Катю по рыжим волосам и мое сердце замерло. Какой же Руссо сволочь! Ненавижу его! Наверное, как прилетел, первым делом нырнул к ней под бочок. Вся это его видимая озабоченность моей безопасностью большой мыльный пузырь или просто услуга моему брату. В голове проносятся его слова: «Мы – не пара!», «Почему не помочь, мы все из одного клуба – я, Курт и Катя». Какая же я наивная дура! Придумала себе что-то и надела розовые очки. Получай теперь по заслугам!

Адреналин ударяет в кровь! Голова идет кругом. Как больно! Ох, как же больно! Я готова разреваться и убежать, но тут Катя поворачивает ко мне голову, а парень выпрямляется и тоже смотрит на меня. Это не Руссо! Вздых облегчения вырывается наружу, от нервного перенапряжения я еле держусь на ногах.

– Вера, привет! – Катя слезает с байка. – Знакомься, это Игнат, мой парень.

Игнат улыбается и протягивает мне руку. Ноги ватные, я еле стою. Мы здороваемся, его рука мягкая и нежная. Парень! Вот я дура! От ревности чуть в обморок не грохнулась...

– Наслышан о тебе, – у него потрясающая улыбка, – особенно о таланте кулинара. Может, пригласишь нас с Катей в гости? А то Катя ведь никогда не попр...

Катя не дает Игнату договорить и бьет его в грудь. Тот делает вид, что ему больно и наигранно взывает. Они дурачатся, теребят друг другу волосы, а я медленно расплываюсь в улыбке. Уф! Только сейчас я ощутила, как сильно колотится сердце.

– Руссо ее от всех прячет, – смеется Катя. – Боится, что уведут.

Игнат одаривает меня пронизательным взглядом.

– Его можно понять, – усмехается он.

– Эй! – Катя делает вид, что обиделась, но Игнат притягивает ее к себе и целует в губы.

– Да мне собственно некуда приглашать, – смущаюсь я. – Я ведь живу в общежитии.

Оба замерли и покосились в мою сторону. Похоже, я их удивила. Их губы разлепились, они как-то странно переглядываются.

– Ну не все торопятся как мы с тобой, – пытается отшутиться Катя.

– И все же, мы ждем приглашения, Вера, – настаивает Игнат.

– Хорошо, постараюсь что-нибудь придумать. Может, приготовлю ужин здесь в бутике, когда Руссо вернется.

– Вот и отлично, – Катя отдает свой шлем Игнату и еще раз целует его в губы. – Позвони мне, когда будет свободная минутка. Уже скучаю.

– Сегодня три плановые операции, если только ближе к ночи.

Он хлопает ее по попе, она улыбается и идет к двери. Байк с ревом рвет с места и скрывается за первым поворотом.

Мой взгляд скользит по витринам мото-салона, где я ожидаю увидеть Руссо в обнимку с моделями, но баннера нет! Вместо него совсем другая фотография, она еще сексуальнее, но на ней нет Руссо, и меня это вполне устраивает. Несколько секунд я стою перед витринами, а потом бегу в бутик. Меня переполняет радость, лицо светится от счастья, я готова побежать вприпрыжку, но вовремя себя одергиваю.

С Санчесом мы едем в швейный цех. Все та же девушка выполняет наш заказ. Это брюки для Адама. Он уже звонил в бутик и Катя безумно счастлива от того что я сама буду контролировать переделку.

На обратном пути спрашиваю Санчеса о парне Кати.

– Он врач?

– Хирург, – кивает Санчес. – Они с Руссо учились в одной группе.

– Где учились? – не понимаю я.

– В меде.

Вот это да! Руссо окончил медицинский институт?! Я в шоке! Никогда бы не сказала, что он имеет хоть отдаленное отношение к... и тут меня пронзают воспоминания. Черный кейс. Он же накладывал швы Сане. Как много я о нем еще не знаю!

Не успели мы припарковаться у бутика и выйти из машины, как выскакивает Катя и просит меня отвезти заказ клиенту.

– Мне нужно забрать свою сумку, и я хотела еще раз осмотреть брюки и избавиться от всех наметочных швов.

– Хорошо-хорошо, только потом сразу езжай к клиенту.

– На метро? – уточняю я, брюки дорогие и мне не хочется рисковать.

– Нет-нет, он пришлет машину.

– В смысле? – я опешила.

Катя уже уходила, но моя реакция заставила ее повернуться и объяснить.

– Он очень занятой человек, Вера. Брюки ему нужны уже вечером, а приехать он не может, попросил, чтобы его водитель тебя подвез до офиса, а потом он же отвезет тебя, куда скажешь, в общежитие или институт, – я все еще не отвечала и никак не реагировала и Катя добавила: – Можешь не беспокоиться, Адам очень воспитанный человек и мой друг, он не позволит себе ничего лишнего.

Я точно знаю, что Руссо это не понравится, но говорить это вслух не хочу. Катя и сама должна это понимать.

Когда я осмотрела брюки, завернула их в фирменный пакет бутика, и со всеми попрощалась, у входа меня уже ждал серебристый «Бентли». Водитель открыл передо мной дверь и предложил выбрать напиток из бара на выбор. Я смутилась и отказалась.

Офис Адама располагался в одной из башен «Москва-Сити». Я часто видела этот комплекс небоскребов в журналах, но вживую впервые. Это грандиозное зрелище, которое переворачивает представление об архитектуре. Ты словно попадаешь в другое измерение.

«Бентли» припарковался перед небоскребом «Меркури Сити Тауэр», где на входе меня встретил худощавый парень в сером костюме и повел в просторный вестибюль, от вида которого у меня захватил дух. Казалось, мы целую вечность

поднимались на сорок пятый этаж. За это время я успела разглядеть своего спутника. Модная стрижка, сшитый по фигуре костюм, дорогие часы, этот парень, наверное, зарабатывает в месяц больше, чем весь наш поселок.

Когда двери лифта распахнулись, я увидела стойку рецепции, а за ней брюнетку модельной внешности. Она одарила меня сдержанной дежурной улыбкой и попросила подождать, но парень, сопровождающий меня, вклинился в разговор.

– Велено привезти сразу, безотлагательно.

Брюнетка выпучила глаза, но промолчала. До меня вдруг дошло, не много ли почестей для обычной швеи? Прислали машину, потом сопровождающего и незамедлительная аудиенция.

– Не обращайтесь на нее внимания, – успокоил меня провожатый, – корчит из себя Мать Вселенную.

Сдержано улыбаюсь и следую за «серым костюмом». Мы вошли в приемную круглой формы с красивым витражным потолком. Стены обиты гладкими деревянными панелями из экзотического дерева. Парень сел за рабочий стол.

– Адам сейчас освободится, может кофе или чай?

– Нет, спасибо, – я слишком нервничала, чтобы что-то выбрать, а потом еще и пить.

Через минуту двустворчатые двери кабинета распахнулись. На пороге показались двое мужчин и Адам. Я почему-то вскочила с места, пакет зашуршал и привлек всеобщее внимание. Они что-то обсуждали, но увидев меня, замерли.

– Здравствуй, Вера, пожалуйста, проходи, – спокойным тоном произнес Адам, словно мы давно знакомы.

Кабинет Адама – олицетворение богатства и могущества. Сам он невысокого роста, но этот кабинет явно придает ему весомости. Через огромные панорамные окна город как на ладони. В центре кабинета круглый стол для переговоров, рядом письменный стол Адама. В дальнем углу торшер и кушетка, обитая черной кожей. Весь кабинет утыкан антикварными предметами. На стенах картины с замысловатыми сюжетами. Бьюсь об заклад, что они стоят целое состояние.

Адам вернулся в кабинет и плотно прикрыл двери. Здесь, в привычной обстановке, он выглядел более раскованным, чем в примерочной кабинке бутика. Я стояла у окна и наслаждалась видом.

– Завораживает, не правда ли? – он встает позади меня слишком близко и я на всякий случай, отодвигаюсь.

– Для вас, наверное, уже привычно, – не собираюсь восхвалять ни этот вид, ни его кабинет.

– Верно подмечено, – он переминается с пятки на носок и убирает руки в карманы брюк. – Поначалу очень даже завораживал, но потом я стал воспринимать это как данность.

Утром мне неохота было ехать в общежитие и София одолжила мне свои вещи: сильно приталенное горчичного цвета платье с молнией сзади и черные туфли на каблучке и платформе. Вижу его отражение в стекле, он осматривает меня с головы до ног и от этого мне не по себе. Когда его взгляд приклеивается к моей попе, поворачиваюсь, протягиваю пакет и говорю:

– Я привезла ваши брюки, где вам удобно померить?

– Прежде чем мы отправимся на примерку, мне бы хотелось изложить причину, по которой я попросил тебя приехать.

Жестом он предложил присесть в кресло и сел рядом.

– Видишь ли, я немного похудел и мне нужно полностью переделать гардероб. Я бы нанял людей, вот только есть маленькая проблема: я не терплю прикосновений. Мама и моя девушка – исключение.

Теперь мне понятна его реакция в примерочной.

– С тобой вроде я уже тоже смирился.

Я не скрываю своего удивления, палец-то еще побаливает.

– Да, первая реакция у меня была такая же, как всегда, но потом все наладилось.

– Прежде чем давать согласие, могу я посмотреть ваш гардероб?

– Конечно, мои апартаменты в этом же здании.

Он вскочил, следом поднялась и я. Быстрым шагом он преодолел кабинет и вышел в приемную.

– Константин, я на сегодня все, – парень в сером костюме вытянулся по струнке и кивнул. – Если у Олега будет, что мне сказать по итогу утреннего совещания, милости прошу. Но с другими меня не связывать.

– Понял вас, – с готовностью ответил Константин и открыл перед Адамом дверь в общий холл.

Мы подошли к лифтам, Адам вцепился мертвой хваткой в мой локоть. Мне это было неприятно, но одергивать при всех руку я постеснялась. Проходящие мимо сотрудники улыбались и оглядывали нас с интересом. Кабина лифта открылась, мы вошли внутрь. За нами последовал охранник, но Адам выставил руку и резко произнес:

– Поднимитесь следом.

Тот кивнул и тут же вышел.

– Ты учишься? – спросил Адам, нажимая кнопку семидесятого этажа.

Я подметила, что к охраннику он обратился на «вы», а ко мне с самого прихода на «ты». А еще мне показалось, что он уже знает ответ на свой вопрос. Я назвала учебное заведение и прижала сумочку к бедру, от одной мысли, что мы поднимаемся на такую высоту, у меня закружилась голова.

– Ректор Академии мой знакомый, так что если у тебя будут проблемы, обращайся.

– У меня все в порядке, но спасибо, что предложили.

Мы выходим из лифта, другой охранник открывает перед нами дверь. Заходим в квартиру с невероятно изысканным дизайном. Атмосфера резко отличается от офисной. Мебель более изящная. Яркие акценты присутствуют в каждой комнате. Адам проводит меня через просторный холл и гостиную в приватную часть апартаментов, где его спальня, кабинет и гардеробная соединены одним коридором.

Из спальни выпорхнула девушка юго-восточной наружности, то ли китайка, то ли японка. По-русски она говорила плохо, с сильным акцентом и периодически переходила на английский. Он представил меня и сказал, что я буду заниматься его гардеробом. Меня поразило, как девушка на меня отреагировала, словно меня вовсе не существует, а есть только он и его поверхностные бесстрастные поцелуи.

Между ними состоялся странный разговор:

– У тебя глаза красные. Ты плакала, Мэй? Ты ведь обещала не плакать...

– Больше не быть, – девушка помогла снять Адаму пиджак.

– Если будешь так реагировать, я отправлю тебя в Нью-Йорк.

– Я сказать, больше не быть. Проверь завтра.

– Даже не сомневайся. Проверю.

Пока они обменивались любезностями, я осмотрела гардероб Адама, и к тому моменту, когда он ко мне присоединился, мне уже был понятен масштаб работы.

– Я и за месяц не успею все переделать, – откровенно призналась я.

– На самом деле все переделывать не надо, – он отложил несколько костюмов в сторону, – вот эти самые ходовые, так что начнем с них.

Не стесняясь, он разделся и остался в одних носках и боксерах, поначалу меня это смутило, но по мере примерки я смирилась, ну не выходить же ему каждый раз в спальню, чтобы переодеть брюки. Кожаные брюки сели идеально, Адаму понравилась переделка, и мы приступили к его основному гардеробу. Каждый раз он высказывал свои пожелания, я наматывала швы и делала пометки в блокноте, который он мне принес из кабинета. Затем отрывала из блокнота лист с записью о переделке и вкладывала в карман пиджака или брюк.

Периодически нас прерывали: звонил Константин и согласовывал расписание Адама на следующий день. Потом заглянула Мэй и сказала, что едет на ужин с подругой. Адам нахмурился, она поняла, что он забыл, и спросила, не отменить ли ей встречу. Но Адам сказал, что все в порядке, он найдет, чем заняться и попросил ее не беспокоиться. Мы работали уже второй час, и я порядком утомилась, когда в гардеробную вошел мужчина лет тридцати пяти, лысиной и носогубными складками похожими на Брюса Уиллиса. По разговору я поняла, что это тот самый Олег, которого ждал с докладом Адам.

Я предложила прерваться, но Адам кинул отрывистое «нет» и продолжил обсуждение с Олегом, а когда нужен был его комментарий по переделке, он тут же отвлекался и делал замечания. По их разговору я поняла, что нанятая команда рекламщиков занимается продвижением новой компьютерной игры. Адам был

недоволен результатом их работы и вносил постоянные поправки в дизайн и сценарий.

К концу второго часа Олег нас покинул, а мы занялись джинсами, ох, их у него было больше дюжины, разных фасонов и расцветок.

– Вера, не хотите разделить со мной ужин? Мэй меня покинула, а ужин в одиночестве вгоняет меня в тоску.

Я согласилась, хотя не без опаски. Как отнесется его девушка к тому, что я переместилась из гардеробной в столовую?

Мы оговорили перечень того, что нужно переделать в ближайшее время.

– Завтра мой водитель привезет вещи в бутик. Как скоро вы сможете вернуть мне первую партию?

– Я поговорю с Катей, если она будет не против, постараемся подключить сразу несколько мастеров. Только не присылайте водителя до моего разговора с боссом, я вообще не уверена, что она согласится.

Он скривился в ухмылке, давая понять, что Катя не проблема, затем показал мне на ближайшую дверь.

– Ванная. Если вам нужно перед ужином припудрить ваш идеальный носик.

Аристарх

Зорекс еще не подействовал. Башка гудит. В желудке революция. Не знаю, какую дрянь мы пили, но как только я вошел в номер, открылась рвота и битый час я провисел над хваленным японским унитазом. Знали бы узкоглазые, как русские мужики будут его использовать, может, придумали бы дополнительную опцию типа кнопочки «Рассол» или «Апохмилин». Блин, благое бы дело сделали, а так приходится шарить в аптечке.

Встаю под горячий душ и тру себя мочалкой. Кожа покраснелась так, что еще минута и я получу ожог. Я ненавижу себя! И я прикончил бы себя сейчас, если бы духу хватило. Впервые я задумался, что сексом глушу свои прошлые обиды. Но та, что меня бросила, живет сейчас припеваючи, а из-за моих ошибок страдать будем мы с Вероной. Мне нужно пересмотреть свое отношение к жизни,

к сексу, к работе. Дать себе еще один шанс, пусть он ничтожно мал, но попробовать стоит.

Я хочу быть с Вероной, быть только с ней одной. До этого дня я этого не понимал, но сейчас, стоя здесь, в душе, я принимаю окончательное решение.

Выхожу из ванной и проверяю телефон. Хорошо, что во время своего рандеву я ей не звонил и не писал.

Набираю заветный номер, слышу ее голос и по сердцу разливается бальзам. Она трещит о каком-то доме, куда переехали подруги и говорит, что хочет жить с ними, что у нее своя спальня, ванная и гардеробная. Описывает в красках мне обстановку. Я разлепляю пересохшие от похмелья губы и еле слышно говорю:

– Я соскучился, Верона. Мне безумно тебя не хватает. Хочу прижать тебя так сильно, чтобы аж все твои косточки затрещали. Ты мне нужна, как воздух, – к горлу подкатывает комок и не дает говорить, голос предательски срывается. – Без тебя все пресно... уныло. Я будто не живу вовсе, а двигаюсь... на автомате. Хочу зарыться лицом в твои волосы... вдыхать запах...

Я говорю, говорю, не могу остановиться, меня, будто прорвало. Она молчит, но по учащенному дыханию понимаю, что она тоже взволнованна.

– Мы должны быть вместе, Верона. Я хочу тебя, хочу тебя всю без остатка. Хочу дарить тебе удовольствие. Видеть, как ты таешь в моих руках, как краснеешь от моих едких шуточек. Хочу принадлежать только тебе.

– Я тоже хочу принадлежать только тебе, – ее голос дрожит и меня это еще больше раззадоривает.

Не помню, как закончил разговор, помню только, что повалился на кровать обессиленный и сразу заснул. Я чертов придурок! Чуть все не испортил!

Мне снилась Верона, она стояла на пороге моей спальни и улыбалась. Голая! Черт! Дальше так нельзя. Нужно ей сказать, что я от нее хочу.

Проснувшись, я оделся, нашел по инету ближайший тату-салон и выскочил из номера. Мне нужно закрепить свое решение болью и ее именем на теле, чтобы у меня не было ни единого шанса спрыгнуть с намеченного пути. Знаю, Оборотень убьет меня, если увидит хоть одну отметину, оставленную не его рукой, но ждать до приезда в Москву, нет сил.

Вера

К столу я вышла раскрасневшаяся, еле сдерживая улыбку. Как только от столика удалился официант в униформе ресторана, Адам шутливо спросил:

– Ты щипала себя за щеки?

– Что? Нет! С чего вы взяли? – я еще больше залилась краской.

– Просто девушки так часто делают, чтобы выглядеть привлекательнее.

– Впервые слышу, – призналась я.

– Хотя тебе это ни к чему, – Адам поднял бокал и предложил выпить.

Когда я пригубила белое вино, он продолжил:

– Ты вошла туда утомленной, а вышла с румянцем на щеках.

– Ах, вот в чем дело... – я улыбнулась, не могу сдержать своих эмоций. – Этому есть простое объяснение, пока я была в ванной, позвонил мой парень и сказал, то, что мне давно хотелось услышать.

– М-м-м, – Адам тоже пригубил вино, – значит, у тебя есть парень. А хотя, чему я удивляюсь, у тебя должно быть много поклонников.

Официант подкатил к столу тележку и начал расставлять глубокие тарелки.

– Министроне, – коротко пояснил официант и Адам кивнул.

– Мэй заставляет меня есть больше овощей. Но меня уже от них воротит.

Когда мы снова остались наедине, он вернулся к выбранной им теме.

– Редко встретишь девушку, которую бог наградил таким букетом прелестей: одухотворенное лицо, прекрасное точеное тело, в купе со скромностью и покладистостью. Идеальная амальгама для состоявшегося мужчины.

– Это вы все обо мне? – я вспыхнула как рождественская елка, наш разговор заходит куда-то не туда. – Думаю, ваша девушка не менее привлекательна и покладиста.

– Мэй красива и бесспорно имеет много достоинств, – согласился Адам, – а самое главное: в отличие от других женщин, она никогда не пытается меня переделать, а любит таким, какой я есть. Только это для меня ценно. Но если мы говорим о менталитете, то для тайек это норма, а вот среди русских женщин таких не сыщешь. Когда русская женщина влюбляется, сразу начинает диктовать свои

условия и подминать мужчину под себя, если у нее это не получается, идет в ход целая артиллерия хорошо отработанных премудростей: слезы, капризы, шантаж, манипулирование. Ты, Вера, пока не осознаешь, какой силой обладаешь и чего можешь достигнуть, стоит тебе только захотеть. Ты – необработанный алмаз и тебе нужен ювелир, который очень тонко проделает свою работу.

– Дайте угадаю, этот ювелир, конечно, вы! – заметила я с сарказмом.

Адам засмеялся и покачал головой.

– Нет, к сожалению. Один алмаз я уже нашел и обработал. А что до других... у меня уже нет времени...

– Бизнес? – я все еще ехидничаю.

– Болезнь, – выпалил он, и я снова залилась краской.

– Ох, простите, мне жаль...

– А мне нет, представь...

Он усмехнулся и принялся за суп, я последовала его примеру. Гнетущая неловкая пауза затянулась. Адам нажал на кнопку пульта, из динамиков полилась классическая музыка, атмосфера стала еще мрачнее. К счастью вошел официант уточнить, какие приправы добавлять во второе блюдо и Адам с видом знатока принял решение за нас обоих.

– До болезни, я воспринимал все как само собой разумеющееся. Сейчас как подарок судьбы. Прошел еще один день без приступов и боли – отлично. Я могу уделить время работе, могу заняться любовью с Мэй, которая всегда меня ждет здесь в апартаментах. Мои вкусовые рецепторы могут отличить птицу от креветки – превосходно!

Хотелось спросить, чем он заболел, но было неловко.

– После болезни я выкинул из своей жизни всех неудачников, всех кто тянул меня на дно. Сейчас я ходячий индикатор счастья. Я как лакмусовая бумажка, которая безошибочно выбирает счастливых людей. Вы влюблены и этим мне интересны, Вера. Я греюсь в лучах вашей влюбленности к вашему парню.

Все это было сложно и непостижимо для меня.

– Кстати, как его зовут?

– Секрет, – выпалила я.

Почему я так отреагировала, сама не поняла. Скорее всего, из-за того, что не знала, какое имя будет уместно сказать то, что дали родители или то, что он сам выбрал для байкерского клуба, а затем сросся с ним навечно.

– Странное имя, – по лицу Адама пробежала тень улыбки. – Но я сам странный. Наверное, поэтому и добился многого в бизнесе. Странные люди непредсказуемы и интересны.

Подали второе блюдо: запеченную рыбу с овощами. Опять овощи!

– Скоро мне станет хуже и Мэй уедет. Я так хочу. Не могу быть настолько эгоистом, чтобы позволить ей видеть, как я прохожу последнюю стадию. Дом опустеет без нее. Поэтому я все это распродам, а сам последние дни проведу на каком-нибудь острове. Там же и развеют мой прах.

– Сколько вам осталось?

– Никто толком не знает... может полгода, может год... еще может наступить ремиссия...

Больше мы не говорили. Я не знала, как его утешить, а он не знал, что еще у меня спросить.

Когда ужин был закончен, Адам проводил меня до двери и холодно попрощался. Все тот же водитель довез меня до общежития и проводил до комнаты. После посещения коттеджа Софы и апартаментов Адама комната в общежитии показалась мне такой убогой, что хотелось поскорее собрать вещи и уехать на такси к подругам. Но усталость взяла свое. Завтра я решила посетить две первых пары, а потом поехать в бутик и переделать первую партию костюмов Адама.

Аристарх

Выхожу из номера, в одной руке сумка, в другой ноут. Оплачиваю на рецепции проживание, и жду, когда моя банковская карта пройдет проверку. Весь вчерашний день я провел в бегах. Сначала сделал татуировку. Потом полдня мурожился с оплатой битой тачки. Мне выкатили такой счет, что я чуть кони не двинул. Пришлось подключать бухгалтера, юриста и бодаться за каждый доллар. В итоге сумма сократилась в три раза и только тогда я поставил свою подпись на

акте. Потом поехал с одним из «рыжиков» в подпольный бойцовый клуб. Без местных меня бы на дух туда не пустили. Навел мосты и теперь у Годзиллы будет полный доступ к видеотеке этого клуба. Так что если на горизонте замаячит подходящий боец, он сможет сделать свое предложение.

Вечер я провел в номере, разгребая дела с другими партнерами. Наметил встречи в Москве с теми, кто давно хотел от меня избавиться. Я твердо решил подчистить все дела, прежде чем мы с Вероной окажемся вместе. Выйду из «грязного» бизнеса, а свою долю вложу в новые проекты, за которые не будет стыдно. Первым делом по прилету навещу Бармалея и выведу прайсы из стрип-клуба. Там я часто пользовался служебным положением, занимал Vip-кабинку и несколько часов «устраивал собеседование» с новенькими стриптизершами. Не хочу, чтобы Верона знала об этом месте. Потом поговорю еще раз с Бизоном насчет ночного клуба. Чикс я там не снимал, но клуб кишел наркоманами и дилерами и этим отстоем я тоже не гордился.

Администратор с улыбкой пожелала приятного пути и протянула мне банковскую карту. Я вышел из отеля, сел в такси и хотел уже открыть ноут, как в стекло забарабанили. Поднимаю глаза и вижу Нону. На кой черт она сюда приперлась! Опускаю стекло, она начинает тараторить:

– Руссо, прости меня, я та еще сука!

Хмурю брови. О чем это она?

– У нас ничего ночью не было. Я легла с тобой под утро. Ты был в отключке и ничего не слышал. Бормотал про то, что хочешь в Верону.

Дура! Я хочу Верону, а не в Верону! Хотя можно и так сказать... Ее слова похожи на правду, ведь я не нашел презиков... Значит, у нас не было секса! Черт! Я чуть не снял с себя скальп! Если бы сам немного над этим поразмыслил, может, дотумкал и без нее, но меня захлестнуло чувство вины и мозг отключился.

– Я пыталась весь вечер, хотела выиграть спор! Фак! Ну и не только. Дважды уже вроде все было на мази, но ты срывался и бежал в душ. Стоял под холодной водой, пока не синел. Видя твои мучения, я сдалась. Прости...

– А ты не такая конченная сука, как кажешься, Нона. Береги себя, – сказал я и закрыл окно.

У Ноны вид как у побитой собаки. Мне ее немного жаль, но надеюсь, что и она встретит того самого, кто будет только для нее. Я уже такую встретил...

Такси помчалось в аэропорт, а я так и сидел с ноутбуком на коленях, пялился на экран и ровным счетом ничего не видел. Меня накрыло так, что я не мог пошевелиться. Даже пьяный я умудрился себя контролировать, хотя Нона та еще бестия. Я себя не узнавал. Я менялся, причем так быстро, что не успевал это осознать.

В аэропорту у стойки регистрации вижу Морского Дьявола и его девушку. Следом за мной подъезжает Тимур и его тренер. Все в сборе, идем на регистрацию. Девушка бойца постоянно трещит и задает кучу вопросов о жизни в Москве. Я украдкой прошу работницу аэропорта посадить меня подальше от нее. Она улыбается и кивает. Иногда мое обаяние служит на благое дело.

Впереди девять адских долгих часов полета. В зоне ожидания я закидываю Верону смсками. Из меня прут такие чувства, каких я раньше ни к кому не испытывал. Знаю, она уже спит, но надеюсь, когда прочтет, подумает обо мне и о том, что будет между нами в ближайшие дни. Я хочу ее, хочу всю без остатка. Теперь она моя!

Вера

Проснулась я ночью от звуков поступающих сообщений. За окном завывает ветер, ветки деревьев бьются в окно с такой силой, кажется, еще немного и стекло разобьется на мелкие осколки. Тянусь к телефону и вижу сообщения от Руссо. Он возвращается! Я соскакиваю с кровати, подпрыгиваю и кричу «Йес!». Я так соскучилась что, наверное, когда его увижу, сердце разорвется на части.

Сообщения сыпятся на телефон, как горох и я только успеваю их читать.

Я в аэропорту. Прошел регистрацию.

Лечу домой!

Скорее бы тебя увидеть!

Я соскучился! Никогда ни по кому так не скучал!

Каждую минуту думаю о тебе. Вспоминаю твои глаза, твой запах, твои губы! Ты такая сладкая!

Я кое-что сделал, надеюсь тебе понравится. Теперь ты связана со мной навсегда!

Моя Верона! Ты – моя!

Прижимаю телефон к груди, внутри такой пожар, не чувствую ни ног ни рук. Меня переполняют чувства. Падаю на кровать и от счастья заливаюсь слезами.

Сажусь в самолет!

Еще девять часов без тебя! Это так долго! Я с ума сойду!

Наконец-то я собираюсь с силами и пишу ответ:

Хочу скорее тебя обнять! Ты снова заставляешь меня плакать, но теперь уже от счастья ☺.

Обнять? Верона, одними объятиями ты на этот раз от меня не отделаешься! Я тебе давал время, оно истекло. Когда мы увидимся, все будет по-настоящему! Ты к этому готова?!

Сердце заколотилось так, словно выпрыгнет сейчас из груди. Что ответить? Я готова? Мне кажется, я к этому никогда не буду готова, но вспомнив, что со мной приключилось за последний месяц, пишу, что готова.

Когда я приеду, положу тебя на кровать и заласкаю до обморока!

Все! Просят выключить телефон. Жди меня!

Я краснею и закрываю ладонями лицо. О, боже! Я сейчас самовоспламенюсь! Его слова привели меня в такое возбуждение и смятение, что мне понадобился не один час, чтобы успокоиться.

Утром погода такая, что из общежития не выйти. Дождь льет как из ведра. Шквальный ветер валит деревья. На втором этаже в комнате девочек с третьего курса ночью из-за поваленного дерева разбилось окно. Половина группы стоят в вестибюле и решают, как добраться до метро. Кто-то из персонала сказал, что подход к подземному переходу в метро затоплен.

Возвращаюсь в комнату и пишу смс Кобре, она сразу перезванивает и говорит, что сама придет за мной. В ожидании я села за конспекты. Мне нужно наверстать две пропущенные пары.

Я как раз дочитывала лекцию, когда Кобра добралась до общежития. Вооружившись зонтиком, я побежала к машине и еле увернулась от падающей ветки.

– Во хрень какая! – кричит Кобра. – Сидела бы ты в общежитии сегодня.

– Мне надо успеть хоть на вторую пару, а потом поеду в бутик. У нас сложный клиент, нужно переговорить с Катей. Я обещала ему закончить сегодня первую партию переделки.

– Что за переделка? – Кобра сдает назад и вырывается на шоссе.

Я отмахиваюсь, мол, долго объяснять. Машина мчится к Академии и чем мы ближе, тем сильнее меня одолевает беспокойство.

– А далеко отсюда до Шереметьево?

– До Шарика? Далеко, а что?

– Руссо должен скоро приземлиться, но что-то мне не айс...

Она смотрит на меня с подозрением.

– Что ты имеешь в виду?

– Предчувствие какое-то. Можешь меня отвезти в аэропорт?

– Да это охренеть как далеко! – возмущается Кобра, но поймав мой умоляющий взгляд, закатывает глаза и перестраивает маршрут в навигаторе.

Мы едем в аэропорт, дождь заливает лобовое стекло. Кобра опытный водитель, но даже ей ехать чрезвычайно трудно. Мы буквально не видим дороги и едем на ощупь. Улицы опустели, смельчаков выйти под такой ливень все меньше и меньше. Машины тянутся вереницей, красный свет задних фар впередиидущих машин дает ориентир для направления.

Я поглядываю на часы и изнываю от неизвестности. Как в такую погоду приземлится самолет? Это нереально! Пальцы барабанят по подлокотнику, ноги отплясывают в нервном ритме. Мое волнение передается Кобре, она тянется к телефону и набирает справочную службу аэропорта.

– Девушка, здравствуйте, скажите, самолет из Владивостока уже прилетел?

– минутная пауза, затем Кобра спрашивает: – А когда будет точная информация?

По ее лицу я пытаюсь понять, что не так. Она хмурится, нервно покусывает губу.

– Рейс задерживается, – поясняет она, – точной информации пока нет. Одно хорошо, мы не опоздаем к прилету.

Мои опасения подтвердились, что-то не так! О, боже! Как же страшно, а вдруг с самолетом что-то произойдет?

Остаток пути мы едем молча, не хочу надоедать Кобре, ведь она мне точно ничем не сможет помочь. По ее виду понимаю, что она тоже на взводе. Через час она снова набирает справочную аэропорта, ответ такой же. На глаза наворачиваются слезы, украдкой достаю из сумки платок. Стараюсь не думать о самом плохом, но это как не думать о белой обезьяне. Воображение рисует трагические картинки и каждый раз один и тот же исход – горящий самолет.

Подъезжаем к аэропорту. Все окутано густым туманом. Пока Кобра паркуется, я бегу к табло с расписанием. Напротив рейса из Владивостока безликая надпись «рейс задерживается». Но это не единственный рейс с таким статусом. Рядом стоит какой-то пожилой мужчина и кому-то по телефону говорит, что рейс из Новосибирска отправили на запасной аэродром. Я спрашиваю, где этот аэродром, он смотрит на меня как на сумасшедшую. Что я такого спросила? Или у меня такой безумный вид?

Кобра тянет меня за рукав плаща.

– Беби, нам нужно найти справочную.

Аристарх

Смотрю на свои «Дизели»¹, мы должны были приземлиться час назад. Самолет кружит над Москвой, но не садится. Проклятье! В иллюминаторе серая стена из дождя, ни хрена не видно. Нас капитально потрясывает. Сильный боковой ветер. Все нервничают. Стюардессы бегают то к одному, то к другому пассажиру. Какая-то бабка истерит. Рядом тетка молится. Дети орут. Я в аду!

Говорят, в такие моменты жизнь проносится перед глазами. У меня ни хрена не проносится. Я безнадежен. Оглядываюсь назад, девушка Морского

¹ Дизели – марка часов Diesel.

Дьявола с зеленым лицом уткнулась своему парню в широкую грудь. Тимур и его тренер бросают на меня встревоженные взгляды, будто только я могу их успокоить. Вот сейчас рассказы Светки пришлись бы в масть, и я жалею, что мы не встретились на обратном пути.

После очередной встряски закрываю ноут, все равно ни хрена прочесть не могу. Закрываю глаза и думаю о Вероне. Она, наверное, сейчас в Академии, грызет гранит науки. Вспоминаю нашу первую встречу, как я завалил ее на капот своей тачки и впервые взглянул в глазищи, как две фары. Тату на груди пощипывает, напоминая о моем самом важном решении за последние три года.

– Уважаемые пассажиры, в связи со сложными погодными условиями посадка будет произведена в Нижнем Новгороде.

Нижний Новгород? Вы что издеваетесь?! Проклятье! Что за херня! Кто-то там наверху решил испытать мое терпение!

Поворачиваюсь к своим попутчикам и пожимаю плечами. Что я могу сделать? В голове уже крутятся варианты, как доставить всю нашу гоп-компанию в Москву. Эта поездочка – сплошные траты!

Вера

– Самолет сядет в Нижнем Новгороде?! – не знаю радоваться или плакать.

С одной стороны раз посадка перенесена на запасной аэродром, то с самолетом все в порядке, с другой стороны, еще несколько часов я не увижу Руссо.

– Беби, я отвезу тебя в бутик.

Я киваю, вид у меня, как у потерявшегося котенка.

Мы едем молча, мне так стыдно за свою панику. Лучше бы я сидела в общежитии, как и говорила Кобра. Но даже сейчас я чувствую тревогу и не могу понять, почему меня не отпускает. Открываю телефон и читаю снова и снова сообщения Руссо. Ох, сколько страсти и напора! Я улыбаюсь. Настроение немного улучшается.

В бутике меня у входа встречает Римма и просит зайти в кабинет Кати. Я уже знаю, о ком пойдет речь и бреду как на казнь. Честно говоря, мне не хочется

заниматься гардеробом Адама, но стоит ли в этом признаваться боссу? Скажет, вот работница у меня какая распрекрасная! Это хочу, это не буду.

– Заходи, Вера, – машет мне Катя, увидев меня на пороге. – Мне утром звонил Адам и объяснил поставленную задачу. В принципе я не против, но... – увидев мой кислый вид, она спросила: – Что?

– Я надеялась, что ты скажешь «нет». Там работы непочатый край. Не знаю, как совместить работу в бутике и Адама.

– Сегодня из отпуска вышел Борода, наш мастер. Он работает быстро, так что не переживай. И потом я уже сказала Адаму «да», его водитель только что выехал к нам.

О, боже! Сегодня день сплошных разочарований. Какая же я недотепа, нужно было позвонить Кате с самого утра.

Прибыла первая партия гардероба и мы с Санчесом поехали в швейный цех. Как только я увидела Михея, сразу поняла, почему у него такая кличка. На конкурсе бородачей он бы занял почетное место. Он очень стильный, но его манера одеваться все же отличается от Руссо. У него модная стрижка, узкие черные брюки с отороченными манжетами и черная футболка с принтом «I'm a hipster». Красная рубашка в клетку-шотландку повязана на бедрах. У него медовые глаза и обворожительная улыбка.

Мы сразу нашли общий язык и занялись гардеробом Адама. Я рассказала об объеме заказа, и он посоветовал разбить его на три партии. Борода работал не просто быстро, а феноменально быстро. Его руки виртуозно обращались с оборудованием и тканью. Он словно был создан для этой работы, мне нравилось, что он постоянно при этом напевал. Голос у него хоть и высокий, но мелодичный и приятный.

Пока он работал я от нечего делать начала набрасывать рисунок пряжки для ремня Сани, футболки с принтом меня не впечатлили. Я решила, что пряжка для ремня должна быть как-то связана с байкерским клубом. А что рисовать как не сову? Несколько набросков я тут же забраковала, а последний мне понравился, и я начала его дорабатывать.

Услышав присвист Бороды, я подняла голову и улыбнулась.

– Что скажешь?

– Прикольно, что это?

Я рассказала о своей задумке и Борода воодушевился. Теперь, когда он узнал, что Курт мой брат, и я готовлю ему подарок, его распирало от желания помочь. Он подвел меня к неразговорчивому хмурому пареньку и показал ему рисунок.

– Серега, можешь сделать пряжку по наброску?

– А то, – пробурчал мастер.

– Как думаешь, из какого метала?

Сергей взял мой эскиз и внимательно рассмотрел.

– Такую модель только из серебра надо делать.

– Из серебра? А это дорого будет? – конечно, меня интересовал финансовый вопрос.

– Для своих – нет, – ответил Серега.

Борода одобритительно хлопнул его по плечу.

– За сколько дней сделаешь?

– За недельки две.

Я сникла, день рождения через неделю.

– А раньше никак?

Сергей смеряет меня оценивающим взглядом, от которого я непроизвольно ежусь.

– Ну, если постараться, то можно и через неделю.

С облегчением выдыхаю. Интересно, что выйдет из моей задумки?

– Ты ему явно понравилась, – сделал вывод Борода, когда мы отошли в сторону. – Других бы он сразу послал.

– А как же быть с самим ремнем? Где мне достать кожу?

– За это не беспокойся. Я сам сделаю тебе ремень. Ты только скажи, какую строчку хочешь, и какого цвета сделать нитки. Контрастные или в тон?

Я задумалась.

– Если пряжка серебряная, то нитки на ремне должны быть либо белые, либо светло серые.

– Мне нравится ход твоих мыслей, – улыбнулся Борода.

Меня распирало от счастья. Даже Санчес поспешно закончил разговор со своей девушкой и подтянулся к нам.

– Чё по чём?

Рассказываю ему, какой я хочу сделать подарок брату и показываю сову.

– Ух, ты! Здорово! А можешь мне нарисовать сову как на тату у Руссо на спине? Хочу такую футболку сделать.

Нас захватил творческий кураж, Борода после короткого перерыва вернулся к работе, а мы продолжили обсуждать, какие можно сделать принты на футболках. Санчес сказал, что может любой мой рисунок от руки прогнать через сканер и загрузить в программку, в которой его подправит и отретуширует. Это идея засела у меня в голове, и я уже знала, что нарисую в первую очередь.

Я поймала себя на мысли, как же я далека сейчас от учебы в Академии и не совершила ли я ошибку, что послушала маму и поступила на «Финансы и кредит». Мне хотелось находиться в таком месте, как это и ежедневно видеть плоды своего труда, ну и, конечно же, довольное лицо клиента.

Периодически я посматривала на экран телефона, не пришло ли сообщение от Руссо. Даже пару раз набирала его номер, но в ответ металлический женский голос сообщал, что абонент все зоны сети.

К бутику мы подъехали, когда на город опустилась ночь. Я попросила Катю позвонить Адаму и прислать водителя, а сама прошла в мастерскую, начала отпаривать одежду и упаковывать ее в чехлы. Мне на помощь пришла Римма и дело пошло в два раза быстрее. Да, вот сейчас, когда помогают лично мне, манера управления Кати мне кажется очень эффективной!

Мы все упаковали и повесили на отдельную вешалку. Я собралась домой, и Санчес как всегда вызвался меня подвести до метро. Мы уже выходили из бутика, когда увидели подъезжающий «Бентли». Из машины вышел водитель, но к моему удивлению не вошел в бутик, а открыл заднюю дверь. Адам приехал сам!

– Вера, добрый вечер, – его голос звучал мягко, но сдержанно.

Я поздоровалась, Санчес навис над нами.

– Извините, я украду вашу девушку на полчаса, – Адам сама деликатность.

– Мне бы хотелось самому оценить переделку.

Не понимаю, почему он мне не доверяет. Сам приехал в такую погоду! Да еще и мне не дает вовремя уйти.

– Э-э-э, вообще-то я коллега, а не парень Веры.

Я чуть ногу не отдала Санчесу, мог бы и притвориться разок.

– Тогда мы вас покинем, – сказал Адам и, вцепившись в мой локоть, повел назад в бутик.

На входе нас встретила Римма и расплылась в самой обворожительной улыбке. Из офиса выпорхнула Катя. Они с клиентом любезно обменялись приветствиями. Адам еще раз поблагодарил ее за услугу. Он понимал, что это не совсем наш профиль и ценил потраченное время.

– Отлично, Вера, все отлично, – сказал он, примеряя первый костюм.

На душе отлегло, ну хоть тут все в порядке.

– Трудно подумать, что какие-то дурацкие две минуты могли нас сегодня разлучить. Честно говоря, я думал, что ты еще занята заказом. А ты просто метеор, так быстро управилась.

Мы с Катей украдкой переглянулись. Этим взглядом я как бы говорила, вот так твой друг ведет себя с первой минуты нашего общения вне бутика. Катя кивнула и когда примерка закончилась, спросила:

– Адам, может, мы отпустим Веру? Уже поздно...

– Я сам отвезу ее, – категорично заявил он, да так, что никто не посмел ему перечить.

Меня это совсем не радовало, вчера он раздевается передо мной до трусов, потом ужинает со мной, а сегодня повезет в общежитие. Я уже хотела возразить, но Катя сама пришла мне на помощь.

– В этом нет необходимости. Я сама отвезу ее, у нас были планы на сегодняшний вечер и эти планы отменить никак нельзя.

Я сжалась. Адам видел, как я хотела уехать с Санчесом, Кати там близко с ее планами не было. Конечно, он понял, что это вранье, но Катю это не смутило. Она подбоченилась, давая ему понять, что не отступит.

– Жаль, очень жаль, – тон ледяной, губы Адама задрожали, и мне стало не по себе. – Проводишь меня, Вера?

Киваю, это уж я могу сделать, только поскорее бы уехал.

Он переодевается, мы выходим из бутика и идем к его машине. Водитель одной рукой держит над нами огромный зонт, другой открывает перед Адамом дверь, но тот игнорирует, разворачивается ко мне и с надрывом говорит:

– Глупо обижаться, я ведь не предупредил, что кое-что запланировал для нас, но чувствую себя так, будто меня отшили, как школьника.

Планы? Так я и знала! Ни в какое общежитие он бы меня не повез.

– Адам, я вас не понимаю.

– Еще ты постоянно мне «выкаешь». Почему? – он хватает меня за плечи и разворачивает к себе. – Тебе тяжело говорить мне «ты»? У нас ведь не больше пятнадцати лет разницы в возрасте. Я что такой старый?

Я таращусь на него, не зная, что ответить. Он ведет себя как капризный подросток. Может болезнь так на него влияет?

– Ох, Вера, лучше бы ты накричала на меня, сказала, чтобы я убрался подальше, – взмолился он. – Твое молчание невыносимо.

– Мне кажется, сейчас самый подходящий момент сказать друг другу спокойной ночи, – я сказала это как можно жестче.

С минуту он не сводил от моего лица глаз, потом натянуто улыбнулся, и поцеловал в лоб.

– Спокойной ночи, Неограниченный Алмаз.

Затем он сел в машину и так громко хлопнул дверью, что я вздрогнула.

Что это было? Как мы перешли от примерки брюк к поцелуям в лоб? Если об этом узнает Руссо, то придет в ярость.

Именно в этот момент я, наконец-то, получаю сообщение от Руссо.

Самолет посадили из-за непогоды в Нижнем Новгороде! Ищу транспорт, скорее всего, в Москве буду утром.

Я тут же набиваю ему ответ:

Я ездила с Коброй в аэропорт, знаю про Н.Н.

Сумасшедшая! ☺

Когда речь идет о тебе – да!

Ты где?

В бутике. Закончила большой заказ. Устала. Еду в общежитие.

Спокойной ночи, детка!

Спокойно ночи.

Возвращаюсь в бутик, Катя уже стоит с моей сумкой. Вид озадаченный. Да, я знаю, поцелуй... и как объяснить это ума не приложу. Похоже, Катя не хочет при Римме это обсуждать и молча ждет, когда та переобуется и покинет рабочее место.

Катя включает сигнализацию и закрывает бутик. Мы садимся в машину, она злая и уже не скрывает своего настроения, но молчит, а первой я не собираюсь начинать разговор. Она отъезжает от бутика, скорость не набирает, машина ползет медленно. Катя хочет свернуть на первом же повороте, но резко давит на педаль тормоза, машина останавливается. Она чертыхается. Я прослеживаю за ее взглядом, у меня мороз пробегает по коже. «Бентли» Адама стоит в проулке.

– Расскажи мне все, Вера... до последней мелочи!

Утром меня разбудил звонок. Думала это Руссо, но оказалось Софа.

– Ты собираешься выбираться из этого дурацкого клоповника? – возмущается она.

– Который час?

– Половина седьмого!

– Ты чего в такую рань поднялась? – тру глаза, не могу поверить, что она меня так рано разбудила.

– В отличие от некоторых, мы с Анной уже позанимались йогой и позавтракали.

– Во даете!

– Так что с переездом?

Софа как клещ, если вцепилась, так не отцепиться.

– Сегодня приезжает Руссо, мне нужно с ним переговорить на эту тему.

– А причем тут Руссо? Вы что собрались съезжаться?

– Нет, конечно, нет. Просто есть одно дело... не могу сказать... переговорю и сразу скажу ответ.

– Сплошные загадки, Верона. Что-то ты темнишь!

Я прощаюсь и вылезаю из постели. Раньше я каждое утро начинала с интенсивной тренировки, а после начала учебы забросила. Все! Пора приводить себя в форму! Надеваю спортивные шорты и майку, полчаса выполняю заученные наизусть упражнения. Затем бегу в душ. На счастье как раз передо мной освободилась кабинка и мне не пришлось ждать. Но как только я открыла дверь, сморщилась от увиденного. Как можно оставить после себя столько грязи? Мечтаю уже о ванной в коттедже Софы. Там я буду чувствовать себя как королева.

Возвращаюсь в комнату. Съедаю банан и копаюсь в вещах. Что надеть? На улице все еще идет дождь, но уже не такой сильный как накануне. Раскладываю на кровати платье, которое погладила вечером.

На телефон пришло сообщение от Руссо.

Добрался до Москвы. Еду домой. Устал. Всю ночь не спал. Увидимся вечером.

Меня бросает в жар. Какой вечер? Я еле дожила до утра!

Взгляд снова останавливается на платье. Может мне надеть что-то более подходящее для моего первого раза? Первого раза?! Я что чокнулась?! Кажется, я раздваиваюсь, какая-то часть меня хочет быть с Руссо, другая кричит, что в самом начале учебы мне это совсем не нужно. Перед глазами всплывает строгое лицо мамы и я мгновенно остываю. Облачаюсь в платье, но опять откуда-то из недр моего сознания пробуждается новая сила, которая заставляет меня снять платье и надеть то самое белье, что подарил Руссо. Ладно, компромисс найден – платье для учебы, белье для первого раза!

От внутренней борьбы я заискрилась как новогодняя гирлянда.

Выбегаю из общежития. Раскрываю зонт и скрываюсь от морозящего дождя. Бегу к метро. Боже мой, когда же я начну учиться? Мне словно крышу сорвало с этим Игорем, теперь с Адамом. Может Руссо прав и ко мне липнет всякий сброд? Хи-хи, но он тоже ко мне липнет, значит, и он сброд? Ой, только ему этого говорить не нужно.

Слышу настойчивый автомобильный сигнал, оборачиваюсь, это Кобра. Бегу к машине, вижу, что на переднем сиденье сидит какой-то нерусский парень и застываю.

– Садись назад, быстро! – командует Кобра через опущенное стекло.

Лицо у нее сосредоточенное, словно она на сверхсекретном задании. У меня явно сегодня игривое настроение и я знаю, кто в этом виноват. Он там где-то спит, а я не могу собрать себя по кусочкам.

Сажусь в машину и здороваюсь.

– Вера, это Тимур, новый боец клуба. Он приехал с Руссо из Владика.

Тимур сидит ко мне вполоборота и внимательно разглядывает.

– Знал бы, что в Москве такие красивые девушки, то бегом бы сюда прибежал, – шутит он.

Я принимаю комплемент с натянутой улыбкой.

– Отвезу тебя в институт, а потом приеду за тобой к последней паре, – говорит Кобра и одаривает Тимура убийственным взглядом, но тот сосредоточен на мне и не замечает ее посылы.

– Так ты учишься? На кого?

– На банкира, – отрезаю я, чего он ко мне прицепился?

Кобра уводит разговор в другую сторону.

– Сколько вас приехало из Владика?

– Двое. Я и Морской Дьявол. Должен был еще третий, мой спарринг партнер – Глеб. Сейчас он в военном госпитале откисает. Последний бой был веселенький, – Тимур усмехается и продолжает: – Была такая заварушка, на выходе одного с ходу грохнули, Глеб схватил две пули, а Руссо счастливчик отделался испугом, хотя кто его знает, может, и нет, но с него же ничего не вытянешь.

– В Руссо стреляли?! – от лица отливает кровь, я на грани обморока.

– Эй! Не трепись! – злобно шипит на Тимура Кобра и поворачивается ко мне. – Беби, с ним все в порядке, я видела его утром и разговаривала.

Меня это нисколько не успокаивает, подбородок дрожит, я еле соображаю. Перед глазами мелькает лицо Руссо.

– Отвези меня к нему! – команду я.

– Я не знаю, где он живет, – признается Кобра.

– Я знаю! – называю адрес и повторяю просьбу, хотя она больше похожа на приказ.

Руссо даже словом не обмолвился, что был в смертельной опасности. Как это на него похоже. Обложил меня со всех сторон телохранителями, прослушкой, а о себе позаботиться невдомек.

Всю дорогу до дома Руссо Тимур сидел так тихо, что я даже забыла что он машине. Кобра то и дело бросала на него угрюмый взгляд. Я уже представила, какую головомойку она ему устроит. Мы подъезжаем к дому, на улице все еще накрапывает дождь и я открываю зонт.

– Мне тебя подождать? – спрашивает Кобра.

– Нет, езжай...

Вид у меня растерянный, она это видит и подмигивает.

– Не дрейф, все будет хорошо, – подбадривает она меня.

Выхожу из машины, меня всю трясет, дважды я чуть не подвернула ногу. Номер дома я знала, а вот квартиры – нет. И что теперь делать? Набираю телефон Кати и говорю, что стою перед домом Руссо, номер квартиры забыла, а он спит и не берет трубку. Катя называет номер и говорит, что это двадцать первый этаж.

Двадцать первый это не семидесятый, не так страшно.

На мое счастье из подъезда выходит девушка с собакой, я ей любезно улыбаюсь, прошу придержать дверь. Забегаю в лифт и жму на кнопку «21». Руки дрожат. Ноги отбивают нервный ритм. А вдруг Руссо не один и что тогда я буду делать? Нет-нет... зачем бы он тогда заваливал меня смсками...

Звоню в дверь, она самая красивая на площадке. Слышу шаги и замираю как вкопанная, шаги мягкие, женские. О, боже, помоги мне!

Дверь открывается, на пороге женщина лет пятидесяти. Я робко говорю:

– Я к Аристарху.

– Он спит, – грубо отрезает она.

Я мгновенно вспыхиваю, не знаю что делать, не окриковать же его с площадки. Она буравит меня испепеляющим взглядом и спрашивает:

– А вы, собственно, кто?

– Верона... м-м-м... т.е. Вера...

Дверь мгновенно распахивается, ее взгляд теплеет. Она знает обо мне?

– Проходите, – вежливо говорит она и отходит в сторону. – Он вас не ждал, но будет рад увидеть.

Почему она так в этом уверена?

Захожу в квартиру и осматриваюсь. Холл такой же графичный, как моя спальня в коттедже Софии. Пол черно-белый, а в центре квадрат из темной плитки с блеском. Встроенный шкаф с зеркальными откатными дверями сливается с серыми стенами. Яркий свет от встроенных в потолок светильников слепит глаза.

– Мария, – представляется женщина, – я тут главная по уборке и стирке.

Теперь понятно, почему она открыла дверь, но что-то в ее облике мне подсказывает, она для Руссо гораздо больше чем просто домохозяйка. Может родственница? У нее круглое лицо, курносый нос и русые волосы. Вокруг серо-голубых глаз глубокие морщинки.

Я разуюсь и прохожу в гостиную. Это большая комната, разделенная на две половины: столовую, которая выглядит безжизненно, будто в ней никто и никогда не обедал и диванную зону с телевизором. Их разделяет большой современный камин из черного стекла. Не понимаю, как в многоэтажном доме установили такой камин.

– Аристарх оборудовал квартиру системой умный дом, здесь все не просто. Я месяц вместо света включала обогреватель, – хихикнула она. – Чай? Ты, наверное, замерзла? На улице дождливо и сыро...

– Да, если вам нетрудно, – смущенно отвечаю я.

Мария исчезает на кухне, а я продолжаю изучать квартиру. Мне нравится пол в гостиной, это переплетение паркетных досок в замысловатом узоре. Но где же спальня? От волнения и предвкушения встречи я истомилась и не могу унять дрожь в ногах. Заглядываю в соседнюю комнату. Как странно. Она совершенно пустая. Нет ни занавесок, ни мебели.

Слышу шаги Марии и спрашиваю:

– Это комната всегда пустовала?

– Нет. Совсем недавно она была еще обитаема, – она закатывает глаза, в ее тоне слышится сарказм, – даже очень-очень обитаема.

Я понимаю ее намек. Сюда Руссо приводил своих женщин. Мне не по себе, я задыхаюсь, рука машинально тянется к горлу.

– Но в начале сентября, он проснулся утром и вызвал грузчиков. Они вынесли мебель, а потом он сам перекрасил стены. Теперь тут бывает только моя швабра.

– В начале сентября? – переспрашиваю я.

Чувствую, как мороз пробежал по коже. Мы познакомились тридцать первого августа! Эту дату я запомню на всю жизнь.

Сигнал стиральной машинки оповещает, что пора вынимать белье. Мария уходит в ванную. Любопытство берет вверх и я иду дальше. Заглядываю в длинный коридор, но в нем нет ни одной двери. Один лишь турник на высоте двух метров. Странно. Этот коридор сделали специально для турника? Нонсенс! Ну и дизайн!

Где же Руссо? Почему она сказала, что он спит? Его вообще нет в квартире...

Захожу на кухню, Мария сервирует стол, но мне уже не до чая. Злость берет вверх.

– Зачем вы меня обманываете? Я обошла все комнаты, его нет дома.

Ни слова не говоря, она идет вглубь коридора за гостиной, я за ней. Но там нет больше комнат, я только что проверила. Мария подходит к одной из секций стеновых панелей и прикладывает ключ-карту, раздается щелчок, в стене появляется проем. От удивления у меня глаза лезут на лоб.

– Я никогда не обманываю, – с обидой произносит она.

Жестом Мария показывает, чтобы я заглянула в темноту. От страха я мотаю головой и отстраняюсь. Она закатывает глаза и шире распахивает передо мной дверь. Я вижу черно-белую спальню. На окнах плотные черные шторы не пропускают солнечный свет. Стены и пол белые. У дальней стены стоит огромная кровать с черным мягким изголовьем. На кровати спиной к двери в одних трусах лежит Руссо. У меня распахиваются глаза. Сердце сейчас выпрыгнет из груди.

Боже, помоги мне! Какой же он красивый!

Волосы распластаны по подушке. Кажется, что он спит, но тело выглядит слишком напряженным. Я впервые вижу его полностью без одежды. Оказывается на ногах у него тоже татуировки. От стоп до колен тянутся какие-то надписи. Мне

хочется броситься к нему, но меня сдерживает присутствие постороннего человека.

– Мария, я же просил меня не будить, – бурчит Руссо сонным голосом.

Я вздрагиваю.

– Я бы и не стала... но к тебе пришла гостья и она очень настаивает, чтобы я ее к тебе пропустила, – тон у Марии серьезный, а глаза улыбаются.

Я машу на нее и прикрываю рукой рот. От стыда я готова уже сорваться и убежать, куда глаза глядят.

– Разрешаю тебе спустить ее с лестницы, – Руссо накрывается простыней и глубже зарывается в подушку.

Что?! Ах, вот как?! Я краснею как помидор. С чего я вообще взяла, что он захочет меня видеть? Тем более в своей квартире?

– Думаю, если я это сделаю, ты меня никогда не простишь, – смеется Мария и уходит, оставляя дверь открытой.

Боже, как же мне стыдно. Зачем я сюда пришла? Что я ему скажу? Ему это может не понравиться! Вот опять я сначала делаю, а потом думаю. Мною овладевает паника. Обгоняю Марию в гостиной, бегу в холл и хватаю плащ с вешалки.

– Аристарх! – кричит Мария. – Если ты через секунду не встанешь, она сбежит!

– Ну, зачем вы так! – упрекаю я ее, и пытаюсь продеть руку в рукав плаща, но даже с третьей попытки мне это не удается.

От беспомощности на глаза наворачиваются слезы. В коридоре уже слышится топот босых ног. Решаю, что справиться с плащом мне лучше в лифте, перекидываю сумку через плечо и хватаюсь за дверную ручку. В этот момент рука Руссо разворачивает меня к себе.

– Верона?! Что ты тут делаешь?

Аристарх

По тону Марии я понимаю, что гостья для меня должна что-то значить, но спросонья туго соображаю. Меня раздражает, что меня потревожили. Только что мне снился сон о Вероне, который я с удовольствием бы воплотил в жизнь.

– Аристарх! – кричит Мария из коридора. – Если ты через секунду не встанешь, она сбежит!

Черт! Это точно Верона!

Вскакиваю и несусь в прихожую. Это она! Пытается натянуть плащ, но руки предательски дрожат! Хватаю ее за плечо и разворачиваю. Проклятье! Я снова тону в ее глазах. Притягиваю к себе. Сжимаю в объятиях. Она прерывисто дышит. Ох, детка! Вдыхаю ее запах и стону от удовольствия. Она пришла! Сама пришла! Меня охватывает такое безумие, что я не отдаю отчета в своих действиях. Перекидываю ее через плечо и несусь в спальню. Она кричит, колотит кулачками по спине. От дежавю меня накрывает волна страсти. Пошли к черту все страхи и сомнения! Не отпущу ее!

Кидаю ее на кровать и отшвыриваю сумку и плащ в сторону. Снимаю с нее туфли. Платье плотно облегает ее фигуру. Черт! Какая же она красивая и ладная! Сэм уже в боевой готовности и больно дергается в боксерах.

– Что на тебя нашло?! – кричит Верона и пытается высвободиться.

– Ты пришла! – в башке помутнение, не могу выразить то, что чувствую. – Сама пришла!

– Я хотела убедиться, что ты в порядке... мне сказали, что в тебя стреляли!

– В порядке? Ты издеваешься? Ты мне всю душу вывернула наизнанку, а теперь спрашиваешь в порядке ли я?

Слышу, как хлопнулась входная дверь. Мария решила оставить нас наедине. Она всегда понимала, когда нужно свалить. Черт! Она не сможет такое удержать в себе. Теперь об этом узнают мои родаки! Да, пофиг!

– Что это? – верещит Верона и показывает на пластырь скрывающий сюрприз. – Тебя ранили?

– Потом, детка, это не к спеху, – шепчу я и нависаю над ней.

Взгляд Вероны жадно скользит по моей груди, животу и задерживается на Сэме. Тот дергается в приветственной судороге. Черт! Я готов поклясться, что мое обнаженное тело ее тоже заводит.

– Я весь твой, Верона, – развожу руки в сторону.

Ну, все! Понеслась!

Наваливаюсь на нее всем телом и впиваюсь в губы. Какая же она мягкая и сладкая! У меня голова от нее идет кругом, ничего не соображаю. Все как в тумане!

– Верона! – хриплю я. – Я хочу тебя! И не говори мне, что ты тоже этого не хочешь!

– Я... я... – она пытается набрать воздух в легкие.

Одним рывком я срываю с нее платье. Раздается треск порванной ткани, оторванные пуговицы катятся по паркету. Она вскрикивает и прикрывает руками грудь. Мои губы блуждают по ее шее и спускаются к груди. Расстегиваю лифчик и отбрасываю его в сторону.

– Детка. Он нам больше не понадобится.

Сжимаю ее груди и жадно целую.

– О! О, боже! – кричит она, будто обезумевшая.

Я стискиваю ее соски губами и чувствую, как они под моим языком твердеют. Ее груди наливаются и тяжелеют, и я нежно их массирую. Пальчики Вероны впиваются в мои волосы и оттягивают с такой силой, что я стону от удовольствия.

– Не надо... Не сейчас... – скулит она от страха.

Да, ей страшно, я это вижу в ее глазах!

– Ты не сможешь мне помешать! Не сегодня!

– Ах... я... я...

– Что ты, детка? Тебе страшно? Скажи! Мне это нужно, – на самом деле все, что мне было нужно, я уже знаю. Она хочет меня так же сильно, как и я ее! И теперь меня никто не остановит!

Моя рука быстро скользит по ее животу вниз и заползает ей в трусики, она выгибает спину и краснеет. Прежде чем я приступлю к самому главному, хочу, чтобы она кончила и не один раз. Чтобы разомлела, размякла, и так же желала почувствовать меня внутри, как и я ее. Пальцы нежно блуждают по самым чувствительным местам. Ее глазница распахиваются, она смотрит на меня с

вожделением. Детка! Какая же ты красивая! И такая желанная! Не помню, чтобы меня так распирало от вида женского тела.

Я нашептываю ей на ухо все, что хотел сказать с первого дня нашего знакомства. Она постанывает, выгибается, но уже не отталкивает меня.

– Я хотел выпасться, потом принять душ и поехать к тебе. Сказать все, что говорю сейчас, что не могу больше и дня без тебя прожить. Ты моя, Верона! Только моя!

– Твоя, – шепчет она, зрачки расширены, затуманенный взгляд блуждает по моему лицу.

Дыхание становится тяжелым. Она сжимает ноги, выгибается. Все ее тело дрожит, но какая-то сила не дает ей расслабиться и дойти до верхней точки.

– Доверься мне, детка. Дай мне доставить тебе удовольствие. Я хочу, чтобы ты кончила, – глазами показываю на свои пальцы, – вот так...

Усиливаю нажим, она стонет громче, закрывает глаза и сводит колени. Я впиваюсь в ее губы, мой язык настойчиво пробивает дорогу. Когда она замирает, я отстраняюсь и пожираю ее глазами. Ее дыхание тяжелеет, тело напрягается, лицо искажается в мучительной гримасе и через мгновение она взрывается в крике.

– Да, детка, вот так! Кричи! – убираю с ее лица спутавшиеся пряди.

Постепенно замедляюсь, и как только ее тело обмякает, моя рука застывает. С минуту она приходит в себя, затем открывает глаза. Взгляд еще затуманенный. По щеке катится одинокая слеза. Она что-то хочет сказать, но речь бессвязная. Я смеюсь и целую ее в кончик носа.

– Давай примем душ, чего-нибудь перекусим, а потом продолжим, – она переворачивается, я хлопаю ее по попе.

Верона вскрикивает и прикрывается простыней. Вид у нее такой блаженный, что я невольно облизываю губы. Моя девочка! Я смотрю на сорванные с нее вещи и думаю, что если я продолжу в таком же духе, мне пора прикупить для нее не один комплект сменной одежды.

– Ты такая сладкая и вкусная, – прокладываю губами дорожку по ее спине и замечаю, что ее взгляд неотрывно следит за Сэмом.

– Что, детка? Боишься его?

– Еще как, – признается она, глаза наполняются неподдельным ужасом, видимо, она представила, какого это чувствовать его внутри.

Черт! Она еще не готова! Будет сложнее, чем я думал!

Поочередно целую костяшки ее пальцев. Не могу оторвать от нее глаз. Мне до сих пор не верится, что обнаженная Верона лежит в моей кровати, и что я только что доставил ей удовольствие.

– Еще бы один день разлуки и я бы сошел с ума.

– Я почувствовала это по твоим сообщениям.

– Черт! Эту поездочку я никогда не забуду!

– Кто в тебя стрелял?

Зажимаю ее рот ладонью и качаю головой.

– Никаких вопросов, детка, – не хочу вдаваться в подробности.

Беру ее на руки и несу в ванную. Она сплетает руки на моей шее, и я понимаю, что такого кайфа я еще никогда не испытывал.

– Душ? Или ванна? – спрашиваю я и ставлю ее на мраморный пол.

Она задумывается и выбирает душ.

– Только в этот раз я буду тебя мылить, – ее глаза сверкают как тысяча звезд.

От ее слов меня снова накрывает волной.

– Детка, будь осторожнее в своих желаниях. Я ведь могу и не закончить то, что наметил.

– А что ты наметил? – она игриво улыбается.

– Степ бай степ. Не будем торопиться...

Моя идея пришлась ей по вкусу. Она растянулась в улыбке и снова уставилась на Сэма.

– Хочешь на него посмотреть?

– Только посмотреть? – со страхом спрашивает она.

Я киваю и она тоже. Скидываю боксеры и закидываю в корзину с грязным бельем. Ее глаза распахиваются. Она ахает, часто хлопает своими опухшими глазами и как замороженная не сводит с Сэма глаз.

– Какой он большой!

Эту фразу я слышал не раз, но из ее уст она звучит совершенно по-другому. В ее голосе примешены нотки страха и любопытства.

– Хочешь потрогать?

Она краснеет и кивает. Ее белоснежные пальчики робко касаются Сэма, тот качается, словно приветствует ту, что вскружила его хозяину голову. Она снова ахает, резко убирает руки и сжимает их на своей груди.

– Верона, познакомься, это – Цепной Пес Сэм, – я покачиваю членом. – Сэм, познакомься, это Верона – моя девушка.

– Ты дал ему имя?! – хохочет она.

– Он получил это прозвище, как только превратился в двигательную силу моей пустой жизни.

Улыбка сползла с ее лица.

– И когда это произошло?

– Три года назад.

– О! Печально...

Знаю, она подумала о смерти Авроры, а я не буду ее сейчас переубеждать, не позволю никому и ничему все испортить.

– Он много напроказничал... – я облизываю пересохшие губы, голос хрипит. – Хочу, чтобы ты его приручила, Верона. Посадила на цепь и выпускала только тогда, когда хотела получить удовольствие. Укроти его, детка. Теперь он твой. Делай с ним что хочешь.

Она краснеет, нервно сглатывает. Вижу, как бьется жилка на ее шее. Снимаю с нее трусики, ее кожа покрывается мурашками. Завожу ее в душ и намазываю руки гелем. Сэм трется об ее живот и бедра. Нежно прохожусь ладонями по ее спине и округлой попке. Она постанывает и снова заводится, когда я добираюсь до ее груди. Изучать девичье тело очень волнительно и любопытно. Вдвойне волнительно от того, что она сама еще не знает свои самые чувствительные места и доверяет мне их исследовать.

Сейчас она смотрит на меня с таким обожанием, что мне снова сносит крышу, я припадаю к ее губам подстегнутый новой волной страсти. Она со стоном льнет ко мне.

Теперь бутылка с гелем для душа в ее руках. Она намыливает ладони и повторяет мои действия. Когда дело доходит до Сэма она сжимает его так сильно, что я взываю и бьюсь лбом об стеклянную створку душа.

– Прости, – она смотрит на меня с испугом, но Сэма не отпускает.

– Полегче, детка, он и так на пределе...

Она мнется, хочет, что-то сказать, прикусывает губу, и я ей помогаю.

– Хочешь, чтобы я тоже кончил?

Верона радостно кивает, в глазах благодарность за то, что ей не пришлось произносить это вслух. Я смеюсь и включаю тропический дождь. Мягкая струя воды вырывается из душевой лейки, смывает с нас гель и пенным каскадом уносится в сток. Она зажмуривается, подставляет голову под воду и стоит так несколько секунд. Трусишка тянет время. Выключаю воду и прижимаюсь к ней.

– Я не знаю что делать... – робко признается она.

Моя рука накрывает Сэма, и я показываю ей движения. Она ахает, облизывает губы и смотрит на меня с вождением.

Верона принимается за дело робко, нежно, медленно... слишком медленно, а я сгораю от нетерпения. Накрываю ее руку и задаю темп. Но по мере того как Сэм наливается во всей красе, убираю руку, давая ей над собой полный контроль. Она пробегает губами по моей груди, встает на цыпочки, дотягивается до шеи и углубляется языком в ключицу. Я закрываю глаза, из груди вырывается стон. Ее пленительный запах повсюду. Соски трутся о мою кожу. Сладкая нега наполняет меня изнутри.

– Быстрее, детка!

Она наращивает темп, я так истосковался по сексу, что мне сейчас многого не надо. Волна кайфа подкатила так внезапно, что я только успел упереться руками в стену и резко прогнуться. Закинув голову назад, я кончил и закричал. Мой крик резонировал от мраморных стен.

– А-а-а! Черт-черт-черт! А-а-а! – голова закружилась, я еле устоял на ногах, тело дернулось в конвульсиях. – Бр-р-р-р...

Верона отпрянула от меня, ее глаза пристально изучали мое искаженно сладкой болью лицо.

– Да, детка. Вот так кончают мужчины...

– Боль и услада! Это так круто и очень сексуально! – ее голос срывается на нижние октавы.

Ох, детка! Что еще будет!

Вера

Мне кажется, что все это происходит во сне и не со мной. Никогда я не испытывала оргазм и не видела как это делают другие. Конечно, мне рассказывали о своих ощущениях подруги из поселка, я читала об этом в журналах и смотрела сексуальные сцены в кино. Но это не имеет ничего общего с тем, что я испытала с Руссо. Тысячи мелких иголочек впились в мозг, заставляя все мое тело содрогнуться и самовоспламениться. Пожар начался в промежности и растекаясь остаточным теплом по всему телу. Это тепло я ощущаю и сейчас, когда стою на кухне и рассматриваю содержимое холодильника.

– Если ты повисишь на нем еще минуту, я пристроюсь сзади и отрахаю тебя, – рычит Руссо, глаза дикие, это меня пугает и манит до чертиков.

Пока мы были в спальне, а потом в душе с его уст то и дело слетали смачные словечки, от которых меня бросало в краску, но мне нравилось, что он такой страстный и не скрывает своих мыслей.

– Если бы ты мне не мешал, то давно бы был сытым, – я закрыла дверцу и застыла в задумчивости, перебирая в уме ингредиенты к разным рецептам.

На мне кроме трусов и его футболки ничего нет. Руки Руссо то и дело припадали к моей груди – эта часть тела, его особо привлекала. Ощущения были в новинку, но я пока не могла их соединить с мысленным процессом. Как только его рука накрывала грудь или ягодицы, мозг отключался и отказывался обрабатывать информацию.

– Я заморил червячка... на час меня еще хватит... – он покусывает мой сосок через футболку, на ощупь чувствует, что он твердеет и ухмыляется.

Я ежусь от пронизывающей призывной волны. Его руки нежно скользят по моим ногам, они, то сжимают, то щекочут, от чего все тело покрывается гусиной кожей. Меня передергивает, я пытаюсь вырваться.

– Если так, почему твой желудок урчит через каждые две минуты?

Он отпускает меня, и я в очередной раз открываю дверцу холодильника.

– Вот опять! – взрывается он.

Руссо вскакивает и прижимается к моим ягодицам. Через тонкую ткань трусиков чувствую его эрекцию. Я выгибаюсь, не могу сдержать вырывающийся наружу сладостный стон. Проворными пальцами он собирает мои волосы в хвост и припадает губами к шее. Мое тело напрягается. Мне страшно от того, что издаваемые мною страстные звуки могут его снова возбудить и он потащит меня в спальню, а после того что произошло, я не смогу больше ему сопротивляться. Его горячие губы скользят по плечам, пальцы оттягивают ворот футболки.

– Никакого секса! – мой голос дрожит, наверное, потому, что тело с этим утверждением несогласно.

– Детка, мы еще не занимались сексом, – шутливо отвечает Руссо.

– О! – чувствую себя полной лузершей, – А чем мы тогда занимались?

– Просто прелюдия...

Наши дурачества прерывает телефонный звонок. Руссо чертыхается, хватая мобильник и выходит из кухни. Из разговора я понимаю, что это деловой звонок. Руссо отвечает короткими фразами, а в конце обещает заехать, но не сегодня. Слышу его шаги в коридоре, но очередной звонок не дает ему ко мне вернуться.

– Слушаю, – его голос отдаляется и доносится уже из гостиной.

Пока я выкладываю необходимые продукты на стол, он обсуждает доставку оборудования для обработки металла и кожи, я невольно прислушиваюсь. Интересно чтобы он сказал о моей идее с ремнем?

Руссо возвращается с ноутбуком, плюхается в кресло и на несколько минут углубляется в работу. Я нарезаю мясо и лук, но не могу вынести даже минутную разлуку и украдкой кидаю на него изучающие взгляды. Даже с длинной волос до плеч он само воплощение мужественности. Мне нравятся его шуточки, острый ум и молниеносная реакция. Сегодня я физически ощущаю возникший между нами магнетизм. Меня тянет к нему со страшной силой. Я готова раствориться в нем и следовать, куда он скажет, словно безвольное существо. Мне кажется, что важнее его у меня теперь никого нет. От этой мысли мне стыдно, почему-то сейчас даже любовь к маме отошла на второй план. Боже, что со мной творится?

– Я же говорил, что беру за просмотр деньги, – шутит он, не отрываясь от ноутбука. – Но если у тебя их нет, возьму у.е. по курсу: один взгляд – один поцелуй.

Я заливаюсь краской. И все-то он замечает!

– Детка, я предпочел бы, чтобы твои пальчики не пострадали, – говорит он и показывает на огромный нож с тяжелой рукояткой в моих руках.

– Мне мои пальцы еще пригодятся, – смущенно отвечаю я.

– Тогда не верти головой, – бурчит он, его голос становится напряженным, что-то его настораживает, и я снова оглядываюсь, – он смотрит на экран телефона и снова чертыхается.

Руссо вскакивает и покидает кухню. А меня накрывает волна одиночества. Не знаю, что со мной будет после нашего расставания. Не могу представить, как я через несколько часов выйду из этой квартиры и уеду в общежитие. А он будет заниматься своими делами, словно у нас ничего не было. Да и что это для него? Как он сказал – прелюдия...

Вспоминаю сцену в душе и меня пронзает вожеление. Хочу, чтобы Руссо довел дело до конца. Хочу, чтобы завтра я уже чувствовала себя женщиной... его женщиной. Хочу дарить ему наслаждение, быть с ним каждую ночь, но из глубины памяти всплывает давно забытая мечта, она-то и заставляет меня отбросить все мысли о сексе.

Аристарх

Возвращаюсь на кухню, на плите уже заняты три конфорки. В одной она варит спагетти, в другой жарит мясо, на третьей тушит соус. Верона, как фабрика по производству жарчки, нужно только нажать на кнопку и через полчаса, а это быстрее чем курьер доставит пиццу, на столе очередное блюдо, которое приведет мой желудок в состояние нирваны. Ароматы бьют в нос, я хватаю вилку и пытаюсь подцепить обжаренный с луком фарш. Верона начинает войну за территорию, шарахает меня по руке и возвращает мясо в сковородку. Отталкивает меня своей аппетитной попкой от плиты и грозно хмурит брови.

– Блин, какая же у тебя тяжелая рука! А на вид такая хрупкая! У меня в доме завелась Боевая Неандертальская Женщина!

– Ненадолго, – отвечает Верона, и мое игривое настроение падает ниже плинтуса.

Чешу затылок и ловлю себя на мысли, что скоро, очень скоро Верона выйдет из моей квартиры и мне станет без нее невыносимо. Я лягу в пустую постель один, не смогу прижать ее к груди, не смогу вдохнуть запах ее волос.

– Тебе не обязательно уходить.

Черт! Я снова на нее давлю! Она сейчас сбежит в одном плаще и трусах!

– Если хочешь, я могу остаться до утра, но завтра мне нужно будет заехать в общежитие перед институтом и переодеться.

Тяжело вздыхаю и с грустью говорю:

– Ты знаешь, о чем я...

Она бросает на меня короткий изучающий взгляд, но тут же отворачивается и продолжает колдовать над ужином. Я умолкаю, давая ей время подумать.

На телефон одно за другим валятся сообщения, все как с ума посходили. Мое долгое отсутствие многих вывело из равновесия, но мне это даже нравится. Ведь партнеров рано или поздно начинают обуревать навязчивые мысли, что они могут обойтись без меня и некоторые, не все, конечно, уже вели разговоры о снижении моей доли в бизнесе. Да, я не протираю штаны вместе с ними в кабинетах, но я все еще держу руку на пульсе и решаю реальные проблемы.

Обед – пальчики оближешь. Не помню, как я все проглотил. Убираю тарелку в раковину и возвращаюсь за стол. Верона ковыряет вилкой спагетти, вид безрадостный. Полчаса назад ее глаза светились от счастья и азарта. Черт! Что произошло, пока меня не было?

– О чем задумалась?

Она пожимает плечами.

– Да так... вспомнила кое о чем...

– Я весь во внимании, – накрываю ее руку своей и заглядываю ей в глаза.

– Ты будешь надо мной смеяться, – отмахивается она.

– Не буду, у тебя испортилось настроение и мне нужно знать почему.

Минуту она собирается с силами, значит, это что-то серьезное. Черт! Сейчас она скажет, что мечтала отдать свою невинность законному мужу или что-то в этом роде. Играю желваками и громко сглатываю.

– Когда мне было тринадцать лет, мама впервые прочитала мне «Ромео и Джульетта». С тех пор я мечтала о том, что моя первая ночь пройдет в Вероне.

В изумлении выгибаю бровь. В Вероне? Что за чушь! Обычно девушки мечтают о Париже... хотя откуда мне знать... Черт! Это же из-за ее прозвища! Мое тугодумство еще раз доказывает, что рядом с ней я не в адеквате.

– Влюбленные не смогли соединить свои жизни из-за вражды семей, – продолжает она, – и я думала, что моя первая ночь любви будет актом поддержки всех, кто любит, но по каким-то причинам не может соединить свои судьбы. Глупость, правда?

Она смеется, но в глазах грусть. Я все еще охреневаю... акт поддержки! Мы что хренов Гринпис?

– У бурных чувств неистовый конец. Он совпадает с мнимой их победой, – цитирует она Шекспира. – Ромео и Джульетту довели до самоубийства, это преступление против любви.

– И... при чем тут ты и твоя девственность? – может я груб, но снова тащиться в аэропорт мне сегодня не с руки.

– После того как мама мне прочитала эту историю, я долго выводила в альбоме название города в котором разыгралась трагедия, затем зачеркнула букву «о» и «н» и получила свое имя. Получилось «он» и «Вера». Значит, он это сделает в Вероне, – она стыдливо опустила глаза. – Я так часто говорила об этом городе, что братья стали называть меня Вероной. Так что... мое имя и итальянский город связаны, я хотела укрепить эту связь.

Охренеть! Что за бред! У меня шок! Черт! Она нарочно издевается надо мной?! Она ведь знала, что будет, когда она придет. Знала, что мне нужно и как я хочу проявлять к ней свои чувства. Она дала мне согласие! Это чертово согласие в моем телефоне в двух словах «Я готова!». И что же я слышу сейчас?

Она видит мое разочарование и бледнеет. По ее реакции вижу, что уже пожалела о сказанном.

– С другой стороны, это ведь просто глупая детская мечта...

Внутри пылает гнев. Я сейчас взорвусь и разгромлю всю эту чертову кухню! Я хочу ее трахнуть! Сейчас! Я этого ждал гребанный месяц! И что мне с этим делать? Ненавижу эту ее чертову девственность! Мне нужно куда-то уехать, остыть, все обдумать.

Вскакиваю, она вздрагивает и сжимается, как испуганный тушканчик. Широким шагом пересекаю гостиную и коридор, влетаю в спальню. На полу ее разорванное платье. Смятая простынь напоминает мне какого это, быть с ней, комната снова наполняется ее стонами. В памяти всплывает ее раскрасневшееся лицо после первого оргазма. Я чертов эгоист! Думаю только о себе! Это ее первый раз! Она запомнит его на всю жизнь. Ну, я и критин! Мгновенно остываю, сажусь на кровать и роняю голову на грудь. Что мне делать? Я думал, сомнения отступили, но вот очередной сюрприз от Вероны и меня снова захлестывает волна дуальности. Почему никакому ботану не пришло до сих пор в голову придумать программу, которой задал бы вопрос в трудной ситуации и получил самый оптимальный и мудрый совет. А лучше бы с вариантами дальнейших событий. Причем с приложением маршрута до конечной точки, но главное, чтобы не на три буквы.

Мой телефон снова жужжит. Как же меня все достали! Только сейчас я понимаю, что разветвленным бизнесом загнал себя в ловушку специально, не оставляя ни единой секунды лично для себя. Чтобы не думать о пустоте, что как опухоль разъедает меня изнутри.

Смотрю на экран Нтс. Кобра. Это не к добру. Отвечаю на звонок.

– Что случилось?

– Руссо, они схватили одну из девчонок.

Черт! Я нужен там. Бегу в гардеробную.

– Ты позвонила по тому контакту, который я тебе дал?

– Да, группа уже в пути. Всеволод Романов твой брат?

– Угу, – бурчу я.

Сева возглавляет один из отделов по борьбе с коррупцией. Дело, которое я замутил не совсем его профиль, но из-за матери и Вероны он решил помочь.

– Хорошо устроился, Амиго, – ехидничает Кобра.

– Ты не скалься. Когда все закончится не ходи, как дохлая курица. Подойди к нему и объясни ситуацию с мужем.

В трубке молчание. Представляю, как вытягивается лицо Кобры. Она хорошо поработала, не знаю, что там будет с боями, да и не бабское это дело, но мужика этой Сорви Головы нужно вернуть домой. Не дожидаясь ответа Кобры, нажимаю отбой и иду на кухню. Верона моет посуду. Неандертальская Женщина не знает, как пользоваться посудомоечной машиной! Надо научить ее...

– Позвонила Кобра, мне нужно отъехать на пару часов.

– А мне что делать?

Верона выглядит растерянной, по ее взгляду понимаю, что испугал ее своим молчаливым и резким уходом.

– В гостиной есть телик, он подключен к спутнику, пощелкай каналы, может, найдешь «Fashion TV».

Ее глаза загораются. Пока настроение не изменилось, припадаю к ее губам и страстно целую. Она постанывает и запускает свои пальчики в мои волосы. С трудом отлепляюсь от нее и говорю:

– Лады, детка, хочешь в Верону, будет тебе Верона! Я ждал месяц, подожду еще три дня...

– Только три дня? – спрашивает она, я отстраняюсь, чтобы лучше разглядеть ее лицо, но вижу ее хитрый взгляд и понимаю, что она шутит.

– Детка, не разбивай мне сердце, – стону я.

– Ни за что! – страстно выпаливает она и впивается в меня губами.

Ох, если так пойдет и дальше, я сегодня не выйду из квартиры!

– Мне нужно закончить дело, – я мягко отстраняюсь, – но мне нравится твой настрой, сохрани его до моего возвращения.

Седлаю байк и выезжаю с подземной стоянки. Меня провожает все тот же черный пес. Сегодня у него, как и у меня, хорошее настроение и он машет хвостом. Киваю ему и мчусь к МКАД. Кобра прислала адрес, где будет дислоцироваться группа захвата, мне нужно поспешить. Дорога проветривает мне мозги, и я уже думаю, что слетать с Вероной в Италию не такая уж и плохая идея.

Мне чужда вся эта романтическая блабуда, но было бы неплохо на уикенд сменить обстановку.

Приезжаю на место, вижу Севу, тот раздает своей группе последние наставления. Я здороваюсь с ним за руку и нарочито громко говорю:

– Вот так всегда: делаешь всю черную работу, тратишь свои кровные прайсы, а какой-то выскочка присваивает себе все заслуги!

– Совершенно верно! Так умные люди прокладывают дорогу к очередной должности! – отшучивается брательник.

Мы обмениваемся тычками под ребра, как в детстве и переходим к делу.

– По нашим данным в коттедже удерживаются пять девушек, – говорит Кобра. – В дальней части дома у них студия.

– Для меня самое главное, чтобы этот кретин Сальников попал по полной и никакой папочка или ушлый адвокат его не отмазал.

– Об этом даже не парься, улик достаточно, но Ари, мне еще нужно обмозговать, как вся эта инфа попала к нам, чтобы она на законном основании фигурировала в деле.

– Знаю, но ты же вундеркинд, придумаешь что-нибудь, – скалюсь я.

Группа уходит, мы с Коброй остаемся на месте. На мой телефон приходит оповещение, что датчики движения включили камеры видеонаблюдения в квартире. Черт я забыл внести изменения в настройки. В системе только два телефона: мой и Марии. Смотрю видео и не могу удержаться от улыбки.

– Что там? – Кобра пытается заглянуть в телефон через мое плечо.

– Верона не знает, что у меня установлены в квартире камеры и датчики движения. Я ушел и они автоматически включились.

– Дай угадаю, она выплясывает?

– Ага, – я поворачиваю к ней экран, Кобра улыбается.

– Сейчас дистанционно включу био-камин, – мне уже неудобно от того что я так завелся, но меня прет и остановиться не могу.

Мы пялимся на экран и видим, как Верона вскрикивает от неожиданности, когда в камине вспыхивает огонь.

– Черт! Руссо, не пугай Беби, она и так пуганная, – Кобра шутливо бьет меня по плечу. – Мне нравится твоя девчонка.

– Мне тоже, – я расплываюсь в довольной ухмылке.

Что-то я совсем раскис. Веду себя как мартовский кот. Надо собраться! Набираю телефон Вероны, она щебечет про огонь и как она испугалась. Объясняю, что я сделал это дистанционно, и она обещает устроить мне взбучку, как только перешагну порог квартиры.

– Прости, не удержался. А ты, оказывается, можешь лихо попой крутить!

Она снова визжит, про мой дурацкий умный дом, говорит, что она чувствует себя как подопытная и грозит сейчас же уехать в общагу. Я говорю ей, чтобы дождалась меня, нам есть, что сегодня отпраздновать – дело Сальникова движется к завершению. Она немного смягчается и обещает дождаться.

– Посмотри в угол комнаты над диваном, где штора, – она поднимает глаза, – а теперь улыбнись своей самой обворожительной улыбкой.

– На за что! Я все еще зла на тебя! – она показывает мне средний палец.

– Ух, какая невоспитанная девочка! Тебя нужно научить манерам. Этим я и займусь, как только приеду.

– Похоже, нам обоим достанется, – Верона старается подавить улыбку, но я вижу, что ей это не удается.

– Эй, голубок! – Кобра показывает на отъезжающие машины. – Их взяли. Всех до единого!

– Сальников?

– В наручниках.

Кобра показывает мне в сторону второй машины, и я узнаю того, кому дважды от меня досталось на вечеринке.

– Конец порно-бизнесу, – резюмирует Кобра и движется к своей машине.

– Дохлая курица! – кричу я ей вслед.

Она останавливается, чертыхается и упирает руки в бока.

– Как я, по-твоему, все ему выложу?

– Очень красноречиво, а главное убедительно, да так, чтобы он ни минуты не сомневался в твоей правоте. Если надо, ты даже слезупустишь, – я улыбаюсь и подмигиваю ей.

Через минуту она уже идет к машине Севы. Впервые вижу Кобру неуверенной и смущенной. Наблюдаю за мимикой брата, пока Кобра излагает ему свою историю. Он спешит, смотрит на часы, ему нужно доставить арестованных в отдел для допроса, но ее не прерывает. Он знает, если я стою и наблюдаю, значит, в этом есть мой интерес. Наконец, он поднимает голову, мы встречаемся взглядами. Сева проводит рукой по волосам – оценивает ситуацию. Я уже не сомневаюсь, что он ей поможет. Кобра заламывает руки, переминается с ноги на ногу. Мы обмениваемся с Севой кивками, если будут вопросы, он знает, где меня найти, а меня ждет Верона. Завожу байк и мчусь домой. На сегодня больше никаких дел!

Вера

Входная дверь хлопает, голос Руссо, словно раскат грома, эхом разносится по квартире.

– Детка, я дома!

Я все еще зла на него, даже не сказал, что у него кругом тут камеры, но эта его фраза сбивает меня с ног. Мы будто живем вместе уже много лет и это наш обычный день. Руссо заходит в гостиную, вручает мне свой телефон. Скидывает черные джинсы и футболку на пол и идет в ванную.

– Посмотри в галерее, я сделал несколько фото! – кричит он на ходу.

Я захожу в галерею фотографий и вижу на одном из фото одnogруппника в наручниках. Боже мой! Бегу за Руссо и спрашиваю:

– Как тебе это удалось?

Руссо ухмыляется, но рассказывать не спешит. Достает из аптечки антисептик и ватный шарик. Смачивает его раствором и снимает с груди лейкопластырь. На воспаленной покрасневшей коже какая-то надпись.

– Ты сделал новое тату?

Он хитро улыбается, я подхожу ближе. Читаю надпись в зеркальном отражении и не сразу понимаю что это. О, боже мой! Хватаю ртом воздух. Не знаю, как реагировать. В центре грудины красивым готическим шрифтом выбито

«VERONA». Надпись шириной сантиметров десять. Он поворачивается и говорит:

– Я хотел, чтобы ты знала, *что* ты для меня значишь.

Закрываю рот ладонью, меня переполняют эмоции. Никто и никогда не делал для меня таких поступков. Что ему сказать? Как отреагировать? Я не знаю. Ну, конечно, я как всегда плачу!

– Эй! Ты чего? Я думал тебе понравиться, – он хмурится.

Я прижимаюсь к нему так крепко, что из его груди вырывается стон.

– Мне нравится, очень, – шепчу я.

– Постой, ты еще не поняла всей задумки, для этого мне нужно надеть рубашку.

Он берет меня за руку и ведет в коридор с турником. Проводит телефоном по одной из стеновых панелей и перед нами открывается просторная гардеробная. Так тут не одна дверь! Гардеробная очень большая. Руссо оказывается еще тот шмоточник. Здесь не только байкерская одежда, но много костюмов, брюк и рубашек разных фасонов и на все случаи жизни. Нижняя полка забита туфлями, ботинками, кроссовками и сапогами. Нда, хотела бы я тут все хорошенько осмотреть, пока его нет дома. Обожаю мужскую одежду, особенно, когда она такого отличного качества, да еще и от ведущих брендов. Я бы часами рассматривала фасоны и швы. Это не гардероб Адама, где все выдержанно в классическом стиле, тут от разнообразия можно голову потерять.

Руссо надевает черный пуловер. Теперь я понимаю его задумку. В V-образном вырезе хорошо видна тату.

– Отпад, – бормочу я и с настороженностью спрашиваю: – Ты ждешь от меня такого же жеста?

– Нет! Терпеть не могу тату на женском теле.

Выдыхаю с облегчением, уф... я тоже...

Здесь, в гардеробной отличное освещение и я с придирчивостью рассматриваю его, будто вижу в первый раз. Мне кажется, я всегда буду глазеть на него, как на произведение искусства.

– На твоём теле ни единого волоска, – удивляюсь я.

– Дёпиляция, детка! – восклицает Руссо и надевает чистые носки.

– Ты делаешь депиляцию? – мои брови взлетают вверх.

– Сделал перед первой татухой, мне понравилось ощущение свежести и чистоты, и я подсел.

Даже я ограничиваюсь бритвенным станком в области подмышек, ног и бикини. Мне как-то не по себе. По сравнению с ним я действительно Неандертальская Женщина!

– Если захочешь сделать, я позвоню своему мастеру, она супер! Кстати это не плохая идея перед Италией. Тебе как раз нужно будет три дня, чтобы прошло раздражение.

Из всего, что он сказал, я вычленила только слово «она» и напрягаюсь. Ведь вокруг Сэма тоже нет волос.

– Тебе делает депиляцию женщина? – из всех сил стараюсь отбросить мелькающие картинки, как это может происходить.

– Да, – он пожимает плечами, – что тут такого?

– И в каком салоне ты делаешь депиляцию?

– В салоне? – он морщится. – Еще чего! Она приезжает сюда.

– Что? – я отскакиваю от него, он с недоумением наблюдает за моей реакцией, – Сюда? Какой ужас!

– Почему ужас? В домашней обстановке мне комфортнее. Навернул стопарик и на кресло.

– На кресло?

– Ну да, у нее специальное раскладное кресло, похожее на педикюрное.

– Ты знаешь, как выглядит педикюрное кресло? – он меня все больше и больше удивляет. Оказывается, я ничего не знаю о Руссо.

– Ну да, я делаю его раз в месяц.

Вот тебе здрасти! Я округляю глаза, не могу себе представить, что бы Саня делал педикюр.

– Детка, у меня на больших пальцах выросшие ногти, если за ними не следить, мне кранты! Я уже перенес две операции, больше не хочу.

– Ты делаешь депиляцию, педикюр, чего я еще не знаю?

Он обнимает меня, смотрит озорным взглядом.

– Не все сразу, детка, если узнаешь про меня все, я стану тебе неинтересен.

Трудно представить, что Руссо может быть мне неинтересен, но я закрываю тему.

– Одевайся! – Руссо хлопает меня по попе. – Поедем, поужинаем.

– Во что? Могу надеть твой костюм от «Vigoni», только я в нем утону.

– Ох, детка, я совсем забыл... платье... прости. Хочешь, съездим в общежитие и ты переоденешься?

– Выбора нет...

– Выбор есть всегда, – он подмигивает. – Мы можем проскочить в ближайший бутик и купить тебе шмотки.

– Шмотки? Т.е. их будет много? Зачем? Не надо. Тогда уж едем в общагу.

А чего я ожидала от Руссо? Он не ограничился одним альбомом и красками, скупил весь интернет-магазин. То же самое будет и в бутике.

– Почему? – он хмурится, настроение портится.

– Что почему?

– Почему ты не хочешь, чтобы я купил тебе чертовы шмотки?

– Не хочу, чтобы ты тратил на меня свои деньги.

Он разворачивает меня к себе и заглядывает в глаза. Брови сдвинуты, вид недовольный.

– А на кого мне их тратить, Верона? Скажи! Я пашу как раб на галерах и не могу купить своей девушке чертовы шмотки? Тем более, что я сам их с нее срываю.

Мне нравится его ответ, он ведь сам порвал платье, но все же я резко отделяю его кошелек от своего. Мы только начали встречаться и уже такие траты. Боже, Софа и Руссо вдребезги разбивают мои принципы. Моя мама вечно мне твердила, что бесплатный сыр только в мышеловке, что я сама должна позаботиться о себе, что сейчас такое время, когда женщине необходима независимость. Знаю, она мерит мир своей жизненной линейкой. Именно из-за денег ей приходилось со многим мириться, четверых детей она бы точно одна не прокормила.

Аристарх

Мы с Вероной садимся в «Мустанг» и выезжаем с парковки. Завожусь от мысли, что под плащом на ней только нижнее белье. Стройные ноги в чулках притягивают взгляд, то и дело я отвлекаюсь, чтобы провести по ним рукой. Я так распалюсь, что жму на газ до упора, дорога свободная, почему не погонять. Сегодня удача на моей стороне, светофоры встречают нас преимущественно зеленым светом. Одна рука на руле, другая раздвигает полы плаща и ползет в ее трусики. Она сжимает ноги и краснеет.

– Руссо, не отвлекайся, – одергивает она меня, но я чувствую, как она сама уже заводится и от этого меня обдает жаром.

– Черт! Детка, когда ты рядом мне трудно сдерживаться.

Меня так легко не собьешь с намеченной цели, добираюсь до ее клитора, она ахает, прогибается и неожиданно разжимает ноги. Проклятье! Мне бы вставить сейчас туда Сэма и разрядиться! Но я сам согласился на эти чертовы три дня!

Рядом едет джип и водила с интересом наблюдает за нами. Верона поймала на себе его масляный взгляд, одергивает плащ и шипит на меня.

Подъезжаем к веренице магазинов на Ленинском проспекте, выходим из машины, я тащу Верону за руку. Она семенит за мной и все еще скулит о том, что не нужно было все усложнять, а поехать в общагу. У меня игривый настрой и когда нас встречает тощая телка с приклеенной улыбочкой к лицу как у лошади, я решаю немного повеселиться. Сгребая в охапку Верону и на стандартное приветствие: «Чем я могу вам помочь?» отвечаю:

– Видите ли, я в порыве страсти разорвал на своей девушке платье и теперь наказан на три дня. Хочу искупить свою вину, так что да, вы мне поможете, если найдете самое лучшее платье, что у вас есть. Может, тогда она размякнет и простит меня уже сегодня?

Верона бьет меня локтем в бок, я взываю. Говорю, что больно! Хотя, конечно, нет, просто прикидываюсь!

Вижу, как худышка меняется в лице и спрашивает:

– Какой у вас бюджет?

– Неограниченный, – улыбаюсь я и подмигиваю.

Тощая подрывается и мчится на склад. Несмотря на мой прикид, сообразила, что пришел верняк!

Мы проходим в бутик, пока Верона придирчиво осматривается, я плюхаюсь на диван и читаю почту в телефоне. Она выбирает шмотки и скрывается в примерочной. Я терпеть не могу шопинг, у меня есть спец, который этим занимается. Он привозит в мотосалон утвержденные заранее модели, я примеряю и отдаю деньги – вот и вся блабуда! С телками, конечно, такое не прокатит...

– Руссо? – передо мной стоит Верона.

Я поднимаю глаза и кривлюсь – отстой.

– Детка, ты достойна лучшего.

– Но здесь все очень дорого, лучше поехать в торговый центр.

Я кидаю на нее гневный взгляд, не люблю повторяться, я ведь уже обозначил свою позицию. Мне во спасение Тощая приволокла целый ворох барахла. Верона снова скрывается за занавеской. Немного погодя слышу ее шаги.

– А это? – раздается над моей головой.

– Неа, – говорю я, едва взглянув.

– Ты даже не смотришь! – куксится Верона.

– Мне и не нужно, это отстой!

Жестом показываю, чтобы ускорила. Забраковываю еще парочку нарядов, Верона уже злится, я еще больше. Черт! Я хочу жрать! С психу решаю сам все выбрать. Вскакиваю и залетаю в кабинку, когда она стягивает очередное платье.

– Ты чего? – она шарахается к зеркалу и чуть не падает.

Если я не уйду отсюда через пять минут, то разнесу все к чертям собачьим. Зачесываю рукой назад волосы. Смотрю на шмотки, которые ей принесли со склада и тыкаю на два платья.

– Черное купим для ужина. Синее – для Италии.

– Ты видел ценники?

– Да по фиг! Примеряй!

– Руссо, они стоят бешенных денег, я не буду, – упрямится она. – Это расточительство!

– Это мое расточительство! – рявкаю я, она хмурится, а мне до фени. – Надевай и поскорее, я жрать хочу!

– Не смей на меня кричать, – шипит она, теперь она злюка.

Черт! Надо остыть, а то мои опасения про плащ и трусы сейчас сбудутся.

– Прости, просто не могу тут больше торчать.

– Ты сам предложил поехать, я не хотела...

– Да-да, – прервал я ее, – а теперь быстрее примеряй и сваливаем.

Магазины меня бесят уже после пятиминутного пребывания, поэтому даже продукты я выбираю по инету и пользуюсь доставкой.

Она надевает синее платье и у меня отваливается челюсть. Оно облегает ее пышную грудь и бедра. Попа просто смак. Длина чуть выше колена. Под грудью и попой вставка из прозрачной ткани. Сэм зашевелился в штанах, я шумно сглатываю. Она смотрит на мою реакцию и смеется.

– Да, ты прав, это только для Италии.

– Берем! Следующее...

Через пять минут она выходит в черном платье, я снова замираю. Говорить ничего не нужно, все написано на моем лице. Моя девочка – красавица!

Вижу, что оно ей тоже нравится, но ее все еще терзают сомнения. Черт! Другая бы визжала от радости, а Верона впала в ступор.

Теперь начинается самое веселое. Верона еще ни разу не видела, как я торгуюсь, представление не для слабонервных. Похоже, она удивлена еще больше, чем ценой за два платья. Тощая корчится, говорит, сама ничего не решает. Я говорю, звони главному. Проезжаю по ушам директрисе. Обхаживаю как ухажер со всех сторон. Скидываю пятнадцать процентов, я мог бы еще, но желудок настойчиво дает о себе знать. Вот уже Тощая прокатывает мою банковскую карту через терминал, вручает дисконтную карту для Vip-клиентов и трещит о том, что нас ждут на следующей неделе, когда из Милана придет новая коллекция. А я уже думаю, что мы сами смогаемся в Милан.

Проклятье! Я опять думаю о бабских шмотках!

Мы садимся в машину и едем снова ко мне в квартиру. По пути я вижу салон связи и прошу Верону меня подождать. Покупаю ей такой же телефон как у

меня, только серебристый с синей окантовкой под цвет ее глаз и спешу обратно к машине.

Дома настраиваю новую мобилу на систему умный дом.

– Дай мне свой телефон, – требую я и протягиваю руку.

Она без вопросов достает его из сумки. Уф! Детка, да это антиквариат!

Вставляю ее симку в новый телефон и закачиваю все те приложения, которыми я пользуюсь. Заодно подсаживаю ей «жучка» – шпионскую программу, через которую смогу отслеживать ее передвижения. Пока с ней была Кобра, я был спокоен, но сегодня ее контракт закончен и Верона будет сама по себе.

– Детка, этот телефон даст тебе допуск ко всем системам дома. Ты сможешь открывать любые двери.

– Даже входную?

– Нет, для входной я дам тебе ключ.

– Ты хочешь дать мне ключ от своей квартиры? – ее глаза распахиваются и снова похожи на два озера.

Сейчас расплатится! Черт! Как же я на нее давлю! Зачем я вообще это делаю? На кой хрен ей мои ключи? Я ведь привожу и отвожу ее куда надо. Проклятье! Не знаю. Хочу, чтобы они у нее были и все. Хочу приезжать домой и видеть ее в своей кровати.

Пока она не разрыдалась, перевожу тему.

– Мне нужен твой загранпаспорт.

– Зачем? – она на грани истерики.

– Нужно сделать тебе визу и заказать билеты.

– Боже мой, зачем я тебе рассказала про Верону? – она вскакивает и начинает расхаживать по комнате, заламывая руки. – Зря это все... столько хлопот... виза... билеты...

– Только не говори, что опять передумала, – рычу я, уже не в силах с собой совладать.

– Что? Нет! Я не передумала! Просто... я... я...

Я бросаю ее на диван и нависаю сверху. Придавливаю ее за плечи, она кривится от боли.

– Что? Верона! Не томи меня!

– Мы ведь хотели поужинать! – выпаливает она.

Черт! Она уходит от темы. Впиваюсь в нее губами и хватаю за корсет нового платья.

– Нет! – кричит Верона и отпихивает меня. – Не рви платье! Только не это!

– Почему?! – ору я как бешенный.

– Мне оно нравится! Очень нравится!

– Так и сказала бы! А то молчишь всю дорогу и куксишься, будто я на тебя костюм динозавра надел!

– Садист! – кричит она и бьет меня по плечу. – Пусти! Мне больно!

Глава шестая

Вера

Мы сидим в роскошном ресторане, Руссо только что сделал заказ, а я еще взяла минутку на размышление и официант терпеливо ждет. Глаза разбегаются от мудреных названий: «Бланкет», «кассуле», «крет дё кок», «жезье». Боже, я никогда в них не разберусь! Названия в меню выведено кривым танцующим шрифтом, да такими гигантскими буквами, что можно увидеть, что я читаю прямо из припаркованного у ресторана «Мустанга», а ингредиенты прописаны так мелко, что даже с моим стопроцентным зрением мне нужна лупа.

– Детка, я сейчас умру от голода, – ворчит Руссо и со вздохом откидывается на спинку кресла.

Выбираю фаршированную стерлядь и салат с авокадо и креветками.

– Отличный выбор, – с явным облегчением подбадривает меня официант и удаляется.

На самом деле я не люблю, когда что-то фаршируют, тем более ели это делаю не я сама, но мне не хотелось на людях возиться с костями от рыбы.

Осматриваю зал, здесь очень красиво. Классический интерьер в бежевых тонах с огромными хрустальными люстрами и массивными портьерами. Атмосфера мягкая, уютная, располагающая к общению.

На мне потрясающее черное платье, кружевной верх с лифом на подкладке и пышной юбкой из фатина. Оно такое сексуальное, что когда мы вошли,

половина мужчин в зале обратили на меня внимание. Руссо надел темно бордовую рубашку и черные зауженные к низу брюки. Волнистые волосы уложены гелем и зачесаны назад. Рубашка с длинными рукавами прячет от посторонних глаз все татуировки, кроме одной на груди – моего имени. Это так волнительно...

– Ты здесь бывал раньше?

– Да, – признается он и накрывает мою руку своей широкой ладонью. – Обедал с партнерами пару раз.

Боже, у меня настоящее свидание! Надо держаться, главное, не расплакаться от счастья, а то тушь потечет.

– С Егором?

– Нет, детка, с другими.

– Т.е. бои и суши это еще не все?

Он кивает, а у меня захватывает дух. Я совершенно не знаю Руссо. Мне хочется окунуться в его жизнь и исследовать каждую закоулок, но я боюсь показаться излишне любопытной. А он, словно испытывая мое терпение, намеренно обходит эту тему.

– Ты полон тайн.

– Стараюсь.

То, что я считаю неприемлемым в отношениях пары, он считает некой игрой или интригой. Мне нужно при случае объяснить ему свою позицию.

– Верона, нужно бронировать билеты, – в голосе Руссо слышу беспокойство. – Мне нужен твой паспорт.

– Загранпаспорт у меня в общежитии. Но... – я лезу в сумку, выуживаю оттуда блокнот и открываю на нужной странице. – Вот серия и номер паспорта.

Руссо тут же забивает мои данные в телефон и начинает искать подходящий рейс.

– На сколько дней мы полетим?

– Сначала думал о выходных. Сейчас уже размышляю о неделе. Есть рейс в ночь на субботу. Прилет утром. Обрато можно вылететь в следующее воскресенье. Побудем три дня в Вероне. Потом можно взять машину и смотаться в Милан. Как тебе такой план?

– Я пропущу целую неделю занятий...

– Нагонишь, – уверенно заявляет Руссо, – сейчас только начало учебы. Ну что? Бронируем?

И тут я вспоминаю, что у Сани день рождения через неделю. Называю число и говорю, что к этому дню я готовлю ему специальный подарок. Руссо сверлит меня взглядом, губы нервно дергаются, он снова погружается в телефон в поиске рейса.

– О'кей, полетим на четыре дня и три ночи.

Я молча киваю, от осознания того по какой причине мы туда летим, у меня вспыхивает лицо.

– Не могу поверить, что мы это сделаем, – признаюсь я.

Руссо целует костяшки моих пальцев и загадочно улыбается.

Официант приносит воду и разливает по бокалам. Руссо за рулем, поэтому мы отказались от вина.

– Сделаем, – он кривит рот и закатывает глаза, – если я доживу.

– Мне кажется, ты волнуешься больше меня, – усмехаюсь я.

– Не то слово, детка, – он поглаживает мою щеку, затем делает два больших глотка воды и тяжело вздыхает. – Не хочу тебя разочаровать.

Официант приносит наш заказ. На несколько минут за столом воцаряется тишина. Пока я пробую фаршированную рыбу, Руссо все сметает со своей тарелки.

– Ты меня никогда не разочаровываешь, – возвращаюсь я к нашему разговору. – Шокируешь – да, но не разочаровываешь, – он улыбается, и я продолжаю: – Мне нравится твоя уверенность в себе и быстрота. Пока я соображу, что нужно сделать, ты уже это сделал. Мне бы тоже хотелось быть такой.

– Тебе не нужно на меня походить. Будь собой, детка, – мягко произносит он, его глаза поблескивают от огня свечи. – Что тебе еще нравится во мне?

– Твое чувство стиля. Я бы сутки просидела в твоей гардеробной, разглядывая все детали.

Он смеется.

– Ты очень разный, словно у тебя множество лиц. Это пугает и интригует. Мне нравится твое тело, твой запах, не парфюм, хотя он тоже потрясающий, а как пахнет твое тело. Твоя машина мне тоже нравится, она такая же напористая и быстрая как ты.

– А квартира? – он зажмуривается, видимо, знает, что я отвечу.

– Нет, она мне не нравится.

– Почему? Из-за траходрома?

Меня передергивает при этих словах. Хорошо, что я не видела, как была обставлена безликая комната раньше.

– И поэтому тоже. Пустая комната меня пугает.

– Меня тоже, детка. Теперь она меня тоже пугает.

– Поэтому я не хочу брать ключи... ты меня понимаешь?

Он кивает и нервно сглатывает. Улыбка сползает с лица, я спешу перевести разговор на другую тему.

– Расскажи, чем ты еще занимаешься помимо того, что я знаю.

– Не хочу об этом говорить, – отрезает он.

Мне словно дали пощечину, я утыкаюсь в тарелку и делаю вид, что занята поглощением еды, но есть мне уже совсем не хочется. Меня беспокоят вспышки настроения Руссо. Он, то сверх меры веселый и озорной, то вдруг мгновенно мрачнеет и злиться из-за мелочи. Только что он был необычайно нежным, эта новая сторона его натуры проявилась впервые, как опять возвращается грубый Руссо и портит все на корню.

– Что там за коттедж сняла София?

Я уже говорила ему, но, видимо, он плохо слушал. Повторяю свой рассказ, теперь уже не так подробно. Он задает кучу вопросов, но не на все у меня есть ответы.

– Значит, мать Софии сняла коттедж, а она потащила вас к себе. Одна служанка будет убирать, другая готовить. Хм... лихо эта королева устроилась...

Когда он это говорит, идея с переездом мне уже не кажется такой удачной.

– Жить одной в такой машине жутко.

– Не сомневаюсь, что она будет устраивать там вечеринки, приводить своих парней, у которых, конечно же, есть друзья, – его глаза постепенно наливаются гневом, – и это вопрос времени, когда ты с кем-то закрутишь роман.

– Что? Нет! – я вспыхиваю. – Почему ты мне не доверяешь?

– Я тебе доверяю, но я не доверяю всем тем засранцам, которые могут вторгнуться в твою жизнь.

С минуту он молчал, я резко отодвинула тарелку, но не рассчитала, бокал с водой грохнулся на пол и разлетелся на мелкие кусочки. Все в зале повернули в нашу сторону головы. Я покраснела и сконфузилась. Официант сделал знак и женщина в униформе смела осколки, а сам он убрал посуду со стола. Руссо попросил счет, и как ни в чем не бывало, продолжил разговор.

– Мне не нравится эта идея, Верона. Но лучше там, чем в общаге, ясный пень, – он потер лицо ладонями, от чего оно покрылось красными пятнами. – Я бы перевез тебя к себе, но ты только что заявила, что тебе не нравится моя квартира.

Я хлопаю ресницами, не могу поверить в то, что он сказал!

– Ты хочешь, чтобы я переехала к тебе?

Он молчит, а я уже прыгаю в негодование как сорвавшийся со скалы альпинист.

– Как ты можешь мне такое предлагать? Мы знакомы всего месяц, по сути, между нами все сложилось только сегодня. Ты меня даже не знаешь! – я понижаю голос. – Мы даже еще не занимались... *этим*, вдруг я тебе не подойду?

Он усмехается и говорит:

– Поверь мне, Верона, с этим у нас проблем не будет.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Я просто это знаю, детка. Мне хорошо с тобой, тебе со мной. Надо быть слепцом, чтобы не видеть, как ты на меня реагируешь. У меня большой опыт, уж в этом-то я разбираюсь, поверь.

От упоминания опыта меня всю передергивает.

– Как только я заглянул в твои глаза, сразу понял – я попал! Просто мне понадобилось время, чтобы это принять. А по поводу остального, я тебе отвечу так: ты сестренка Курта, а он мой самый близкий друг. Он может меня

ненавидеть, злиться, но если надо, жизнь отдаст за меня. Так что я доверяю тебе так же как ему.

– Но я же притягиваю всякий сброд, – ехидничаю я, увы, не могу сдержаться. Зачем он сказал про опыт?

– С этим я как-нибудь справлюсь, надо же на ком-то зло срывать.

– Вот это я тоже хотела бы обсудить. Почему ты постоянно злишься?

Он тяжело вздыхает.

– Дай мне передышку! У меня был тяжелый день.

Мы молча едем, куда я не знаю... Руссо о чем-то думает, но я не хочу лезть ему в голову. Его настойчивость и упрямство меня доконают. Как бы сложилась ситуация, если бы я не пришла к нему домой? Думаю, все пошло бы по совсем другому сценарию. Он приехал бы за мной вечером и увез туда, где сделал то, чего мы оба хотели. Наверняка, после этого у меня были бы совсем другие мысли и заботы. Руссо никогда бы не узнал о моем отношении к героям Шекспира и про Верону. Но что сделано, то сделано... Теперь мы летим в Италию! Мне в это трудно поверить... еще нужно сделать визу. Наверное, нужны какие-то документы, как я соберу их за три дня? Смотрю на него и боюсь спросить.

Он останавливает машину на стоянке торгового центра такого масштаба, что кажется, в нем могут уместиться жители целого города.

– Идем, нужно тебя сфотографировать, – бурчит он, голос безрадостный.

Мы выходим из машины, он не берет меня за руку, как обычно, а бежит вперед. Мои опасения подтвердились, он на меня злится.

– Руссо! – кричу я и останавливаюсь, он оборачивается. – Я так не могу!

– Что? Верона! Что ты не можешь? – гневно кричит он и разводит руками.

– Ты снова на что-то злишься и не говоришь причину! Не хочу играть в догадки! Что я опять сделала не так?

– Да просто, когда я пытаюсь сделать шаг к тебе, ты отходишь на два, и мы еще дальше, чем были, когда только встретились!

– О чем ты говоришь?

– О твоём переезде к Софии! Я говорю, что если ты переедешь, то для нас это будет путь в никуда!

– Что за глупости!

– Я сам был студентом, Верона! Я знаю, что получится из того, когда три симпатичные девчонки поселяются одни в коттедже. Вечеринки каждые выходные! Выпивка льется рекой. У вас еще и бассейн! Отлично! Я не видел коттедж, но в моей голове это прямо какой-то рай для траха!

Подхожу ближе и заглядываю ему в глаза. Руссо отводит гневный взгляд, дыхание частое, поверхностное. Обхватываю его лицо ладонями и поворачиваю к себе. Как можно ласковее спрашиваю:

– Ты знаешь, почему София именно мне выделила самую дальнюю спальню?

Он нервно сглатывает, но молчит.

– Во-первых, там самая лучшая звукоизоляция. Во-вторых, по ее мнению, тебе должен понравиться дизайн. Тебе, Руссо. Мои подруги знают, что я к тебе чувствую. Они даже готовы к тому, что время от времени ты будешь ночевать у меня. Я же сказала, Руссо: я твоя.

Он ошарашено смотрит на меня и несколько секунд молчит. Потом притягивает меня с такой силой, что выбивает весь воздух из легких.

– Прости, детка, я, наверное, с ума схожу...

– Это точно!

Через минуту Руссо уже тащит меня к главному входу торгового центра. Я улыбаюсь. Он не злится, а большего мне не надо. Мы проходим мимо кричащих витрин – скопление роскоши и люксовых брендов. Этот центр отличается от тех, в какие мы ходили с мамой или подругами, когда приезжали в Москву.

Руссо заводит меня в часовой бутик. П-образная витрина забита дорогими часами. На ходу я снимаю плащ, объясняя свои действия тем, что здесь довольно тепло, но на самом деле он резко контрастирует с моим остальным нарядом и окружающей обстановкой. Продавец, длинноногая блондинка, при виде Руссо расплывается в улыбке и здоровается голосом, напоминающим звонкий колокольчик. Но заметив меня, резко меняется в лице.

– Маша, мне звонил Генрих, сказал, чтобы я заехал.

– Да, он оставил тебе конверт и просил взглянуть на новый каталог.

Девушка уходит в подсобку, через минуту выносит конверт и рекламный проспект. Руссо вскрывает конверт, пересчитывает деньги и называет сумму. Девушка кивает и просит его где-то расписаться.

Руссо листает проспект и делает на нем пометки черным фломастером. Я заглядываю через плечо и вижу, что он проставляет какие-то цифры напротив моделей часов. Не могу стоять рядом с ним и не притрагиваться, особенно, когда он так сосредоточен. Между бровями залегают две параллельные складки. Нижняя губа немного выпирает. Я обнимаю его за талию, рука заползает в боковой карман. Руссо выгибает бровь и напоминает:

– Ты помнишь, какой валютой будешь расплачиваться.

Я улыбаюсь и прижимаюсь к его спине.

Руссо возвращает каталог девушке и поворачивается ко мне.

– Пойдем, зафиксируем твою мардаху в объектив, – он обнимает меня за плечи и ведет в фотоателье.

Мы заходим в небольшую студию. На стенах черно-белые портреты. Руссо называет фотографа Ворон. Они болтают по-приятельски, из разговора я понимаю, что они из одного байкерского клуба. На рабочем столе вижу семейный портрет Ворона с женой и маленьким ребенком. Руссо просит сделать мне фото на визу, я подкрашиваю помадой губы и поправляю прическу. Ворон быстро усаживает меня на регулируемый по высоте стул, фиксирует голову и просит не вертеться. Далее он под моим чутким руководством подправляет «недостатки» в фотошопе и распечатывает фотографии на принтере. Весь процесс занял не более получаса. После чего мы идем назад к машине и выезжаем со стоянки.

– Теперь куда? – спрашиваю я, пристегивая ремень безопасности.

– Заедем за паспортом в общежитие. Пока ты будешь собирать вещи, я заполню онлайн анкету на визу. Потом я отвезу тебя к подругам.

– Хороший план.

– У меня плохих не бывает, – дерзко бросает Руссо и подмигивает. – Пиши Софии, пусть скинет адрес. Забью в навигатор.

– Ого! Вы посмотрите, кто к нам приехал! – встречает нас София у входа, за ней маячит Анна.

Подруги помогают Руссо с вещами, я беру пакеты с обувью. Всей процессией мы поднимаемся на второй этаж и заходим в дальнюю спальню. Руссо присвистывает и ставит чемоданы на пол гардеробной. Он впечатлен домом и моей комнатой. Заглядывает в ванную и восклицает:

– Ничего себе!

Софа расплывается в самодовольной улыбке. Но я чувствую, что его восторг поддельный, в Руссо поднимается новая волна ревности и недоверия. На лице отпечатывается то самое выражение «Рай для траха». Боже, что же мне сделать, чтобы он так не реагировал?

Подруги ведут Руссо на первый этаж, показывает остальную часть дома. Они не понимают, что только подогревают его злость. Анна отстает от процессии, мы почти не говорим, обе все еще сконфужены после последних событий.

– Клевое платье, – наконец шепчет она.

Вполголоса я рассказываю, как мое бордовое платье пало смертью храбрых. Анна одними губами спрашивает: «У вас все уже было?». Я качаю головой, но даю понять, что что-то все же было и она хитро щурится. Похоже, лед между нами начал трещать и плавиться. Подруга просит зайти меня к ней в комнату, когда провожу Руссо и я киваю. Хочу побыстрее с ней все уладить, напряжение в наших отношениях выбивает меня из колеи.

Подруги прощаются и оставляют нас одних в гостиной.

– Завтра с утра придет Наталья и сделает тебе депиляцию. Я выслал ей адрес и твой телефон. Приеду, когда она закончит, поедem в Итальянское посольство. Потом отвезу в институт. Кобра теперь вольная птичка, так что ты должна быть осторожной.

Честно говоря, мне жаль, что не увижу больше Кобру. Мы с ней подружились и я буду скучать.

– Мне нужно после обеда в бутик... очень много работы.

– Как тебе там работается? – Руссо смотрит на наручные часы, видимо, пора прощаться, но мне так не хочется.

– Нормально. В любой работе есть приятные и неприятные аспекты.

– Меня интересуют неприятные, – он хмурится.

– Сложные клиенты, всем нужно угодить, под всех подладиться. Раньше я работала в цеху, наша продукция шла на прилавки в магазины, где уже продавцы работают с клиентами. А тут... все разные... каждый со своими странностями...

Мне, наверное, нужно рассказать об Адаме, но в последний момент я решаю, что справлюсь с ним сама. У Руссо и так много сейчас хлопот.

Мы выходим из коттеджа. Я выскочила в одном платье, а на улице уже довольно прохладно. Руссо видит, что я ежусь и, поцеловав меня на прощание, идет к машине. У него снова испортилось настроение.

– Пока, детка, – кидает он на ходу.

– Спокойной ночи, – отзываюсь я.

Мне не хочется, чтобы он уезжал, но уже поздно, а завтра насыщенный день. Он садится за руль, звонит его мобильный и Руссо тянется к телефону. Я вконец замерзла и, помахав ему на прощанье, закрываю дверь в воротах и убегаю в дом.

Анна еще не спит и сразу отзывается на мой стук. Захожу и вижу, что она уже легла в кровать и наносит крем на руки. Мы болтаем около часа без остановки. Я рассказываю ей про предстоящую поездку, как мы покупали платья, как ходили в ресторан. Она улыбается, комментирует, но про себя ничего не говорит. Не хочу ее торопить, сама все расскажет, когда будет готова. Мне и так хорошо. Анна снова рядом. Теперь даже ближе чем раньше. Стоит только постучать в ближайшую дверь, и я увижу ее улыбку, почувствую ее поддержку.

Я зеваю и смотрю на часы. Боже! Уже первый час ночи!

Мы прощаемся, я довольная выпархиваю из комнаты. Из коридора через узкое окно в пол видна та часть улицы, что расположена перед воротами, и я буквально застываю, увидев, что Руссо еще не уехал. Меня одолевает беспокойство. Забегаю в спальню, накидываю куртку и мчусь к лестнице.

Руссо сидит в машине и смотрит на руль. Не могу понять, что с ним. Приближаюсь к машине со стороны водителя и всматриваюсь в салон. Он не двигается, никак не реагирует на мое появление. Стучу по стеклу, он вздрагивает и открывает дверь.

– Милый, что случилось? – мой голос дрожит от волнения.

- Ничего, – его глаза сонные, он еле шевелит языком.
- Почему ты не уезжаешь? – я накрываю его холодную руку ладонью.
- Не знаю, – откровенно признается он и прижимается щекой к моей руке.
- Ты в порядке?
- Не знаю... нет...

Боже что случилось? Почему он такой странный?

- Пойдем со мной, милый, – говорю я спокойно, но настойчиво.

Он выходит из машины, словно робот. Глаза стеклянные. Из него будто выкачали всю энергию. Я завожу его в дом и веду в свою комнату. Расправляю постель и помогаю ему сесть.

- Давай с тебя все снимем.

Он раздевается и бросает вещи на пол. Я поднимаю их и развешиваю на вешалки в гардеробной. Укладываю его в постель, переодеваюсь в пижаму и забираюсь под одеяло. Он сразу сгребает меня в объятия и зарывается лицом в мои волосы.

- Я с тобой, милый, с тобой. Что бы ни случилось, мы справимся.

Из груди Руссо тут же вырывается протяжный стон. Через несколько минут тело расслабляется и он проваливается в сон.

Аристарх

В ухе что-то зазывно урчит. Открываю глаза и понимаю, что я лежу на животе Вероны, мои руки обхватывают ее бедра. Пижама сползла и оголила резинку ее белых трусиков. Как я мог лечь в такое положение, да еще и спать? Верона что-то сонно бормочет и переворачивается на бок. Она такая сладкая и мягкая, не мудрено, что я использовал ее в качестве подушки. Я пропах ее телом и мне совсем не хочется смывать этот запах, но слипшиеся волосы от пота заставляют меня встать под душ.

Все, что было после звонка матери, я не помню, меня, будто вышибла из тела невиданная мощная сила. Однажды я уже был в таком состоянии и довольно продолжительное время. Я еле выжил, так что сейчас мне совсем не хочется повторения. Но тогда я был один, а сейчас у меня есть Верона. Ее поддержка с

каждым днем становится для меня все более осязаемой. Когда она рядом, я строю планы на будущее, пусть пока только на ближайшее, но все же, раньше и этого не было. Верона собрала меня по кусочкам и заставила поверить в нас. Но новость, которую сообщила мне мать, поставила под сомнение все мои прежние действия. Наверное, кто-то там наверху засыпал ненадолго или отводил взгляд в сторону, теперь же снова обратил на меня свой пристальный негодующий взор и отобрал то, что только-только начало зарождаться... что-то похожее на счастье...

Не помню, что я ответил матери, не помню, что потом говорила она. В памяти проскальзывали лишь события трехлетней давности, которые как я думал, выжег из памяти, но, увы, оказалось, что нет. Маленькая красная коробочка на белой простыне с запиской из одного слова: «Прости!». Так мне отказали в предложении прожить жизнь вместе потому, что нашелся покруче и побогаче. Она упорхнула от меня в Лондон на частном самолете, попивая «Cristal», а на ее пальце блистал бриллиант в десятки раз больше и дороже, чем отверженный собрат из футляра, что по-прежнему хранится у меня в сейфе в гардеробной. Зачем я его храню? Не знаю... Наверное, потому, что это единственное что осталось у меня после ее ухода, единственное к чему прикасались ее руки. Все остальное я сжег в овраге за домом.

Я вспомнил первые недели диких страданий, что выжигали мне душу дотла. Аэропорт куда она прилетела окруженная телохранителями. Как я в отчаянии пытался ее вернуть, но меня даже к ней не подпустили. Вспомнил ее глаза, ее мольбу: «Прошу тебя, отпусти меня!». Победоносный взгляд поддонка, что украл ее у меня. Я вспомнил все! Черт! Как же мне было больно!

Зачем она хочет со мной поговорить? Что можно сказать после трех лет разлуки, в которой я прожигал жизнь, а она стала женой и даже матерью? За каким чертом я ей сдался?

Трель мобильного Вероны вырывает меня из воспоминаний. Я выключаю воду и выхожу из душа. Обматываюсь полотенцем и чищу зубы. Слышу, как Верона шуршит чемоданом, потом хлопает входная дверь. Она ушла, даже не взглянув на меня, оставив одного со своими страхами и горечью. Я вышел из ванны и с безразличием посмотрел на свои трусы. Лучше вообще без них, чем надевать второй день подряд.

Смотрю на часы, скоро восемь. Черт! Не дурно поспал, с учетом того, что я был в кровати не один. Надеваю брюки и иду на кухню. Мне нужен кофе. Вижу, как в коттедж входит Наталья и тащит на себе раскладное кресло, обычно я ей помогаю, но сегодня делаю вид, что меня это совсем не касается.

– Руссо! Не ожидала тебя здесь увидеть! – на лице улыбка, она поняла, что я здесь ночевал.

За ней плетется пацан лет десяти. Это еще кто такой? Наталья улавливает мой хмурый взгляд и извиняется.

– Это мой сын, не с кем сегодня оставить.

Черт! Ко мне бы она его точно не притащила, а тут расслабилась. Наливаю себе эспрессо и возвращаюсь в комнату Вероны. В брюках лежать не хочу и снова раздеваюсь. Включаю телик и щелкаю по каналам. Монотонный рассказ новостей и брэнчание какого-то пианиста ввели меня в сонное состояние и даже кофе не смог исправить положения. Я боролся со сном как мог, но проиграл, голова упала на грудь, рука дернулась и нажала на какую-то кнопку.

Мое дурное и сонливое настроение вмиг улетучивается. Елена Малышева на первом канале рассказывает, что половой член – участник сексуального возбуждения. У меня выгибается бровь от удивления. Ну, надо же! На всю страну она повествует, что такое эрекция и Сэм как бы подтверждая ее слова, оживает. Какой-то лысый мужик в очках с умным видом вторит ей, типа сила гравитации неспособна опустить член вниз. Гравитация? Вы что издеваетесь? Что за хрень! Потом про приток артериальной крови и отток венозной. Сэм в боевой готовности и больно дергается. Лысый утверждает, что спиной мозг ответственен за эрекцию. Я офигеваю! Как же давно я не смотрел этой блабуды! Как можно такое вообще транслировать по телику, да еще и утром?

Проклятье! Кому скажи, что меня завела Малышева, поднимут на смех!

Дверь распахивается и в комнату влетает Верона, я еле успеваю накрыться одеялом и выключить телик. По ее выпученным глазам понимаю, что она прошла боевое крещение – первую депиляцию! На ней короткие шортики в клетку и топик на тонюсеньких лямках. Она трясет руками, лицо перекошено болью.

– У меня там пожар!

В ее руках вижу набор после депиляции. Такой же оставляет мне Наталья после процедуры. Я отлично знаю, что с ним нужно делать, но прежде чем помогу Вероне использовать его по назначению, хочу вознаградить ее за смелый поступок. Я видел вчера страх в ее глазах, но она все-таки решилась, видимо поняла, как это важно для меня.

– Иди ко мне, детка! – командую я и откидываю одеяло.

Она видит Сэма в полной боевой готовности, отскакивает к стене, будто увидела живого дракона и ударяется башкой.

– Ах! – трет затылок, но не сводит взгляда с Сэма.

– Иди сюда, – повторяю я и хлопаю по кровати, – я же дал слово, ты можешь мне доверять.

Она сомневается, но любопытство берет вверх. Когда она садится на край кровати, я сажусь позади нее и обхватываю ее бедра ногами. Сэм упирается в ее ягодицы и начинает дергаться как контуженный. Не хочу пугать Верону своей необузданной страстью и нежно обнимаю ее. Мне стоит это больших усилий. Все внутри меня напрягается и просит жесткого секса. Только взрыв страсти может сейчас меня утолить и заставить забыть о той, что принесла мне столько боли. Но сейчас важен не я, а Верона. У нее только все начинается, каждый мой шаг закладывает фундамент в ее интимную жизнь.

Мои пальцы нежно скользят по изгибу ее тела, начинают с шеи и еле касаясь, проходят по груди. Верона покрывается гусиной кожей, и я не могу удержаться от комментария.

– Видишь, как твое тело отзывается на мои прикосновения?

Она кивает. Сердцебиение учащается.

– Там все еще пожар, – жалуется она.

– Знаю, детка, я все исправлю, но перед этим кое-что сделаю, – нашептываю ей на ухо и она напрягается.

Не помню, когда я это делал в последний раз... по крайней мере, ни одной чиксе за последние три года... хотя нет, была одна, но она не ответила мне на второй звонок и я больше ей не звонил.

– Не думаю, что твои пальцы погасят пожар, – ежится она и пытается вырваться.

– Не пальцы, детка, а вот это, – я припадаю губами к шее, язык накручивает круги.

Она резко разворачивается, смотрит мне в глаза и закусывает нижнюю губу. В глазах любопытство, вожделение и стыд. Такой букет эмоций пролонгирует мой настрой, Сэм снова дергается. Я сползаю на пол и встаю перед ней на колени. Мы долго целуемся, она вцепляется в мои волосы и оттягивает назад, я уже знаю, что это знак для чего-то большего. Моя девочка хочет меня. Нежно кусаю ее подбородок и укладываю на спину. Оставляю дорожку поцелуев от шеи к груди, она ахает и выгибается.

Ее груди совершенны: розовый сосок, форма и размер идеально подходят к моей ладони. Разогреваю их, переходя от нежных прикосновений, до страстных сжиманий. ТерблЮ губами ее соски и нежно покусываю. Она распахивает глаза и громко стонет. Спускаюсь вниз и щекочу языком ее пупок. Она хихикает и сводит ноги.

Прошу приподнять ее бедра и стягиваю с нее шорты и трусики. Черт! Передо мной предстает такое зрелище, что я не в состоянии отвезти от ее промежности взгляд. Я нагло таращусь, чем вызываю у нее смятение и стыд.

– Руссо!

– Не русской мне... дай кайфануть! – рывкаю на нее охрипшим от волнения голосом и она удивленно смотрит на меня.

Не могу отвести взгляд от нетронутой никем девственной чистоты и нервно сглатываю. Это потрясающее зрелище, ничего подобного я не видел. И это все мое! Меня охватывает чувство гордости за то, что именно мне выпала честь это увидеть. Черт! Да я никому не позволю даже на метр приблизиться к моей малышке!

Целую ее бедра и губами прокладываю путь к самому потаенному местечку. Прохожусь языком по клитору, она издает такой хриплый вскрик, что я уже радуюсь, что кто-то подумал о звукоизоляции этой комнаты. Поднимаю голову и всматриваюсь в ее лицо. Ее глаза широко распахнуты. Да, детка! Я знал, что тебе понравится...

– Малышка? Тебе больно? Щиплет?

– Нет! – ее голос искажается от страсти. – Мне хорошо! Даже очень!

Я улыбаюсь и припадаю снова к ее клитору. Она выгибается и сжимает в кулачках простынь.

– Ох! Это... что-то... это... о боже! – ее грудь вздымается.

Не отрываясь от нее, поднимаю глаза, хочу видеть каждый ее вздох, покрасневшее лицо, ее безумный, блуждающий по комнате взгляд. Она дрожит всем телом и вертит головой из стороны в сторону, будто что-то отрицает. Да, детка, то ли еще будет...

Верона хватается меня за волосы и притягивает к себе, будто хочет, чтобы я усилил нажим, поняв ее замысел, я впиваюсь сильнее, спальня наполняется ее криком. Она кончает, приподнявшись на локтях, и зажимает мою голову между колен, так, что у меня закладывает уши.

Черт! Как же здорово за ней наблюдать! Я будто сам кончил! Замедляюсь, а в конце обдуваю раздраженную кожу от депиляции. Она улыбается и смотрит на меня с такой благодарностью, что у меня внутри все переворачивается. Моя девочка!

Вытираю губы и тянусь к спрею «Пантенол». Разбрызгиваю над ее промежностью и, еле касаясь пальцами, втираю.

– Так лучше?

– Подуй еще, – просит она и хитро улыбается.

Вера

Никак не могу вернуться к реальности. В голове такой вихрь, что не удерживается ни одна мысль. Тело отказывается выполнять любую команду. Вся боль от варварской работы коренастой Натальи куда-то улетучилась. Теперь депиляция уже не кажется мне такой убийственной. Предыдущий опыт с Руссо тоже смыло из памяти, навряд ли я о нем когда-нибудь вспомню с учетом того, что я испытала минуту назад. Сладкая пытка закончилась вспышкой такого яркого оргазма, что меня унесло на седьмое небо, где только мы вдвоем. Мой мир захлопнулся и сконцентрировался только на том, что происходит между нами. На его глазах и губах, на его нежных поцелуях, на его самоуверенной ухмылочке. О, боже, он сведет меня с ума.

Он уже принимал душ, но уходит снова в ванну. Проходит десять минут, а он все еще стоит под потоком воды. Жаль, что моя душевая кабина не такая просторная, как у Руссо, я бы к нему присоединилась. Внезапно шум воды прерывается, он выходит, уже в брюках на ходу вытираясь полотенцем.

– Детка, нам надо ускориться, скоро откроется визовый центр, – он застегивает молнию на брюках и оценивающе смотрит на меня.

– Визовый центр подождет, – я хитро улыбаюсь и маню его к себе указательным пальцем.

– Что это?! – он закатывается от смеха. – Ты хочешь еще? Ты прямо сегодня ненасытная!

От его слов я снова краснею.

– Иди ко мне, милый! – мягко приказываю я, и с его лица слетает улыбка.

– Черт! Что ты задумала, детка?

– Кое-что... но мне нужна твоя помощь... м-м-м... маленький инструктаж.

Он нервно сглатывает, кадык дергается вверх-вниз. Это так завораживает!

В один миг я оказываюсь стоя на коленях на краю кровати. Притягиваю его к себе за брюки и расстегиваю ремень.

– Детка, ты уверена? Я и так уже получил удовольствие...

– Т-с-с, удовольствие пока получила только я. Так что я хочу отплатить тебе тем же, – мурлычу я, меня опять захватывает в плен смелость.

Медленно расстегиваю молнию и стягиваю с него брюки. Он переступает и отшвыривает их в сторону. Глаза горят. Смотрю на Сэма, который приветственно покачивается и говорю:

– Привет Сэм, я Верона. Помнишь меня?

– Еще ни одна девушка не говорила с моим членом! – Руссо смеется.

– Ты сам сказал, что нам надо подружиться, – я обхватываю Сэма рукой, и Руссо хватает ртом воздух.

– Полегче, детка...

– Он такой твердый... – я поднимаю на него глаза. – Что мне делать?

– Для начала то, что и в прошлый раз.

Оказывается я неплохая ученица, как только проделываю с ним, что и днем ранее, он стонет и расставляет ноги на ширине плеч.

– Поцелуй его, – хрипит Руссо.

Его голос так заводит, что грешным делом у меня мелькает мысль, а не послать ли к черту эту Италию и сделать все прямо сейчас! Он будто читает мои мысли и, схватив за плечи, притягивает ближе.

– Детка, не отвлекайся, доводи до конца что задумала.

Командир спальных войск дает мне наставления, я делаю все, как он велит. Сэм такой горячий и твердый как камень. Мне нравится чувствовать его мощь. Нравится доставлять ему удовольствие и как он реагирует на мои ласки. Из уст Руссо срываются грязные словечки, но меня это уже ничуть не смущает. Наоборот, от этого по коже бегут мурашки. Я хочу быть с Руссо, хочу все, что он может мне дать, что могу ему дать я.

– Посмотри на меня, детка, – просит Руссо.

Я поднимаю глаза и хлопаю ресницами. Зачем мне нужно на него смотреть? Разве ему не нужно сосредоточиться на других ощущениях? Он с шумом втягивает ртом воздух и громко стонет.

– Детка, ты лучшее, что со мной когда-то случилось! – его голос срывается, он нервно сглатывает и снова командует. – Быстрее! Да, так! Я уже близко!

Я наращиваю темп, губы распухли и горят, это так непривычно, чувствовать его внутри. Его плоть все увеличивается и увеличивается и мне все тяжелее удерживать Сэма. Он хватает мою голову обеими руками и направляет, я чуть не задыхаюсь. Руссо резко вынимает член и, сжав на нем мою руку, с криком кончает. Бесцветная жидкость выстреливает короткими толчками. Я заморожено смотрю на это зрелище и от удовольствия улыбаюсь.

– А-а-а! Черт! Черт! А-а-а! Верона! – он выгибается, покачивается, будто сейчас потеряет равновесие и резко передергивает плечами. – У-у-х! М-м-м... это так классно! Детка... ты прелесть...

Он плюхается на кровать и притягивает меня к себе. Мы сливаемся в долгом поцелуе. Когда он размыкает губы чтобы отдышаться, я спрашиваю:

– А разве... ее... не надо глотать? – я краснею.

Он удивлен и выгибает бровь.

– Сперму... я где-то читала, что...

– Мне это не надо, – прерывает он грубо меня, – для меня важнее, чтобы после всего ты меня поцеловала, и я не хочу слизывать собственную сперму с твоих губ.

– О... – я смущаюсь и отвожу взгляд.

– И не читай глупые журнальчики, там пишут всякую пошлятину, которая забивает мозги настолько, что уже не отличить нормальную девчонку от проститутки.

Теперь я сгораю со стыда. Зачем я это лягнула? Но что-то подначивает меня изнутри и не дает остановиться.

– А те женщины, с которыми ты раньше спал, тоже не глотали?

– Господи! Верона! На кой черт тебе это нужно? Что на тебя нашло? – он вскакивает и хватается за брюки.

Я тоже вскакиваю и бегу в гардеробную за чистым нижним бельем.

– Просто я неопытная, а они... – я надеваю любимый кружевной комплект, – они уже знали, что и как делать... а я не хочу...

В дверном проеме мелькает силуэт Руссо, он резко разворачивает меня к себе и говорит:

– Детка, не смей сравнивать себя с ними, – он осыпает мое лицо поцелуями, – никогда! Ты меня поняла?

Решимость в его тоне заставляет меня кивнуть. В этот момент он излучает такую энергию, что меня уносит куда-то за горизонт. Притягательная, горячая, кипучая, но в то же время нежная и мягкая субстанция обволакивает меня со всех сторон, наполняя новыми ощущениями.

– Они для меня никто, ты для меня – все! – он отстраняется, приглаживает мои волосы и добавляет уже совсем другим тоном: – А теперь одевайся, у нас мало времени. Мы опаздываем как минимум на час! Оденься так, чтобы выглядела на все сто! Это итальяшки, для них внешний вид уже полдела.

– Тогда тебе нужно принести синее платье из машины!

Руссо улыбается и идет к тумбочке за ключами от «Мустанга».

Мы едем в посольство, меня все еще не отпускает та энергия, что нахлынула в спальне. Из-за нее у меня кружиться голова и такая эйфория, что все происходящее кажется нереальным.

– Ты где витаешь? – Руссо заглядывает мне в глаза.

– Я все еще не отошла от... ну ты понимаешь...

– Кайфуша, – Руссо заправляет мне за ухо выбившуюся прядь волос и улыбается.

– Хочу закрыться с тобой в спальне до утра и делать что-нибудь такое, чего я еще не знаю, – мое лицо пылает, мне хочется говорить и говорить. Страстно. Пылко.

Он хмыкает и вцепляется в руль.

– Что? Такая перспектива тебя не радует?

– Смеешься? – глазами он показывает на набухший бугорок под ширинкой.

Ох! Какой Сэм чувствительный!

– Похоже, мы с ним поладили, – смеюсь я.

Дурное настроение Руссо тут же улетучивается. Он улыбается и подмигивает.

– Не то слово, детка, не то слово...

Аристарх

Подача документов прошла быстрее, чем я думал. Я подключил одного из партнеров и нас уже ждали, поэтому пропустили без очереди и к документам Вероны никто не придирался. С работниками консульства она была очаровательна и даже немного кокетничала, что вызвало у меня приступ ревности. Но потом она так страстно прильнула к моим губам в тачке, что я мгновенно остыл.

С каждой близостью наша связь крепнет. Руки постоянно тянутся друг к другу. Я изнывал без секса во Владике, но это ничто по сравнению с тем, что мне сейчас приходится в себе глушить. При воспоминании об ее прелестях меня накрывает волна за волной. Черт! Я не доживу до отлета!

Всю дорогу до института Верона щебечет о том, как хочет преобразить свою спальню и спрашивает в какой торговый центр ей нужно поехать. Я называю парочку мест, где демократичный бюджет и вручаю ей одну из своих кредиток.

– Зачем это?

– Я не смогу с тобой поехать, – предупреждаю я, – если мы хотим провести в Италии четыре дня спокойно, мне придется решить все накопившиеся проблемы. На кредитке тысяч триста, так что сильно не шикуй.

Она распахивает глаза и удивленно таращится.

– Триста тысяч? Я планировала уложиться в десять или пятнадцать. У нас разные понятия о демократических ценах.

– Детка, комнате действительно нужен рестайлинг.

– Но не на такую же сумму!

– А я и не говорю, чтобы ты все их потратила в одночасье, – я начинаю заводиться, ее радар это улавливает, она хватается кредитку и прячет в своем кошельке.

– Я верну ее после покупок.

Называю ей код доступа, она хочет его записать.

– Нет-нет, – протестую я, – запоминай! Никогда не записывай пароли и коды доступа – запоминай!

– Я забуду!

– Подумай, с чем у тебя ассоциируются эти цифры и запомни.

Мы подъезжаем к Академии и смотрим друг на друга.

– Не против если я и эту ночь у тебя переночую?

Она улыбается и говорит что не против. Ладно, с одним разобрались, теперь приступаем к следующему раунду.

– Детка, я хотел поговорить с тобой о предохранении.

Она вздрагивает и краснеет. Черт! Что я такого сказал?

– Если я запишу тебя к гинекологу, ты пойдешь?

– К гинекологу? – в ее глазах такой страх, будто я предложил ей спрыгнуть с моста. – Я никогда не была у гинеколога.

– Значит самое время провериться. Сдашь анализы. Тебе выпишут таблетки. Снимем проблему с предохранением с повестки дня.

– Хорошо, – соглашается она, но по ее виду можно сказать, что она только что не хило стреснула.

– Я бы не настаивал, но нам все равно придется вернуться к этой теме после поездки, так что...

– Все в порядке. Я пойду, – голос звучит уже более уверенно.

Отлично! Целую ее в губы, в памяти всплывает ее образ на коленях, как она ласкает Сэма и очередной прилив будоражит кровь.

– На чем ты доберешься в коттедж?

– Пока не знаю...

Да, теперь это реальная проблема. На метро туда точно не доедешь. Придется ей тащиться с двумя, а то и с тремя пересадками. Про такси я даже думать не хочу.

– Может, ты подождешь меня в бутике?

– Хорошо, – с готовностью кивает она и улыбается.

Я целую костяшки ее пальцев и с неохотой отпускаю. Она идет к лестнице, я смотрю ей вслед... и не я один. Несколько упырей пожирают Верону взглядом, и я еле сдержался, чтобы не выскочить из тачки и не надавать им по мозгам.

Посылаю смс Бизону с предложением встретиться. Нужно донести до него четко и аргументировано, почему я хочу выйти из бизнеса. Он подтверждает время. Газую и мчусь на встречу с партнером.

Через час мы сидим в его задымленном кабинете. Здесь воняет, как в бомжатнике. Судя по пустым бутылкам и оберткам от презиков, Бизон веселился всю ночь. Даже запах его сигар не перебивает смрад. Вентиляция отстой, еще полгода назад я нанял людей, которые должны были исправить недочеты, но Бизон прогнал их и нанял других. В итоге, как не контакило так и не контакит.

Бизон курит как паровоз.

– Я оболдеваю с тебя Руссо! – раздается разгневанный бас Бизона, он тербит бороду, гладит лысину, клубки дыма заволакивают его серое от пьянки лицо. – Когда навара нет, ты жопу рвешь, а теперь дело пошло – ты в кусты!

Конечно, он разозлен, я барьер, отделяющий его банковский счет от очередной безумной идеи. Такое было не раз, стоило ему не посоветоваться или вложить прайсы, несмотря на мои возражения, исход всегда один – банкротство. Пока он был женат на Ленке, к слову сказать, она меня обожала, между нами все было зашибись, полное взаимопонимание. Но год назад этот хмырь бросил жену и

женился на чиксе, которую отрахал весь байкерский клуб и, конечно же, я. После этого у нас все пошло в тартарары. То ли она ему что-то наплела, то ли в красках рассказала про наши «скачки».

– Не передергивай, Бизон! Я вложил прайсы в ночной клуб, а не в то дерьмо, в которое он превратился. Еще год назад я тебе сказал, что против наркоты, ты мне что ответил? «Бро! У меня все под контролем!». И где этот гребанный контроль? По всему клубу снуют какие-то нарки в поисках дозы, распугивая постоянных клиентов. За последние два месяца нас трижды закрывал наркоотдел.

– Я все уладил! – рычит Бизон.

– Хм... Уладил он... Надолго ли? Я тебе талдычу уже год: ночной клуб это бренд, репутация и отлично подобранная промоутерская команда. Я подобрал команду. Что ты с ней сделал?

– Они воровали бабки!

– Все воруют, ты знаешь, как с этим бороться! – я завожусь, не выношу, когда отрицают очевидное, раньше Бизон так себя не вел. – Про камеры над кассой я сказал трижды – ничего не сделано. Я уже не говорю про секьюрити. Их должно быть тридцать человек, а у тебя пятнадцати сейчас не наберется. Годзилла дал нам отличных ребят, а ты что сделал? Короче, Бизон, у тебя свои понятия как управлять этим местом, а у меня свои. Общего мнения нет. Я сваливаю. Готовь прайсы. Срок не ставлю, установишь сам, чтобы все было без обид.

Бизон поскреб свой лысый татуированный череп. Рот перекошен. Он судорожно пытается возразить, но не находит аргументов. Каждую проблему мы уже не раз обсуждали с пеной у рта. Повторяться нет резона.

– Хочешь свалить? Вали! Уговаривать не буду. Только свисну, на твое место толпа набежит.

С этим я не согласен. Все знают, что с чистых и прибыльных проектов я не соскочу. Как только в клубе узнают, что мы разбежались как в море корабли – ему конец, но возражать не стал. Пусть хорохорится, с таким Бизоном мне легче разорвать отношения. Вот если бы он начал скулить и делать вид, что начал прислушиваться к моим словам, скорее всего, я бы дал ему еще один шанс.

– Насчет бабла покумекаю и отзвонюсь.

Я встал и протянул ему руку.

– Больше мы не партнеры, но все еще друзья.

Бизон мнется, ему хреново, мозговой калькулятор уже подсчитывает убытки. Злоба берет вверх и он презрительно фыркает.

– Иди в жопу, Руссо! Руки я тебе не подам.

Одна из нетерпимых мною черт Бизона – он сначала говорит, потом думает. Конечно, мы друзья. Он это знает, я это знаю, все это знают. Я крестный его старшего сына. Был шафером на его свадьбе. Его младшая сестра Алена вышла замуж за Севу. Мы повязаны на всю жизнь, хочет он этого или нет.

Сажусь в тачку, включаю сборник Леонарда Козна – он всегда меня успокаивал и выворачиваю со стоянки. По салону разносится «In My Secret Life». Каждый раз я нахожу в этой песне новый подтекст, сегодня мне кажется, что слова «Моя тайная жизнь» это о нас с Вероной. Она моя тайна, которую я боюсь открыть всему своему окружению. Понимаю, что рано или поздно нас увидят вместе и все мои старания пойдут прахом, но буду скрывать ее столько сколько смогу.

Разрывается мобильник, смотрю на экран, номер незнакомый. В груди что-то екает, будто подсказывает, что мне не нужно отвечать на звонок.

– Слушаю, – голос звучит раздраженно.

– Аристарх...

В груди разрывается бомба! Пульс стучит как в агонии! Это она! Та, что растоптала мое сердце! Та, из-за которой я слетел с катушек, не знал ни сна, ни ощущал вкуса пищи. Ее голос я узнаю из тысячи.

– Лили, – не могу дышать.

– Нам нужно поговорить.

Вот так просто! Три года молчания, а теперь она хочет поговорить!

– Мать мне сказала, но в ближайшие дни не могу.

– Сегодня я в Москве, завтра улетаю в Лондон.

– Удачи! – выпаливаю я, внутри начала закипать неконтролируемая ярость.

– Жду тебя на нашем месте через час...

Она бросила трубку. Черт! Черт! Черт! Что б тебя! Сука!

Лиана никогда не ведет переговоров, она приказывает. Я это терпел, потому что был молод и влюблен, но сейчас меня это просто смешит. Пусть стоит и ждет... год! Сука! Нет больше нашего места! Теперь там торговый центр! Какого хрена она вообще притащилась в Москву? Стало скучно? Насколько я знаю, ее муженек вложил целое состояние в американский судостроительный завод и теперь постоянно торчит там.

Мне предстоит сегодня решить еще одно неприятное дельце и я посылаю сообщение другому своему партнеру.

Черт! Теперь я буду думать об этой сучке! Любопытство будет разъедать меня изнутри, но я не допущу, чтобы она снова вошла в мою жизнь! Чтобы она не хотела обсудить, это подождет. Я ждал ее три года, пусть теперь подождет она!

Я снова разваливаюсь на части, мне срочно нужна Верона! Скорее бы покончить с делами и поехать за ней. Почему мы улетаем не сегодня? Черт! Я пытаюсь убежать от проблемы, а я ненавижу это делать!

Вера

Еле высидев две пары, я попрощалась с Анной и побежала к метро. С каждым днем ее состояние улучшалось, а институтские хлопоты этому еще больше способствовали. Подруги всерьез обсуждали благотворительные проекты, и по их лицам я видела, что это не просто временное увлечение. Анна осталась ждать Софу, вместе они собирались поехать в коттедж на такси.

История с Сальниковым никого не оставила равнодушным. Все судачили, выдвигали свои версии, но правды не знал никто. Больше меня не вызывали в деканат, не расспрашивали следователи, для всех я перестала существовать и меня это только радовало.

Между парами мне позвонила Кобра и официально попрощалась. Я выразила надежду, что она не пропадет из моей жизни и выберется как-нибудь со мной пообедать. Она ответила, что сделает это с преобладающим удовольствием.

От Кати то и дело приходили сообщения о срочной работе. Приближался байкерский фестиваль и бутик был завален заказами. Боже, когда я начну

учиться? По дороге в бутик, я думала о предстоящей поездке в Италию. Гадала, дадут ли мне визу, хотя, по словам Руссо, это был решенный вопрос.

В бутик я приехала к двум часам, Катя как раз возвращалась с обеда. У входа ее ждала подруга. Не успела я приземлиться у рабочего стола и поздороваться с Санчесом, как меня вызвали в примерочную.

Новая клиентка оказалась взбалмошной блондинкой среднего роста. Она вертелась, крутилась, бегала по залу. Ее поведение было похоже на девиз «Ищу, не знаю что, но если найду, скажу». Я сразу прозвала ее Егозой. За одну минуту она могла совершить тысячу разных действий. У меня закружилась голова, чтобы удержать равновесие я сконцентрировалась на Кате. Сегодня она какая-то нервная. На меня почти не смотрит, обиделась из-за Адама? Надо с ней потом поговорить...

Наконец-то блондинка впорхнула в примерочную, и я собралась ее обмерить, но это было довольно затруднительно, так как она мешала мне своими жестикациями. Титаническими усилиями я сдержала ее пыл на несколько секунд и за это мизерное время умудрилась сделать замер бедер и длины брюк. Уф! Я еще не начала работать, а уже устала!

Но все это было разогревом к главному – заданию по переделке. Она трещала без остановки, как сорока, я даже не успела ничего записать. Все ее тело беспрерывно дергалось в безумном ритме. Полчаса прошли в сплошном кошмаре, который я бы не хотела пережить заново.

– Катюха, ты мне вот что скажи, Руссо все еще с тобой в доле?

Я округлила глаза, но постаралась отвезти взгляд, чтобы никто не заметил моего удивления. Так значит, Руссо совладелец бутика! Боже, почему я сама до этого не догадалась? Так выходит, я на него работаю? Отлично! И я узнаю об этом от дергающейся в конвульсиях Егозы!

– Да, а почему ты спрашиваешь?

– На днях он заезжал к моему мужу, из разговора я поняла, что он выходит из трех проектов, подумала, не из бутика ли?

– Нет, слава богу, – отвечает Катя и косится на меня, – не знаю, чтобы я без него делала... – потом обращается ко мне: – Вера, попроси Римму сделать нам зеленый чай.

Выхожу с неохотой, понимаю, что таким образом она хотела от меня избавиться. Егоза что-то мерит за шторкой и визжит от восторга. Я прошу сделать Римму чай и как можно тише иду обратно. Подхожу к примерочной, но занавеску не одергиваю. Слушаю их разговор. Знаю! Это неприлично, но ничего не могу с собой поделаться. Они говорят о Руссо, все мои принципы летят в тартарары.

– Ты при Вере особо не распространяйся про Руссо, она его девушка, – предостерегает подругу Катя.

– Что за чушь?! Она совершенно не в его вкусе! Я думала, он до сих пор сохнет по Лилианне! – восклицает блондинка.

Опля, кто такая Лилианна? Ее знает Катя, но мне и словом не обмолвилась.

– Жизнь течет, все меняется, – туманно отозвалась Катя.

– Ты точно это знаешь?

Катя фыркает.

– Да он с ума по ней сходит. Вчера попросил меня закупить для нее целый гардероб в его квартиру. Говорю тебе, на этот раз все серьезно.

У меня распахиваются глаза. Похоже, Руссо действительно хотел, чтобы я к нему переехала, но мой длинный язык опять все испортил.

– Гардероб? Ха-ха! Да, на Руссо это не похоже...

Из служебного входа вышел Санчес с двумя кружками чая. Оставаться в укрытии я уже не могла и постучала по перегородке между примерочными.

В этот момент на входной двери прозвонил колокольчик и я обернулась. Это был Адам! Увидев его, я машинально схватилась за руку Кати, она сразу поняла мой посыл и пошла встречать клиента. Я заскочила в примерочную и с невероятным энтузиазмом начала обсуждать переделку. После полученной информации Егоза тоже переменилась, стала любезной и начала зазывать в гости. Мы болтали, вернее она говорила, а я «внимательно» слушала, пока нас не прервала Катя.

– Вера, ты мне нужна в другой примерочной.

Я гневно на нее зыркнула, но она одними губами сказала: «Пожалуйста», закатила глаза и сложила ладони вместе, словно мелящаяся монашка.

Прохожу в соседнюю примерочную, Адам сидит на банкетке в сером костюме-тройке, который я ушивала. Примерочная завешана вещами, но он не переодевается. Увидев меня, он поднимает голову и тоскливо улыбается.

– Боже, Вера! Да вы сегодня мое солнце!

Я сдержано здороваюсь, но на его реплику не отвечаю. Наверное, я до сих пор излучаю полученное мною утром удовольствие. Какое-то время мы просто смотрим друг на друга. Сегодня он выглядит неважно. Под глазами темные круги. На лбу проступил пот. Он разлепляет пересохшие губы и говорит:

– Выбрал кое-что из новой коллекции, но чувствую, что примерку не осилю. Могу я это оплатить, а ты позже подъедешь ко мне и переделаешь, если вдруг что-то не подойдет?

Вижу, что Катя мне не помощник и придется все решать самой.

– Меня не будет несколько дней в Москве, Адам.

– Несколько дней? – потрясенно уточняет он.

– Да, я лечу в Италию, потом мне нужно будет нагонять учебу. Да и с учетом объема работы, которую вы обозначили, я советую вам нанять постоянного человека.

– Ничего не имею против, если это будешь ты, – он снова улыбается.

– Как я уже сказала, я не смогу – личные обстоятельства.

– Вера, сколько тебе здесь платят?

Адам снова прыгает с места в карьер. Боже, он так мне напоминает Руссо! Такой же упрямый и целеустремленный. Только вот Руссо я могу одернуть, а клиента – нет.

– Это бестактный вопрос.

На самом деле я не знаю, сколько мне заплатят. Вся оговоренная схема после заказа Адама не работает.

– Знаю, но у меня нет ни времени, ни желания топтаться вокруг да около.

Слышу, как брякнул на двери колокольчик, из соседней примерочной вышли Катя и Егоза. А потом родной до боли голос спросил:

– Где Верона?

Я выглядываю из примерочной и вижу Руссо. Он переделался. На нем синий блейзер с собранными до локтя рукавами, оголяющими тату на руках.

Синие потертые джинсы. Белая рубашка расстегнута на три пуговицы, и мой взгляд непроизвольно падает на тату моего имени. Вид у него взволнованный, что-то случилось. Мне не дали визу?

– Одну минуту, – говорю я Адаму и бегу навстречу Руссо.

Он распахивает объятия и сжимает меня с такой силой, что мне трудно дышать. Целует в лоб, а потом ставит на ноги. Катя и ее подруга стоят с открытыми ртами.

– Детка, тебе еще долго?

– Я бы предпочла уехать прямо сейчас, но пришел проблемный клиент.

Кстати, он предлагает мне работу, – шепчу я ему на ухо.

Руссо хмурится, но держит себя в руках.

– Милый, все в порядке?

– Когда ты рядом – да!

– Привет, Руссо! – подала звук Егоза. Странно, что она целую минуту простояла без движения. – Отлично выглядишь!

– Моя тайная жизнь только что стала явью, – бурчит Руссо, увидев Егозу.

– Ты о чем, – я отслеживаю его взгляд.

– Это Стелла, жена моего партнера и главная сплетница в мотоклубе, – вполголоса отвечает Руссо и поворачивается к Егозе. – Привет, Трещетка! Решила дать мужу перерыв и вскрыть мозг моей сестре и девушке?

Глаза Стеллы распахиваются, она расплывается в улыбке, теперь она получила официальное подтверждение, что Руссо и я вместе. А я только что узнаю, что Катя – сестра Руссо. Опять от Егозы...

– Я сказала Вере, что жду вас в гости и возражений не принимаю.

Вообще-то она приглашала меня одну, про Руссо и словом не обмолвилась.

Она прощается и выпархивает из бутика. Тем временем из примерочной выходит Адам и говорит Кате:

– Ничего не подошло, – Адам вытирает платком лоб и напоминает: – Жду от тебя счет.

– Пришлю завтра утром, – отзывается Катя с улыбкой.

Все ведут себя в рамках отношений «клиент-продавец» и Руссо не раздражается. Но я замечаю, как Адам смотрит на Руссо и щурится. Вид как у

нашкодившего ребенка. Он явно что-то задумал и я напрягаюсь. Катя выходит проводить Адама, а мы с Руссо ныряем в коридор и идем за моей сумкой. Открываю дверь и замираю на месте. На моем столе стоит огромный букет таких красивых цветов, что дух захватывает. Я хлопаю в ладоши от восторга и говорю Руссо:

– Спасибо, они такие красивые!

Лицо Руссо каменеет и я понимаю, что это не от него.

– Э-э-э, это от Адама, – поясняет Санчес.

Подхожу к букету и читаю записку: *«Уезжаю через неделю в Швейцарию на очередной курс химии. Подари мне одно свидание, Вера!»*. Внизу три номера телефона: мобильный, рабочий и домашний.

Руссо выхватывает у меня записку, читает и со злостью рвет.

– Какого хрена тут происходит!?! – рычит он на меня.

Я вкратце рассказываю ему ситуацию, Санчес поддакивает, хотя он не в курсе того, что было у Адама в офисе и дома. Услышав про неизлечимую болезнь и наличие у Адама подружки, Руссо немного остывает, но во взгляде сквозит еще раздражение.

– Катя знает?

– Конечно, а кто, по-твоему, меня к нему отправил?

– Адам друг Кати и клиент бутика, – вставляет Санчес.

– Заткнись! – рявкает Руссо. – Мне плевать кто он, но если он думает, что может у меня за спиной крутить шашни с моей девушкой, то сильно ошибается.

Руссо выбегает в коридор, я за ним.

– Что ты собираешься делать?

– Не вмешивайся! – кричит он на ходу.

Вид у него решительный, у меня перед глазами уже маячат картинки выяснения отношений. Боже, он вытрясет всю душу из Адама. Но тут происходит, то, что переворачивает мой мир с ног на голову. На выходе из бутика Руссо сталкивается с красивой длинноногой брюнеткой и замирает как вкопанный.

Увидев Руссо, она расплывается в улыбке. Пока ее взгляд прикован к нему, я бестактно ее разглядываю. Стройная, высокая, лет двадцати пяти, может даже

старше. У нее длинные прямые волосы до пояса. Серые глаза, правильные пропорциональные черты лица.

Я останавливаюсь за спиной Руссо и обнимаю его за талию, мне хочется его успокоить. Через стеклянную витрину вижу, как Адам прощается с Катей, садится в «Бентли» и уезжает. Уф, пронесло! Хотя он и приставучий как банный лист, но все-таки смертельно больной и я не хочу усугублять его состояние.

Реакция Руссо на брюнетку заставляет меня мгновенно забыть про Адама и букет. Даже через одежду я чувствую, как он весь напрягается и дрожит. Его кулаки сжимаются. Кто эта женщина?

На мой безмолвный вопрос отвечает подросевшая Катя.

– Лилианна? Какими судьбами?

Это бывшая девушка Руссо! Ой, мамочки!

Аристарх

Она нашла меня! Да еще в тот момент, когда я с Вероной! Черт! Ситуация хуже некуда! Я и так злой как черт из-за гавнюка, приславшего веник, а тут еще Лили! Я как на войне, впереди враг, сзади тыл, который, кстати, в унисон со мной трясется как ушатанный дизель.

Вот та, что заставила меня страдать. Заставила почти каждую ночь находить суррогат и трахать до потери пульса, пока Сэм не выставит знак стоп и каждый раз бросать, как хлам, как отработанную вещь. А потом тереть себя под душем всякими гелями и мочалками пока кожа не слезет. Все такая же красивая, как и три года назад, но что-то в ее взгляде изменилось, нет больше той беззаботности и веселости, что мне так нравилась.

Заходит сеструха и своим вопросом разряжает немую сцену.

– Я всего на два дня в Москве, завтра улетаю в Лондон, – голос Лили доносится до меня будто сквозь призму времени.

Лили разглядывает мои татуировки так, будто смотрит на вышедшего из леса Йети.

– Как сын? Сколько ему уже? – спрашивает Катя.

На кой хрен ей это знать?!

– Вчера исполнилось два. В этом году решила познакомить сына с моими родителями, а то они только на фотографиях его видят.

Муженек-олигарх не жалуется на родоков? Конечно! Только я носился с ними как со списанной торбой!

– Как мило, – восклицает сестра, но по ее лицу этого не скажешь. – Вам, наверное, нужно поговорить? – она хватается Верону за руку и тащит к служебному входу.

– Оставь ее! – рявкаю я, да так громко, что все бабы вздрагивают. – Мы уезжаем! – смотрю на Верону и сбавляю обороты. – Детка, бери сумку, у нас столик заказан на восемь.

Она кивает и исчезает за дверью. Моя девочка!

Как только мы остаемся одни, Лили приоткрывает губы и кидается ко мне, но я резко выставляю руку.

– Не лапай меня! Какого хрена ты сюда приперлась?!

Она шокирована, я никогда с ней так не говорил.

– Я ведь сказал, что занят! Ты русский язык уже не понимаешь? На кой хрен я тебе понадобился?

– Что с тобой Аристарх? Ты сам на себя не похож!

– Не называй меня так! – я закипаю как чайник. – Аристарха больше нет!

– Я вижу, – с укором произносит она.

Эта сучка знает, как меня достать! Складываю руки на груди и спрашиваю:

– В чем дело? Что тебе нужно?

– Я рассчитывала на более спокойную обстановку.

– Другой не будет, – бурчу я и оглядываюсь на скрип двери.

Это Верона, она напугана до чертиков и мечет в Лили гневный взгляд. Видимо, Катя уже ей натрещала про мое прошлое, но я на нее не в обиде. Сам виноват! Надо было еще вчера все рассказать.

– Иди ко мне, детка, – протягиваю к ней руку. – Все взяла?

Верона кивает. Только сейчас замечаю, какая она бледная. Хочу ее успокоить, притягиваю к себе и целую в губы. Она тихо вздыхает и прижимается.

– Мы можем поговорить наедине? – прерывает наши нежности Лили.

Эта сучка все еще меня ревнует!

– Нет! – рявкаю я. – Говори или уходи!

– Хорошо, как скажешь. Вчера я встретила Зураба, он сказал, что ты уволился из клиники сразу после нашего расставания.

Что за хрень! Она и раньше это знала!

– И что? Какое тебе до этого дело?

– Аристарх, ты бросил медицину! Перестал общаться с родителями, связался с подозрительными типами! Называешь себя какой-то собачьей кличкой. Ни разу не был на могиле и на поминках Авроры. Что с тобой происходит? Это не ты! – Лили переводит взгляд на Верону, в глазах пляшет ревность. – И кто эта девочка? Она совершеннолетняя? Ее мама знает, что ты с ней делаешь?

– А твой муж знает, что ты здесь?

Она вздрагивает. Попалась!

– Проваливай в свой Лондон и не лезь в мою жизнь!

– Ты изменился до неузнаваемости! – она шокирована и это понятно, два года она встречалась с хирургом, а теперь перед ней стоит татуированный байкер, у которого от любого посыла сносит крышу. – Тебе нужна помощь! Помощь профессионала.

– Что?! – я хохочу так, что стекла дребезжат, Верона сжимает мою руку.

На глаза Лили наворачиваются слезы, я перестаю нервно ржать и смотрю на нее разгневанным взглядом. Ненавижу ее! Никакие слезы меня не растрогают!

– Мне говорили, что ты переживаешь, но чтобы вот так... я не знаю что сказать... мне жаль, что заставила тебя страдать. Аристарх, я не знала, что ты изменишься настолько... Господи, как мне достучаться до тебя?!

Нет! Нет! Нет! Я знаю, чего она добивается! Она всегда это делала после ссоры. Кричала, истерила, чтобы я дошел до ручки, а потом начинала плакать, а я кидался на нее и трахал, как сучку дранную! Ненавижу ее!

– Заткнись! Сука! Убирайся отсюда на хрен!

– Аристарх! Я... ты... мы...

Мною овладевает такая злоба, что я готов ее придушить голыми руками! Хватаю первое, что попадает мне под руку и швыряю в витрину над ее головой! Лили вскрикивает и сжимается. Звон разбившегося стекла приводит ее в бегство.

– Беги сука! Беги пока можешь!

Оглядываюсь и вижу Верону, она бледная как полотно пялится на меня своими огромными глазищами. Таким злым она меня еще не видела. Меня покидают силы, не чувствую ног и падаю перед ней на колени. Из груди вырывается звериный рык. Прижимаюсь к ее животу. Мне кажется, что именно в этой части Вероны мое спасение. Снова на меня накатывает то самое состояние. Я выжитый как лимон. Сил нет пошевелиться. Усиливается давление на уши. Слышу все как под водой.

В торговый зал вбегают Катя и Санчес и застывают от ужаса.

– Ты с ума сошел?! Как я закрою бутик?! – кричит сеструха, поворачивается к Санчесу. – Зови девочек. Нужно вынести весь товар на склад и опечатать. Принеси мне телефон стекольщиков и охранной фирмы.

Еле соображая, я поднимаюсь и плетусь к разбитой витрине. Смотрю на плоды своей неуправляемой ярости. Черт! Что я наделал? Но уж лучше так, чем разбитая голова Лили. Сквозь шум и гам слышу робкий испуганный голос Вероны. Она поет! Что за хрень! Сейчас? Подхожу ближе и вижу, что она забилась под стойку рецепции и под шокированные взгляды моей родни и сотрудниц бутика раскачивается и поет, вернее скулит. Это какая-то колыбельная и я вспоминаю рассказ Курта про то, как Верона спасала его от отца, напевая песню. Стопудово это она и есть.

Кладу голубя на ручку,
Не тешится,
Переложу на другу,
Не ластится.

Верона хватая ртом воздух, с лица капают то ли слезы, то ли пот. Глаза безумные. Выкрикивает какие-то бессмысленные фразы. Что-то про Гоблина. Она ни здесь, а где-то в далеком прошлом. Черт!

– Что это с ней? – Катя испуганно тарашится, не знает, как реагировать.

– У нее шок, не трогайте ее! – команду я, ко мне разом вернулось самообладание, будто с пением Вероны включились все резервные механизмы моего измученного сознания.

Вера

– Верона, девочка моя, посмотри на меня? – слышу я голос Руссо и пытаюсь сконцентрироваться на его лице.

Перед глазами пелена, не могу сосредоточиться. Мысли разлетаются в пляс. Где я? Почему лежу на полу? Почему босиком? Трудно дышать. По мне словно проехался каток. Чувствую на своем лбу мокрое полотенце, Катя пытается меня напоить, но я с трудом глотаю, и вода разливается по лицу. Я морщусь.

Руссо больше не кричит, не швыряет урны в витрины. Его глаза полны слез. Боже, он что, плачет? Пытаюсь пошевелиться, но не могу. Нужно его успокоить. Он так ненавидит эту Лили, что готов был на что угодно, лишь бы не слышать, что она говорила. А говорила она очень обидные вещи.

– Я отнесу тебя в машину, – Руссо осторожно берет меня на руки.

С улицы слышны тархтение байка и визг тормозов, это Игнат. Он бежит к нам и спрашивает, что случилось. Катя ему дает знак, он уходит вместе с ней за стойку рецепции. Под брогами Руссо слышу хруст стекла, осколки разлетелись по всему бутику. Я обнимаю Руссо за шею и говорю:

– Ты снова несешь меня на руках...

– На этот раз по своей вине, детка.

– Ты ни в чем не виноват, – пытаюсь я его успокоить. – Это все она!

– Виноват, детка... прости меня, я не ожидал, что она сюда заявится, – я пытаюсь возразить, но он предостерегает: – Ч-ш-ш-ш... не говори ничего... поговорим потом... сейчас отдыхай.

Он устраивает меня на переднем сиденье «Мустанга» и целует в лоб. Откидывает спинку кресла назад и накрывает меня откуда-то взявшимся пледом. Пристегивает меня ремнем безопасности и осторожно закрывает дверь. Несколько минут он говорит с кем-то по телефону. К машине подходит Игнат, Руссо ему что-то объясняет. Тот его подбадривает. Руссо постоянно зачесывает волосы назад и трет лицо ладонями. Его правая нога нервно отбивает чечетку. Он сильно нервничает...

Любопытные прохожие с интересом разглядывают разбитую витрину и мелькающие фигуры продавщиц. Из мотосалона вышли двое парней, хотели

подойти, но взглянув на Руссо, передумали. Да, сейчас он не в лучшей форме. Видимо, он сам не ожидал от себя такого. Я дико зла на Лилианну, что довела его до срыва.

К бутику подъезжает «Газель». На борту вижу надпись «Остекление магазинов». За ней следом с разницей в пять минут паркуется микроавтобус «Фольксваген» с логотипом частного охранного агентства. Руссо со всеми здоровается и о чем-то говорит, показывая на витрину. Катя толкает Руссо к машине, он прощается и бежит ко мне.

– Как ты? – спрашивает он, садясь за руль.

– Уже лучше, – пишу я, от его затравленного вида на глаза наворачиваются слезы, – а ты как?

– Мне сорвало крышу, я еще долго не буду в порядке.

Он заводит мотор, мы едем по вечернему городу.

– Прости меня, детка, – его рука сжимает мою щиколотку.

– И ты меня прости.

– Тебя-то за что? – он нервно хмыкает.

– Что не надавала ей тумачков. Я растерялась. Теперь корю себя за это...

Он кидает на меня такой странный взгляд, что я невольно ежусь. Но продолжать разговор, у меня нет сил. Сейчас мне все равно, куда мы едем, главное он рядом. Главное мы вместе.

Закрываю глаза и проваливаюсь в сон.

Аристарх

Такого раздрайва я не припомню со дня ухода Лили. Пока мы орали друг на друга, память уносила меня в гребанное прошлое, заставляя снова и снова проживать кричащую боль, из-за которой сносило рассудок с катушек. Эта сучка знает, как меня достать! Все забытое и прибитое пылью всколыхнулось и давило на уязвимые точки. Только присутствие Вероны заставляло меня цепляться за реальность.

Верона поджала под себя колени и уткнулась лбом в стекло. Как можно спать в таком положении? Она постанывает во сне и кривит рот. Улыбается? Если

так, то очень странно. Верона сказала, что корит себя за то, что не надавала тумачков Лили. В тот момент во мне все перевернулось, как будто молния прорезала сознание и отделила Лили от меня окончательно. Для меня она больше не проблема. Странно это осознавать, за пять лет я слился с ней душой и телом. Даже когда она меня бросила, я все еще носил ее в своей башке, в воспоминаниях, и как ни старался выкинуть, до сегодняшнего дня она все еще была во мне.

От Лили меня освободила Верона одной банальной фразой. Вот так просто! Быстро и точно отсекала скальпелем без наркоза. Вдобавок еще попросила прощения! Охренеть! Как такое возможно? Она будто чувствует, что я не могу поднять руку на Лили и заткнуть ей глотку и сожалеет, что не сделала это за меня. Моя девочка!

Перед подъездом сидит тот самый черный пес и тоскливо всматривается вдаль. Увидев меня, он завилял хвостом и бросился мне навстречу. От него так разило, что я ограничился обычным кивком, выставил руку вперед и осторожно обошел его. Но этот гад все же успел лизнуть мне руку.

Мчусь в квартиру и отмываю руки антибактериальным мылом. Я чуть не спалил себе кожу кипятком. Захожу в пустую комнату и застываю. В голове проносятся слова Вероны: «Теперь ты понимаешь, почему я не взяла ключи». Черт! Я понимаю тебя, детка, понимаю. Если по чесноку, то кроме прайсов я ничего сюда не вкладывал. Дизайн придумал мой корешь архитектор. Я просто сказал ему, сколько комнат хочу, ну и, конечно, объяснил про скрытую спальню. Поначалу чиксы оставались у меня ночевать. Не хотелось, чтобы среди ночи они могли найти меня и нарушить мое уединение.

Я принял решение! Надеюсь, что не пожалею! Черт! Да на кой хрен мне об этом жалеть! Набираю номер телефона знакомого риэлтора и даю задание на продажу этой квартиры и покупку новой.

– Детали мы оговорим при встрече, я могу выделить время, скажем, через неделю, – далее следует обычный треп о квадратных метрах, районе и всякой прочей блабуде.

Пока Верона мирно посапывает в машине, собираю в чемодан шмотки на первое время. Если чего-то не хватит, докуплю в Италии. Сюда я не вернусь. Не знаю, что делать с Марией, пока пишу ей записку, что уеду на несколько дней и

прошу не покупать продукты. Вспоминаю наш с ней последний разговор. У Марии младшая дочь скоро выходит замуж, она приглашала на свадьбу, но я по традиции отказался. Я вернулся в гардеробную, нырнул в скрытый сейф и нашел то самое кольцо. Набросал еще одну записку и положил коробочку сверху. После чего почувствовал дикое облегчение. Может ее дочери эта побрякушка принесет счастье?

Уф! Какой кайф! Будто только что я скинул вериги и освободился от многолетнего заточения!

Глава седьмая

Вера

Просыпаюсь в своей спальне, я все еще в синем платье. Какое-то оно у меня несчастливое. Пусть оно и красивое, но я решаю его больше не носить. Повешу на вешалку с запиской «Надевать только в случае траура» и буду молить бога, чтобы такой день никогда не наступил. В комнате полумрак, на тумбе под телевизором горит настольная лампа. Я оглядываюсь, Руссо нет. На меня наваливается невероятная тоска, будто кто-то отобрал у меня его навсегда.

Руссо подарил мне удивительное утро, эйфория держалась до обеда, мне так хотелось продлить это состояние, но события в бутике вытеснили все из памяти. Вспоминаю разбитую витрину, кричащую Лилианну, гнев Руссо. Только сейчас я понимаю, какая бы из них получилась красивая пара. Они были так обворожительны в своем гневе. Только влюбленные могут испытывать такие сильные эмоции. Господи, о чем я думаю? Надо гнать от себя эти мысли!

Осторожно поднимаюсь с постели, удивительно, голова ясная и уже не кружится. Иду в ванную и смотрю на себя в зеркало. О, боже! На кого я похожа? Потекшая тушь оставила дорожки на щеках. Лицо бледное, даже зеленое! Губы потрескались. Утром красавица, вечером – чудовище!

В спальне обо что-то спотыкаюсь и падаю на кровать. Чертыхаюсь и потираю ногу. Включаю свет и вижу огромный черный кожаный чемодан с металлическими уголками по углам. Чей это чемодан? Руссо, чей же еще, отвечаю сама себе.

Захожу в гардеробную и распаковываю свои вещи. Переодеваюсь в джинсы и футболку и спускаюсь на первый этаж. Часы в холле показывают десять часов вечера. Сколько же я проспала? Вижу подруг через стеклянную стену и машу им рукой. Они переглядываются в недоумении и бегут ко мне.

– Как ты себя чувствуешь? – Анна нежно поглаживает меня по плечу и заглядывает в глаза.

Я пожимаю плечами, не знаю, что им сказал Руссо.

– Как ни странно, хорошо. Голова не кружиться.

На лице Софии паника, она хватается за телефон и кому-то набирает сообщение. Что я такого сказала?

– Когда Руссо успел привезти чемодан?

– Когда тебя привез, – ответила Анна. – Он попросился здесь пожить, но мы сказали, чтобы он это уладил в первую очередь с тобой.

– Конечно же, я не против. Мне с ним спокойнее.

– У него, что... нет своей квартиры? – спрашивает Софа без злобы, ей просто любопытно.

– Есть, но я отказалась брать ключи и он расстроился.

Подруги переглядываются. Когда это они стали так близки? Чувствую прямо заговор против меня.

– Почему ты не взяла ключи? – Софа решила завалить меня вопросами.

– Потому что... там... ну... там у него были свидания... с другими...

Анна восклицает короткое: «О!», а Софа смотрит с непониманием.

– Ну и что? Это было до тебя, это не имеет значения! – Софа всегда уверена в своей правоте, спорить бесполезно, я решаю закрыть эту тему.

– Кстати, а где Руссо?

– Ему позвонили и он сорвался как умалишенный.

В голову ворвались пагубные мысли. А что если Лилианна назначила ему встречу и он унесся к ней на всех парах? Ни записки. Ни смс. Я этого не вынесу! Мне надо отвлечься! Чем-то себя занять...

Заглядываю в холодильник, ничего себе! Девчонки купили столько еды, хватит на целый полк. Спрашиваю, у нас, что намечается вечеринка?

– Нет, но к нам заглядывают теперь два проглата, нужно запастись продуктами, – констатирует с издевкой Софа.

– Два? Кто второй? Ты уже с кем-то познакомилась?

– Нет, второй – Габриель.

Я шокирована, поворачиваюсь к Анне, она отводит взгляд. Что происходит? Пару дней назад мы вытаскивали ее из ада, а теперь он снова в ее жизни?

– Вы померились? – спрашиваю я с придыханием.

– Они поговорили, – ответила за Анну Софа, – все выяснили. Оказалось, что была третья заинтересованная сторона, которая и подливала масла в огонь.

– Наша общая подруга, – подала голос Анна.

– И что? Вы теперь снова вместе?

– Я бы так не сказала, но...

– Да вместе они, – прерывает с нетерпением ее Софа, – вместе. Просто им нужно время, чтобы все это переварить.

– Из твоих уст это звучит так просто, – упрекает ее Анна.

– Но из института вы приехали вдвоем! – Софа обращается ко мне. – Видела бы ты их! Закрылись в спальне, вышли оттуда красные, как чехол от моего айфона.

– Мы просто целовались, – пытается оправдаться Анна.

– Ох, избавь меня от подробностей своей личной жизни, – шутливо говорит Софа и кидает в нее яблоко. Анна ловит его на лету, говорит: «Спасибо» и надкусывает. – Я сейчас безответно влюблена и мне лучше лишний раз не возбуждаться!

Вот тебе на! Софа влюблена? Кто этот «счастливчик»?

– Есть хотите? – спрашиваю я.

– Да! – отвечают они в унисон и смеются.

Включаю плиту и вынимаю два противня. Быстро нарезаю овощи и укладываю их в фольгу, посыпаю специями и перцем. Пока духовка разогревается, я замачиваю кусочки индейки в соусе и укладываю их в пакет для запекания. Никогда им не пользовалась, но Софа меня убеждает, что сейчас как раз тот самый случай.

Девчонки внимательно за мной наблюдают и удивляются, как лихо я управляюсь. Они еще не видели мою маму. Помещаю все в духовку и включаю таймер. Поворачиваюсь и натываюсь на Софу. Она стоит рядом, глаза заговорчески горят. Точно что-то задумала!

– Ты веришь в любовь с первого взгляда? – спрашивает она и манерно подпирает подбородок, словно скульптура «Мыслитель».

Анна прыскает от смеха. Чувствую подвох, но отвечаю утвердительно.

– Вот и я верю, – Софа закатывает глаза и нарочито громко игриво вздыхает. Сплошная театральщина. – И намеренна самым грубым и примитивным способом привлечь его внимание. Иначе как он узнает о моих чувствах?

Пока все вроде логично.

– А что конкретно ты собираешься делать?

– Попросить его сестру приехать его к нам в гости.

– У него есть сестра?

– Угу, – Софа улыбается.

– Я ее знаю? – спрашиваю я, собираюсь сесть на барный стул и заново ногу.

– Да, это ты!

Вздрагиваю, промахиваюсь мимо стула и чуть не падаю. Софа вовремя удерживает меня.

– Ты говоришь о моем брате?! О Сане?! – удивлению нет предела.

Когда она успела в него влюбиться? Они ведь виделись раз или два.

Софа кивает, улыбка сползает с лица, она пристально смотрит мне в глаза, пытаюсь угадать реакцию. Я молча на нее тарашусь, не в состоянии дать оценку такому признанию. Как я могу ей помочь? Да и стану ли это делать, с учетом характера брата? А еще эта Аквамарин!

– Верона, скажи ей что-нибудь, она сейчас с ума сойдет, – настаивает Анна и замирает.

– Софа я тебе не завидую... – единственное, что я смогла вымолвить.

– Почему? – Софа хлопает ресницами, такого ответа она точно не ожидала.

– Это очень неудачный выбор, говорю тебе это как его сестра.

Софа срывается с места, пока она обегает кухонный остров, я вижу, как увлажнились ее глаза, и смотрю на Анну, ища поддержки.

– Софа! Тормозни! – кричит ей Анна. – Остынь и узнай подробности, потом будешь лить слезы.

Боже мой, сейчас бы Руссо назвал меня Слепой Курицей. Я дальше носа своего не вижу. Как я могла упустить такое?! Вспоминаю, что она задавала о нем много вопросов, но ведь Софа всегда это делает. Ее интересует буквально все.

Дверь спальни Софы громко хлопает и мы с Анной вздрагиваем.

– Давно ты знаешь? – с вызовом спрашиваю я.

Анна кивает.

– Отлично, вчера мы говорили целый час, а ты словом об этом не обмолвилась.

– Она просила меня не говорить.

– Да что с вами такое? Сначала ты скрываешь от меня причину размолвки с Габриелем, теперь Софа признается, что влюблена в Саню... да и то только потому, что ей нужна моя помощь. Я все узнаю последней. Откуда такое недоверие?

– Просто ты нас осуждаешь...

– Я!? – срываюсь на крик. – Я вас осуждаю?! – сейчас лопну от возмущения. – Да когда такое было!? Господи! Анна! Ты сейчас меня оскорбила хуже некуда! Если бы ты обозвала меня проституткой, я бы меньше обиделась.

– Словами ты не говоришь, но смотришь так...

– Как? Как я смотрю?

Анна изображает гримасу на лице, якобы принадлежащую мне. От этой демонстрации мне еще хуже. По ее мнению, я – ханжа?

– Да я в жизни никого не осуждала! Кто я такая, чтобы судить людей? Во мне самой полно всяких недостатков. Я просто пытаюсь понять! Знаешь, какое прозвище дал мне Руссо?

Анна кидает на меня вопросительный взгляд.

– Неандертальская Женщина! Так оно и есть... я жила как в панцире, под пристальным надзором мамы и других родственников. Мой день был расписан по минутам. Учеба, работа в цеху, работа в огороде, уборка, стирка и готовка в доме.

Никаких послаблений! Даже в дни женского нездоровья и простуды. Мама меня готовила к суровой жизни, а теперь я тут с вами... и я... и я... – на глаза навернулись слезы, ну вот, теперь мы все плачем! – Живу как в раю! У меня самый лучший парень на свете! У меня две замечательные подруги! Внезапно ко мне потеплел старший брат! Даже не знаю, чем я все это заслужила! Руссо меня балует подарками, Софа снимает коттедж, все окружают меня такой заботой, словно я диковинное создание. Я к такому была не готова! Мне кажется, что я сплю, вот сейчас открою глаза и все исчезнет...

Анна обнимает меня и гладит по спине.

– Верона, пожалуйста, не плач, тебе и так сегодня досталось. Прости, мы не хотели заводить этот разговор, просто так вышло.

Но я уже не могу остановиться. Рыдаю в объятиях подруги как маленькая девочка. Из меня выходят все накопленные за последние дни эмоции: страхи, обиды, недопонимание, подавленный гнев. Я поднимаю глаза и вижу в одном дверном проеме Руссо с мобильником в руке, в другом – Софу. Не знаю, сколько они там стоят, но явно слышали мои последние слова. Вид у всех потрясенный, никто никогда не слышал, чтобы я так кричала.

Аристарх

– Ма, ты как? – беру мать за руку и заглядываю ей в глаза.

Она улыбается и заверяет меня, что ей уже лучше. Час назад мне позвонил отец и прокричал в трубку, что вызвал матери «Скорую» – сердечный приступ. Я был на грани помешательства. В такие минуты ты забываешь обо всех обидах. Не помню, как я сюда домчался, но помню испуганные глаза отца. Пока ехал, позвонил Игнату, а тот подключил знакомого кардиолога. Теперь мы сидим в родительской спальне и оба пялимся на кардиограмму. По его мнению, опасность миновала, но рисковать он не хотел и предложил госпитализацию. Мать категорически отказалась.

– Если и суждено мне умереть, я это сделаю в собственной постели.

Мы с отцом пытаемся ее вразумить, но она стоит на своем. А потом удивляется в кого я такой упертый!

– Ма, это не обсуждается, ты упряма, а я еще упрямей. Мы едем в больницу! – я начинаю заводиться.

– Нет, сынок, – голос матери спокойный, но твердый. – Я согласна завтра пройти полное обследование и если оно покажет, что нужна госпитализация, то я сдам дела в институте и лягу в больницу. Но сейчас, ночью я никуда не поеду.

– Черт! Ма!

Рука отца ложится на мое плечо, так он просит меня остыть. Он провожает кардиолога, а я сажусь на край кровати. Не помню, когда мы вот так сидели и просто молчали. Да, наверное, никогда. Моя мать стойкая женщина, но сейчас что-то в ней надломилось и мне от этого больно.

– Можно я использую запрещенный прием, воспользуюсь своим положением и кое о чем тебя попрошу? – она вымучивает улыбку, но я уже чую неладное.

– Конечно, что угодно, – я снова сжимаю ее руку.

– Правда? Не ожидала, что ты так быстро капитулируешь. Надо было припасти на случай несколько просьб.

– Что ты хочешь, ма?

Несколько секунд она собирается с силами. Слезы рвутся на поверхность, но она их все же сдерживает, ей это дается нелегко и я уже готов на все лишь бы она не плакала.

– Можешь в этом году не лететь на Фиджи?

Я невольно вздрагиваю и поднимаю на нее глаза.

– Это точно запрещенный прием, – недовольно бурчу я.

Не могу отказать матери, когда она в таком положении и киваю. Она накрывает второй рукой мою ладонь и нежно поглаживает.

– Было бы отлично, если бы ты привел Веру на поминки...

– Что? Зачем, ма? Она даже не знала Аврору!

– Понятное дело, обычно девушку не водят по поминкам, это не романтично, но у меня к ее персоне меркантильный интерес.

Мои брови взлетают вверх от удивления.

– У тебя? Меркантильный? – я усмехаюсь. – Это что-то новенькое! Давай, ма, колись, что задумала?

– Мне нужно чтобы она взяла на себя готовку. Как видишь, я теперь ни на что не гожусь.

– Можно заказать еду из ресторана, – осторожно предложил я.

Мне все еще не нравится эта идея.

– Да, я тоже так сначала подумала, но Аврора терпеть не могла ресторанную еду. Говорила, что в нее не вкладывают душу как в домашнюю.

– А-а, понятно. Тогда лады. Верона готовит – пальчики оближешь. Перед гостями стыдно не будет.

Мать надевает очки и вглядывается в мое лицо.

– Я тебя еще никогда таким не видела и очень этому рада.

– Каким «таким»? – я хмурюсь.

– Счастливым.

– Скажешь тоже, ма, – впервые смущаюсь перед матерью.

– Да, мать всегда такое замечает.

– Я только что поскандалил с Лили, разбил витрину, вогнал свою девушку в шоковый ступор... как-то не тянет все это на счастье.

– Суета сует, – по ответу матери понимаю, что она в курсе последних событий.

Черт! Я подправлю сеструхе карму и начищу все ее гребанные чакры, никакая йога ей не поможет! Мать понимает ход моих мыслей и говорит:

– Это не Катя. Лили сама мне звонила.

– Что?! – я пытался вскочить, то рука матери сжала меня как тиски. Откуда у нее силы берутся? – Так это ты из-за ее звонка расстроилась?

– Хотела бы я так сказать и посмотреть, как ты устроишь темную этой взбалмошной фифе. Но нет, не из-за нее... мне еще утром было не по себе, поэтому осталась дома и решила отлежаться.

– Я думал, тебе нравится Лили...

У меня был шок, хотя чему удивляться, мы впервые говорим о Лили с матерью наедине.

– Ты любил ее, я – принимала... – уклончиво отвечает мать.

– Ма, ты дружишь с ее родителями, она была подруга Авроры... черт! Я и не знал, что она тебе не нравилась!

– Вот теперь знаешь.

– А Вера тебе нравится? – спрашиваю для проформы, я уже знаю ответ.

– Вера?

Мать сделала вид, что задумалась, но лукавый взгляд ее выдал и я погрозил ей пальцем.

– Хитрюга...

– Пока я ее мало знаю, но то, что вижу, мне нравится, по крайней мере, она при случае накормит всю мою семью, а не потащит в ресторан, где счет будет превышать мой месячный оклад. Какие у тебя на нее планы?

– Не хочу забегать вперед, – отнекиваюсь я, но мать так на меня проникновенно смотрит, что я впервые приоткрываю завесу своих намерений. – Послезавтра мы летим в Италию. Она хочет это сделать в Вероне.

У матери округляются глаза.

– Так вы еще... не...

– Нет, но собираемся. У нее это будет в первый раз, и я не хочу облажаться.

– Сынок, а ее брат знает?

Точный бросок! Я качаю головой.

– О, тебе лучше ему сказать, а то будет как-то не по-мужски.

– Скажу мама, скажу...

Возвращается отец и говорит, что я, наверное, уже надоел матери своими слезными излияниями. Очень смешно! Я хмыкаю и выхожу из комнаты. В нашей семье паводок, лед растоплен, осталось только решить вопрос с Фиджи. Я запланировал на берегу океана поминальную службу и теперь придется все отменять. В глубине души я благодарен матери, что она меня попросила остаться. Сам бы я не смог прервать цепь событий.

Еду в коттедж к Вероне и размышляю над словами матери. Она права, нужно сказать Курту о наших планах с Вероной. Набираю его номер и спрашиваю как у него дела и где он сейчас. Если рядом Аквамарин, то понятно я буду держать рот на замке. Курт отвечает, что едет в тачке один. Пока он не начал орать, я рассказываю ему все новости: о деле Сальникова, о Кобре, о помощи Дракона. Затем о более неприятных вещах – витрина, Лили, ступор Вероны.

Паркуюсь у коттеджа и заканчиваю разговор о предстоящей поездке в Италию. Я ожидал, что Курт сейчас взорвется и начнет гнать пургу, но он молчит.

Подъезжаю к дому. Открываю входную дверь и захожу в коттедж. Прохожу через холл и слышу на кухне крик Вероны, что-то она слишком бодрая после дозы снотворного.

– Что там происходит? – Курт все еще на линии.

– Верона спорит с подругой, – вполголоса говорю я и захожу на кухню.

– Господи! Анна! – кричит Верона. – Ты сейчас меня оскорбила хуже некуда! Ты лучше бы меня обозвала проституткой, я бы меньше обиделась.

– Ты же сказал, что она спит под лошадиной дозой успокоительного, – рычит Курт.

– Я так думал... – шепчу я.

Далее следует длинный монолог, от которого меня бросает в жар. Я не знал, какая у Вероны была жизнь, но то, что слышу, мне не нравится. Даже с ангиной ее заставляли работать? Господи, да что у нее за мать?

– Руссо, дай ей трубку! – кричит Курт мне в ухо. – Она что плачет? Черт! Верона!

Вера

Ситуация настолько неловкая, что от стыда я срываюсь к лестнице и бегу в свою комнату. Сказанные слова предназначались только Анне, у нее более тонкая душевная организация, она меня понимает с полуслова. У Софы своя правда, а вот Руссо точно не должен был этого услышать, тем более сейчас. Ему многое нужно объяснить о Лилианне.

Руссо настигает меня у лестницы и сует мне в руку телефон, откуда уже слышен крик брата.

– Верона! Алло! Ты меня слышишь?!

– Да, – вот уж кого я сейчас не ожидала услышать. – Я тут.

Кидаю красноречивый взгляд на Софу, та мгновенно выпрямляется, я прямо отсюда слышу, как закрутились шестеренки в ее макиавеллевских мозгах.

– Ангел мой! Почему я опять все узнаю последним? – так он меня еще никогда не называл и я немного шокирована. – Ты съехала из общежития и даже не предупредила меня. А только что я узнаю, что ты летишь с Руссо в Италию.

О, боже! Руссо сказал ему! Зачем? Я не хотела. Угрожающе тычу кулаком ему в лицо. Я ему сейчас устрою взбучку, но тот целует мою руку и обезоруживающе улыбается.

– Прости, столько всего навалилось. В коттедже я провела всего пару ночей, а по поводу Италии... я бы обязательно тебе позвонила... перед вылетом.

– Перед вылетом, значит, – Саня поймал меня на слове.

Да-да, я боялась, что он меня отговорит или еще больше, приедет в аэропорт и остановит «от самого опрометчивого поступка в моей жизни».

– Ты не против, если я заеду? Хочу сам убедиться, что ты в порядке. Я недалеко от тебя.

– Ты рядом? – повторяю для Софы. – Конечно, заезжай.

Софа как подорванная помчалась в свою спальню, Анна захихикала. Поведение подруг показалось Руссо очень подозрительным и он нахмурился.

Отдаю мобильный телефон Руссо и иду на кухню, откуда доносится визжащий писк таймера духовки.

Саня приезжает как раз к ужину. Бросает голодный взгляд на индейку, и я достаю из шкафа еще одну тарелку. Вид у него безрадостный, на Руссо он вообще не смотрит – все еще злится. Пока он и Руссо «уходят мыть руки», так они объяснили свое долгое отсутствие – их препирания были слышны даже на первом этаже – я нарезаю парочку салатов и критично оглядываю стол. Теперь полный порядок. Еды хватит на всех.

Анна помогает мне с сервировкой. То и дело она заглядывает мне в глаза, но после выплаканных слез мне стало лучше, словно камень упал с души и я ей подмигиваю. Софа вышла к столу в вечернем макияже и шикарном коротком платье – сразу две ошибки. Она так нервничала, что дважды роняла вилку на пол. Саня был слишком занят мной и Руссо, чтобы обратить на нее *особое* внимание, но я знала, что Софа обязательно что-нибудь придумает.

Руссо как всегда сел ко мне вполоборота и сгреб мои ноги под столом. Мы перекидывались знаками, которые понимали только мы. То, что для нас уже стало

нормой, другие видели впервые и я ловила на себе удивленные взгляды брата и подруг.

Сначала разговор не клеился, это понятно, Руссо с братом из-за меня в контре, Анна витает в облаках, Софа сконцентрирована на Сане. Решаю, что всем нужно раскрепоститься и достаю из холодильника бутылку красного вина. Руссо отказывается, но я настаиваю. Я решила, что мы не уснем, пока не поговорим о случившемся.

– Я за рулем, – Саня накрывает бокал рукой.

– Останешься у нас на ночь, – говорю я и убираю его руку.

– Гостевая спальня на первом этаже пустует, – подмечает как бы, между прочим, Анна.

Ах, вот что они задумали! Комната Софы через стенку! Ну-ну!

– Скоро сюда перекочет все семейство Павловых, – усмехается Софа, но она нервничает и вместо улыбки выходит оскал.

– Нет, я поеду в мастерскую, – тут же заявляет Саня.

Конечно, она спугнула брата.

– Ты спишь в мастерской? – Софа чуть не поперхнулась, так она реагировала, когда Анна ей сказала, что половина студентов живущих в общежитии недоедают.

– Я там работаю, а в перерывах сплю, – огрызается Саня.

За столом воцаряется неловкое молчание, пока его не прерывает Софа.

– Это дом для заблудших душ. Так что, если ты заблудился и захочешь к нам присоединиться, всегда рады.

Вместо ответа Саня залпом выпил бокал вина. Глаза Софы заблестели. По вытянувшемуся лицу Руссо, понимаю, что до него только что дошел истинный замысел Софии. Милости прошу в мой мир! Страшно подумать, во что превратится моя жизнь, если она добьется своего и войдет в мою семью.

Саня наливает себе второй бокал вина и злобно посматривает на Руссо. Ой, что-то мне уже не нравится моя идея о раскрепощении атмосферы.

– Так, значит, вы решили сделать это в Вероне, как ты и мечтала! – выпаливает как из пушки брат.

– Курт! Заткнись! Твою мать! – рычит Руссо.

Я заливаюсь краской и машинально хватаюсь за горло.

– Еще раз вспомнишь мою мать и я сверну тебе башку! – вторит ему Саня.

– Клёво! – восклицает Софа. – Верона, почему ты не сказала, что у нас сегодня намечается мордобой? Я бы попкорна прикупила...

Как ни странно, но ее реплика всех охладила.

– Ты хочешь *это* сделать в Вероне? – Анна улыбается. – Боже, как это романтично! Ты будешь стоять на балконе Джульетты, а Руссо будет декларировать Шекспира...

Руссо чуть не подавился. Как бы я ни старалась, но в роли Ромео не могу его представить. Я хлопаю его по спине, пока он откашливается, а потом допиваю вино и тянусь за добавкой.

– Детка, тебе нельзя, я дал тебе лошадиную дозу успокоительного, – Руссо отодвигает бутылку. – Бокал еще ничего, а второй уже перегиб.

– ...а после поселитесь в каком-нибудь отеле в номере для молодоженов, – Анна все еще в своей теме, – и предадитесь любви. Первое время все будет хорошо, – лицо Анны мрачнеет. – Пройдет год и какая-то зараза вклинится между вами и все испортит. Вместо того, чтобы поговорить со своей девушкой, он поверит чужим смскам.

На глаза Анны наворачиваются слезы, я мгновенно напрягаюсь. Ой, а вот Анне точно не надо было пить! Что я натворила?! Вечно я все порчу.

– Все наладится, Анна, – пытаюсь ее успокоить, но она соскакивает со стула, на ходу бросает: «Простите» и убегает в свою комнату.

Вот так ужасно прошел наш первый совместный ужин.

– Весело у вас тут, – Саня обвел наши с Софой мрачные лица. – Давайте хоть напьемся что ли...

Софа нырнула в холодильник и поставила на стол вторую бутылку вина.

Когда вторая бутылка отправилась в мусор, я убрала со стола. Руссо показал, как пользоваться посудомоечной машиной и мы вместе загрузили посуду. Накануне мне уже объясняла Софа, но я ничего не поняла. Когда же объясняет Руссо все проще простого. Мы пожелали «собутыльникам» спокойной ночи и поднялись в мою спальню. Саня сверлил нас взглядом, но больше не кидал едких реплик... и то хорошо.

– Детка, тыпустишь меня к себе до покупки новой квартиры? – спрашивает с порога Руссо.

– Что?! – я отпрянула от него так, словно меня ударило током.

Руссо помрачнел, между бровей залегли две параллельные складки.

– Если нет, то ничего страшного, – он привалился к стене, – поживу у родителей в гостевом доме.

– Ты продаешь квартиру? Зачем? Что за вздор? И когда ты это решил?

– Сегодня, пока ты спала в машине.

– Но почему?

Казалось, мой вопрос его удивил.

– Потому что тебе она не нравится.

– Мне не нравилась всего одна комната. Да и мало ли что мне не нравится, – я сажусь на край кровати, вид ошарашенный, когда я говорила про ключи и про то, как пугает меня пустая комната, никак не ожидала от Руссо такой реакции, – с ума сойти... продаешь квартиру...

– Не пойму это да или нет, – он складывает руки на груди.

– Что? – я потрясена и обескуражена.

– Я могу остаться у тебя?

– Конечно, можешь! – вскипаю я. – Почему ты спрашиваешь? Ты что думал, что я скажу «нет»?

– Ну, мало ли, может тебе нужно пространство... – бурчит он.

Господи, знал бы он как тяжело мне с ним каждый раз расставаться!

– Мне нужен ты! – я выпалила это слишком рьяно.

– Правда? – на лице Руссо расплывается довольная улыбка.

– Ты сегодня какой-то странный, это Лилианна выбила тебя из колеи? Еще вчера ты даже не спросил бы меня об этом, просто поставил перед фактом.

Он не отвечает, затаскивает чемодан в гардеробную, возиться с вещами. Выходит в черных пижамных брюках и ложиться на кровать.

– Ты хочешь сейчас, за день до нашего отлета в Верону, где ты впервые займешься сексом, говорить о Лили?

Когда он так расставил акценты, я уже ни в чем не уверена. Пока я раздумывала, он обрушил на меня такую новость, от которой все остальное просто померкло.

– У моей матери был сердечный приступ.

– Что?! – я вскочила с кровати и уставилась на Руссо. – О боже! Когда?

– Три часа назад.

Он рассказывает мне подробности, я все ближе и ближе придвигаюсь к нему, а потом прошу набрать ее номер, но Руссо говорит, что его мать, скорее всего, уже спит. Сердечный приступ у пятидесятипятилетней женщины не укладывается у меня в голове. Моя мама не на много младше, но по сравнению с ней Галина Сергеевна – молодуха. Она ухожена, одевается со вкусом, на лице практически нет морщин, а на голове не сыщешь ни единого седого волоска.

– Руссо, мне так жаль... – я ложусь к нему под бочок, голова на его груди, руки опоясывают талию.

Мне хочется слиться с ним в единое целое, проникнуть в каждую его клеточку.

– Завтра я везу мать на обследование, поэтому встать мне нужно не позже семи часов, – от моих ерзаний его тело напрягается. – Детка, у нас есть второе одеяло?

– Зачем? Это же большое!

– Я сейчас в таком состоянии, что мне лучше не прикасаться ни к одной твоей голой части.

– О! – я краснею. – Ладно, сейчас принесу.

Почему он не хочет прикасаться ко мне?

Я приношу из гардеробной одеяло. Он заводит свои часы на семь утра и выключает свет. Матрас прогибается под его весом.

– Спокойной ночи, детка, – он целует меня в лоб.

– Спокойной ночи, – выдавливаю я из себя.

Он кряхтит, поворачивается ко мне спиной и устраивается поудобнее на боку. Второе одеяло отделяет его от меня как заключенных колючая проволока от долгожданной свободы.

Я тоже отворачиваюсь и пытаюсь заснуть, но не тут-то было. На меня вдруг наваливается жуткое чувство одиночества. Он рядом, но он недосягаем. Я не чувствую его горячего тела, его терпкого запаха, его дыхания, оно у него такое пряное. Мне кажется, что я безнадежно втрескалась в Руссо. Нет, мне не кажется. Я уверена! Боже, помоги мне, я схожу с ума! Меня переполняют эмоции, не могу успокоиться. Может, это вино мне ударило в голову? Но я выпила всего один бокал. Сдерживаюсь из последних сил, чтобы не зарыдать, но пару раз мои всхлипы прорвались наружу и Руссо, конечно же, их услышал.

– Верона, ты чего? – он откинул свое одеяло и прижал меня к себе.

Я молчу, а что мне ответить? Я только что осознала, что люблю тебя?

– Почему ты плачешь? Скажи, детка, не закрывайся от меня, – его голос взволнован, ну вот, теперь он не уснет, пока не докопается до причины.

Я поворачиваюсь к нему, вытираю слезы и глажу его лицо.

– Вот теперь, когда ты так близко мне уже лучше...

– Черт! Верона! Ты что обиделась из-за второго одеяла?

Я киваю, пусть думает что «да».

– Да меня стояк замучил! Я хотел, чтобы мы немного поспали... набрались сил... – он дышит мне в лицо, и я таю под струей его дыхания. Из моей груди вырывается стон. – Детка, если ты так будешь стонать, то я точно не сдержусь.

– Пожалуйста, не сдерживайся, я хочу тебя чувствовать, – шепчу я ему.

– Если я сделаю это сейчас, завтра, когда ты протрезвеешь, ты меня возненавидишь.

– Я не пьяная! – он хмурится, и я смягчаюсь. – Ты показал целых два способа, как нам доставить друг другу удовольствие... давай применим хотя бы один из них...

– Способ всегда найдется, – теперь его голос звучит игриво.

Он откидывает мое одеяло и притягивает к себе. О, боже мой! Он спит голым! Я задыхаюсь одновременно от возбуждения и страха. Он берет мою руку и накрывает Сэма. Он твердый как камень и мне хочется его сжать со всей силы.

– Верона! Видишь, как я тебя хочу? – его голос хрипит от возбуждения. – Видишь, как ты мучаешь меня?

– Я сама мучаюсь...

Да заткнись ты уже! Зачем я его дразню? Ему же и так тяжело. Он утыкается лбом мне в плечо и рычит.

– Это в последний раз Верона... в последний раз я сдерживаюсь. Больше этого не будет... понимаешь?

Его голос такой властный и чувственный, что я не в силах ему противостоять, да и не хочу. Я мурлычу в ответ «Да-да». Мое желание так велико, что я снова становлюсь с ним смелой.

– Милый, на этот раз я хочу, что бы ты кончил первым.

Руссо смотрит на меня так, что внутри все переворачивается. Запускает руки в мои волосы и нашептывает ласковые слова. Затем наваливается на меня сверху и впивается в меня губами с такой силой, что дух захватывает. Я обвиваю ногами его бедра и прижимаю к себе. Сэм упирается в мой лобок, трется о гладкую кожу. Какой же он большой! Не могу поверить, что он когда-то будет во мне.

Я поглаживаю и покусываю его плечи. Дыхание обоих становится прерывистым и частым. Руссо, то нежный и ласковый, то страстный и грубый. Еще мгновение и ни в какую Верону мы уже не полетим. Внутри разгорается такой жар, что нет сил его обуздать. Боже! Куда меня несет?

Аристарх

Стягиваю с Вероны трусики и футболку. Ее идеальное тело освещено лишь лунными лучами. Это сводит меня с ума. Я задыхаюсь от предвкушения. Какая же она красивая! Любуюсь, будто вижу в первый раз. Плавная линия бедра, округлая грудь, стройные ноги. Моя девочка!

Верона будто чувствует, что мое терпение на исходе и предлагает кончить мне первому. Черт! Это раззадоривает меня еще сильнее. Хочу зацеловать ее и заласкать, прежде чем ее губы дотронуться до Сэма.

– Верона я хочу тебя! Проклятье! Как же я хочу тебя! – рычу я.

– Так возьми меня, – шепчет она, в глазах желание и страх.

– Нет! Уже скоро, совсем скоро... – успокаиваю сам себя.

Я ласкаю ее груди, она громко ахает и стонет. Мне нравится чувствовать, как под моими губами твердеют ее соски. С каждым разом она все смелее и смелее. Сегодня ее руки добрались до моих ягодиц. Она сжимает их с такой силой, что заставляет Сэма каждый раз дергаться. Я переворачиваюсь на спину, теперь она сверху. Прошу сжать Сэма между ног. Черт! Кожа у нее такая мягкая и гладкая.

– Ты моя, Верона! – хриплю я.

– Твоя, – повторяет она, еще крепче сжимает Сэма и движется в такт моих бедер.

Закатываю глаза от удовольствия и стону. Черт! Я могу так кончить!

Снова переворачиваю ее на спину и спускаюсь вниз. Она улыбается, поняв мой замысел. Мой язык углубляется в ее промежность, она тут же отзывается глухим стоном. Надавливаю на верхнюю часть клитора и начинаю посасывать. Она резко вскрикивает и приподнимается на локтях. Ее глаза с жадностью впиваются в меня. Я отрываюсь от нее и спрашиваю:

– Тебе так нравится, детка?

– Очень, – ее голос понижается на октаву, верный признак возбуждения.

Я продолжаю ласкать, через минуту ее прелести набухают, а клитор твердеет. Самый подходящий момент для новых ощущений. Я проникаю языком глубже и она выгибается. Медленно ввожу палец и нажимаю на нижнюю часть промежности. Она вскрикивает и сжимает бедра.

– Расслабься, детка, это всего лишь палец. Он не повредит плеву.

Надеюсь! А то зальем тут все кровью к чертовой матери!

Верона напрягается и больше не стонет. Новые ощущения заставляют наслаждение откатиться назад. Убираю палец и продолжаю ее ласкать. Чередую нажим и вращения языком. Она стонет и мотает головой. Захватывает в кулачки простынь. Ее ноги дрожат, чувствую, что она на грани и вот-вот кончит. Тогда я снова вставляю в нее палец, и она буквально взрывается от крика. На этот раз оргазм длится дольше, глаза она открывает только через минуту.

– Ты такая сладкая, детка, – шепчу я и вытираю губы.

Поглаживаю ее живот и бедра. Даю ей время прийти в себя.

– Как ощущения?

– Я в раю, – разлепляет она пересохшие губы.

– Я тоже туда хочу, – напоминаю я ей о Сэме.

Она со стоном сползает с постели, мне в кайф наблюдать какая она расслабленная и осоловевшая. Черт! Моя детка пьяная, но уже не от вина.

Губы у нее прохладные, а внутри рот горячий и влажный. Она захватывает Сэма в сладостный плен и из моей груди вырывается стон. Сжимаю ее голову и задаю темп. Черт! Долго мне не выдержать, так что кайф не растянуть!

– Детка, я сейчас кончу! – успеваю крикнуть я, как все тело содрогается в конвульсиях. – Черт! Черт! А-а-а! Черт!

Она не успевает или не хочет отстраниться, часть спермы попадает на губы и она пробует ее на вкус.

– Проклятье, детка, что ты делаешь?

– Она соленая, – улыбается Верона, – и пахнет странно, не как твое тело.

Я смотрю на нее ошарашено.

– Зачем ты это сделала?

– Ты же слизываешь... мои... ну... почему я не могу?

Она еще не знает о моей патологической брезгливости. Чиксы часто глотали мою сперму, и я при этом еле сдерживался, чтобы не блевануть, хотя они наверняка думали, что доставляют мне огромное удовольствие. Но с Вероной все иначе. Она не только укрощает Сэма, но и какое-либо отвращение во мне.

– Я же просил тебя этого не делать, – укоряю ее, но уже без злости.

– Прости, не смогла удержаться. Я почищу зубы, – она вскакивает, хочет убежать в ванную, но я с силой притягиваю ее к себе и мы валимся на кровать.

– Не уходи, поцелуй меня, – прошу я и зарываюсь пальцами в ее длинные волосы.

Я снова просыпаюсь на животе Вероны, ее рука лежит на моей щеке. Это становится моей новой привычкой. Мне нравится по утрам сжимать ее в своих объятиях. Вдыхать тонкий молочный аромат тела. Слышать, как она мирно посапывает. Но сейчас ее тело напряжено, я поднимаю голову. Что не так?

Ее глаза открыты, моя малышка рассматривает меня.

– Завтра мы будем уже в Вероне, – шепчет она с волнением.

– Завтра, – эхом разносится по комнате мой голос.

– Господи, хоть бы нам никто не помешал.

Я смеюсь и перекатываюсь на спину.

– Как здорово просыпаться вместе и смотреть на тебя. Ты такой красивый, что аж кровь в жилах стынет.

Она краснеет от собственных слов.

– Скажешь тоже... – усмехаюсь я. – Это ты у нас красавица.

На часах сработал будильник. Черт! У меня сегодня тяжелый день и я не знаю, успею ли закончить все намеченные дела.

Верона вскакивает и бежит в ванную, но открыв дверь, оглядывается и спрашивает:

– Ты действительно считаешь меня красивой? Или просто говоришь из вежливости?

– Черт! Верона! Ты не просто красивая, ты чертовки красивая! Ты... самая красивая девушка, которую я когда-либо встречал.

Она смерила меня недоверчиво-изучающим взглядом. Проклятье! Я мало говорю своей малышке комплементов. Надо это дело исправлять. Не хочу, чтобы у нее развились комплексы.

Верона скрывается в ванной, а я надеваю боксеры и пижамные брюки. Слышу, как она принимает душ, мне хочется войти к ней, но я смотрю на часы и решаю, что лучше отложить это до Италии. Скручиваю волосы в самурайский хвост и раскладываю шмотки на кровати, которые планирую надеть.

– Я иду на кухню, как примешь душ, приходи завтракать, – говорит Верона, выходя из ванной, и целует меня в губы.

Хлопаю ее по аппетитной попке и прошу сделать мне омлет. Она скрывается в гардеробной, а я захожу в ванную. Черт! Как Верона может использовать ванну по полной и оставить после себя идеально чистоту?

Когда я спускаюсь на кухню, Верона хлопчет у плиты.

За столом с чашкой кофе сидит Курт.

– Доброе утро, – бурчу я.

– Угу, – отвечает тот, но под пристальным взглядом сестры добавляет: –
Доброе утро.

Видимо, Верона его пропесочила и теперь он вынужденно вежлив. Честно говоря, меня достали его наезды из серии «Сделаешь моей сестре больно, я тебя прибью». Но он мой близкий друг, а она его Ангел, неплохо бы проявить терпение.

Прошу Курта подменить меня на боях, тот кивает, ожидал, что я обращусь именно к нему. Хотя Годзилла ворчит, что тот работает медленно и пару раз путал ставки при выплате, но я всегда его прикрывал. Выбора у меня нет, кроме него я не могу никому довериться. Ввожу его в курс дела, кто будет драться и открываю ноут. Показываю ему промо-видео с бойцами. Я изучил несколько программ и сам начал монтировать видеоролики. Тот обещает заехать в качалку и лично посмотреть на бойцов, чтобы составить для каждого презентацию.

Когда я допил кофе, Верона поставила передо мной тарелку с каким-то пирогом.

– Что это, детка? Я просил омлет, – принимаюсь, вроде пахнет яйцами.

– Это омлет, я пеку его в духовке, поэтому он такой пышный, – говорит она и улыбается. – Попробуй.

Сделал пробный заход, потом второй и уже не смог остановиться.

– Супер! – я отодвинул пустую тарелку, вскочил и поцеловал Верону в лоб.

При Курте приходится сдерживаться. Черт! Курт свалил бы ты отсюда!

– Детка, какие у тебя планы на сегодня?

– Пойду в институт, сегодня кровь из носа мне нужно быть на двух парах, потом в бутик, доделаю вторую партию гардероба Адама...

Черт! Из-за Лили я совсем забыл про этого упыря!

– Стоп-стоп-стоп! Адама Ландау?! Мне не послышалось?

Она что издевается?

– Ну да, мы же взялись за переделку его гардероба, – Верона бледнеет. – Тебе не о чем беспокоиться, это рабочие отношения.

– Рабочие отношения? Ну да! Конечно! А цветы и просьба о свидании? Это тоже входит в твои обязанности?

Курт чуть не подавился своей порцией омлета.

– Адам Ландау еще тот хитрец и прохиндей! – поддерживает меня друг. – Я прокачивал ему байк год назад. Дважды мы с ним общались и оба раза он мне мозг выносил.

– Он клиент бутика, вот и все. Я вежливо поблагодарю его за цветы и откажусь от свидания. Чего вы завелись?

– Да потому что он не похож на человека, который принимает отказ! Черт! На хрена тебе вообще работать? Детка, я позабочусь, чтобы ты ни в чем не нуждалась! Сегодня же скажу Кате, что ты больше не выйдешь на работу!

– Нет, ты не сделаешь этого! Мне это нужно!

– Что нужно? – я свирепею. – Вилять задом перед Адамом Ландау?

Мой телефон остался в спальне. Я срываюсь с места и бегу к лестнице, она бежит за мной.

– Если ты это сделаешь, мы никуда не полетим! – кричит она мне вслед.

Я резко разворачиваюсь, она налетает на меня, хватая за руку и тащит подальше от лестницы.

– Не смей меня шантажировать! – ору ей в лицо.

– Ты мне не оставляешь выбора, – отвечает она, в глазах слезы.

– Эй! Остыньте! Оба! – кричит нам Курт.

Он подлетает к Вероне и оттягивает ее от меня, боится, что она попадет под мою горячую руку.

– Вот значит как?! – я прочищаю горло. – Я никому не позволю за моей спиной назначать свидание моей девушке. Хочешь работать на Адама Ландау? Прекрасно! Но прежде тебе придется выбрать, Верона! Либо он, либо я!

Поднимаюсь по лестнице, за спиной слышу, как она с шумом выдыхает и говорит:

– Я свой выбор сделала.

– Что-то не похоже, Верона! – я оборачиваюсь и кричу: – Вместо того чтобы посвятить день сборам, ты собралась к Адаму!

– Ох! – она сверкает глазами и упирает руки в бока. Злая девочка. – Я иду не к Адаму, а с Санчесом в пошивочный цех. И после вчерашнего ты не в том положении, чтобы диктовать условия! – Теперь ее крик разносится по всему дому.

– Адам всего-навсего прислал цветы и вложил записку, а твоя Лирианна ворвалась в бутик и устроила сцену, из-за которой ты разбил витрину!

Ни хрена себе! Она оправдывает этого упыря! Похоже, между ними не все так невинно как она говорит! Чего она вообще так в него вцепилась? Возможно, мне нужно уйти, остыть, но я уже не могу остановиться. После всего, что между нами было, какого черта мы вообще обсуждаем какого-то там Адама! Да еще в присутствии ее братца!

– С Лили мы встречались два года! У нас было все серьезно! Она пришла, потому что я отказался с ней встретиться, и как ты поняла по разговору, она за меня волнуется! Она не знала, что у меня есть ты! А ушлепок Адам, по твоим же словам, просто клиент, видел меня, знал, кто я для тебя и все равно послал тот гребанный букет!

– Так почему вы не вместе, Руссо? Если все так было прекрасно, как ты обрисовал? А? – я еще никогда не видел ее такой злой и едкой. – Почему она теперь в Лондоне, а ты в Москве?

– Спроси у нее! – выпаливаю я в горячке. – Может тебе она объяснит, почему отменила нашу свадьбу и умчалась с другим!

У Вероны распахиваются глазища. Черт! Это было для нее новостью.

– Вашу что? Свадьбу?! Вашу... свадьбу! – она нервно сглатывает и белеет. – Ты... ты... ты делал ей предложение? – Верона задыхается, глотает ртом воздух. У нее шок.

Курт обнимает ее, гладит по голове. Черт! Бро, да отойди ты от нее!

– Ты не сказал мне, ты... ничего мне не сказал... разве такое можно скрывать? Ты... намеренно... это скрыл?

В голове звучит назойливая мысль, что нужно подойти к ней, обнять, успокоить, но ярость сковала все тело, сейчас я не способен кого-то утешать, сейчас я вулкан, который выплескивает ядовитую лаву. Присутствие Курта тоже не в радость. На кой хрен мы орем на весь коттедж, собирая зевак. Я этого терпеть не могу!

– Как можно строить отношения на лжи? – Верона никак не успокоится.

– Я не лгал тебе! Никогда!

– Может, ты не сказал о ней, потому что думал, что она вернется?

Я вздрагиваю. Черт! Верона капнула очень глубоко!

Она замечает мою реакцию, вырывается из объятий Курта и бежит к подножию лестницы. Глаза горят от гнева.

– Как же я сразу не догадалась? Ты ждал ее! Поэтому ни с кем не встречался! И вот она вернулась! Счастливый конец!

– Чушь! Ты несешь полную чушь!

– Тебе лучше уйти, Руссо. Я хочу остаться одна!

– Одна?! Одна?! Хочешь быть одна?! – в висках стучит, я сжимаю кулаки, меня накрывает по полной. – Отлично! Моей ноги здесь больше не будет!

Срываюсь с места и чуть не сбиваю Анну, какого черта она путается под ногами! Бегу в спальню, одеваюсь, кидаю шмотки в чемодан. Хватаю телефон, часы и вылетаю в коридор.

– Руссо, не делай этого, – Анна пытается все уладить.

– Ты не по адресу! Иди, скажи это своей подруге! – выпаливаю я со злостью. – Это она меня выставила!

Спускаюсь по лестнице. Гремлю чемоданом на весь коттедж. Ни Курта, ни Вероны не вижу. Вот и отлично! Пошло оно все к чертовой матери! Закидываю чемодан в багажник и сажусь за руль. Настроение отстой, хуже некуда. Злоба переливается через край. Мне бы сейчас выпустить пар в качалке, но нужно ехать к родакам. Черт! Мне точно сегодня снесет крышу!

Со всей дури бью по рулю! Черт! Черт! Черт! Как я себя ненавижу! На хрена я связался с этой фарфоровой куклой! Надо мной висит какое-то проклятье! Я снова отвергнут, хотя на этот раз проявил гигантские усилия, чтобы все наладить. Какой же я глупец! Поверить, что у меня могут с кем-то сложиться отношения! Хорошо, что я ее не трахнул! А ведь я чуть не сорвался этой ночью... По крайней мере, теперь меня не будет пожирать чувство вины.

Получаю смс от отца.

Где ты?

Проклятье! Да еду, еду уже!

Вера

Я кое-как держалась, пока не увидела, как Руссо уезжает с чемоданом. Мои рыдания сотрясали весь коттедж. Сердце разрывалось на мелкие кусочки. Казалось еще мгновение и оно выпрыгнет из груди. Я поняла, что натворила, как только он скрылся за дверью спальни. Из-за его откровений об отмененной свадьбе у меня взорвался мозг. Я ничего не соображала, просто мне хотелось, чтобы он перестал говорить о ней. Как только я ее увидела, то поняла, что я ей не ровня. Я проигрываю ей по всем пунктам. В глубине души я знала, если она реально захочет его вернуть, то ей это будет несложно. Перед глазами мелькали перекошенные гневом лица Руссо и Лилианны. Они все еще любят друг друга! Просто не хотят этого признавать!

– Он остынет и вернется.

Саня пытается меня успокоить, но я мотаю головой.

– Не вернется, он забрал вещи.

После собственных слов я ничего не видела и не слышала вокруг. Истерика накатила с новой силой и не прекращалась больше получаса. Софа силком затащила меня в свою ванную комнату, толкнула под холодный душ и удерживала там, пока я не успокоилась, вернее, впала в ступор. Я все слышала и понимала, но ни на что не реагировала. Со мной бывало такое и раньше, особенно после побоев отца.

Подруги переодели меня и положили на кровать Софы. Я закрыла глаза и сделала вид, что сплю, но мне просто хотелось, чтобы меня оставили в покое. Мне хотелось одиночества. Я люблю одиночество. Да, тебе не с кем разделить свою радость и горе, но зато никто не может причинить тебе боль. А ее в моей жизни было так много, что хватит на всех жителей нашего забытого богом поселка.

Дверь оставалась открытой и до меня время от времени доносились обрывки разговоров. Подруги были не на моей стороне, особенно Анна. Ей всегда нравился Руссо, она не раз повторяла мне, что у него ранимая душа. Мой телефон звонил и звонил. На звонки отвечала Анна и корректно объясняла, что я приболела и не могу говорить. Иногда она называла имена тех, кто высвечивался на экране телефона, звонили: Санчес, Катя и даже Галина Сергеевна. С ней Анна говорила дольше остальных. Из-за меня подруги не пошли в институт... сорвалась

наша поездка с Руссо, а с ней и все надежды на будущее. Что еще может быть хуже?

Подруги зашли ко мне в полдень... потом когда за окном стемнело, но я все еще лежала без движения. Все тело онемело, я не чувствовала ни рук, ни ног.

– Софа, надо что-то делать, – твердо заявила Анна. – Нельзя оставлять ее в таком состоянии.

– Чушь, я была в такой же отвязке, когда мне изменил мой парень. Оставь ее, она сильная, сама оклемается.

Они спорили еще несколько минут, потом вышли и закрыли дверь.

Помню, что заходил Саня, от его одежды пахло табаком. Он что-то спрашивал, но я была в забытьи, все двоилось и преломлялось, мне тяжело было даже открыть глаза. Хотелось, чтобы на его месте был Руссо, чтобы он обнял меня и назвал «деткой». Раньше я считала таких парней без фантазии и выдумки, раз не могут придумать своей девушке что-нибудь интимное, подходящее только для нее. Но из уст Руссо это звучит так нежно и трогательно, что пробирает до костей. Хочу прижаться к нему и попросить, чтобы мы больше никогда не ссорились и не ревновали. Это было так гадко, так больно! Зачем мы все это сказали друг другу?

– Вера! Не стой как вкопанная! – кричит мама и пытается привезти Пашку в чувство. – Я просила тебя вызвать «Скорую»!

От страха я не могу пошевелиться. Пашка бьется в судороге, во рту пузырится белая пена, мама боится отпустить его голову.

– Дочка! Посмотри на меня! – я поднимаю на нее глаза. – Беги к бабе Нюре, пусть она сейчас же сюда придет! А потом вызови «Скорую»!

Бегу к соседке. Ноги не слушаются. Спотыкаюсь об камень, падаю и разбиваю коленку.

– Баба Нюра! Баба Нюра! Там... там... вас мама зовет!

Соседка моет окна перед Пасхой. Бросает тряпку и бежит к нам в дом, а я застываю перед телефоном и набираюсь сил. Когда возвращаюсь в зал, вижу, как баба Нюра колдует над Пашкой, а потом мамин протяжный вой похожий на волчий, такой же грустный и безнадежный.

Сколько нам все это терпеть? Сколько ночей еще не спать?

К дому подъезжает «Скорая». Пашку осматривают два врача. К этому времени он уже не шевелится. Он что умер? Как же нам теперь жить без него? Я снова иду к телефону, набираю «02», громко и внятно говорю в трубку:

– Алло! Милиция? С вами говорит Вера Павлова из поселка «Приозерный». Только что мой отец убил младшего брата, – я называю адрес и вешаю трубку.

Знаю, маме это не понравится, но мне уже все равно. Иду в детскую и сажусь на свою кровать. По коридору несут на носилках Пашку. Его руки висят как плети. Голова заваливается на бок. Он больше не улыбается, не зовет меня на озеро, не рассказывает мне глупых историй.

– Врач сказал, что он впал в кому, – говорит мама бабе Нюре.

Не знаю, что такое кома, но, видимо, что-то очень плохое!

Мама садится в «Скорую», а меня баба Нюра ведет к себе. Нам навстречу выбегает Леха, он прятался на кладбище. Я испугано ищу глазами отца. Он погнался за ним, но Леха убежал. Он всегда хорошо бегал.

– Где Гоблин?! – кричу я и не узнаю свой голос.

– Упал в выкопанную могилу и уснул, – скалится Леха, он еще не знает, что случилось, но, увидев мое перекошенное болью лицо, спрашивает: – Где Пашка?

– Он споткнулся! Споткнулся! – лицо заливают слезами, я ничего не вижу. – И Гоблин его нагнал!

Улыбка сползает с лица брата, он смотрит на меня растеряно и с жалостью, потом переводит взгляд на «Скорую» и срывается с места. Бежит, но ноги его не слушают, и он падает, снова поднимается и снова падает.

– Пашка! Паша! Стойте! Пашка!

В очередной раз я выплыла из забытья под утро. Небо начало светлеть. Электронные часы на прикроватной тумбе показывают пять утра. Полчаса назад улетел наш самолет. Руссо так и не пришел. Он бросил меня! Вернее сделал то, что я сама его просила – ушел из моей жизни. Теперь никаких загадок, никаких секретов. Теперь никто не сделает мне больно. Он будет счастлив с Лилианной и через месяц обо мне даже не вспомнит.

Тишину разрывает мой крик. Крик отчаяния. Крик только что покинутой меня надежды.

Конец первой части

Апрель 2016г